

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ДЕПАРТАМЕНТ ПО АРХИВАМ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

АРХИВЫ И ВОЙНА

К 75-летию Победы над фашизмом

**Материалы
международной научной конференции**

Минск, 4 ноября 2020 г.

Под общей редакцией *А. Г. Кохановского*

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2021

ISBN 978-985-881-215-7

© БГУ, 2021

УДК 930.25(091)(06)
ББК 79.33я431

Научный редактор *М. Ф. Шумейко*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *А. Г. Кохановский* (гл. ред.);
доктор исторических наук, профессор *В. К. Коршук*;
доктор исторических наук, профессор *Э. М. Савицкий*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Ходин*;
доктор исторических наук, профессор *Т. И. Хорхордина*;
кандидат исторических наук, доцент *М. Ф. Шумейко*;
кандидат исторических наук, доцент *Т. Д. Гернович* (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. М. Литвин*;
кандидат исторических наук *С. В. Жумарь*

Архивы и война. К 75-летию Победы над фашизмом [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч. конф., Минск, 4 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. А. Г. Кохановского ; науч. ред. М. Ф. Шумейко. – Минск : БГУ, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-215-7.

Представлены материалы международной научной конференции, организованной историческим факультетом Белорусского государственного университета совместно с Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. Исследователи из Беларуси, России, Польши и Франции рассматривают актуальные проблемы истории архивоведения в контексте событий Великой Отечественной войны, на основе архивных документов анализируют различные аспекты, связанные с историей локальных конфликтов и войн в истории человечества.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word.

На белорусском, русском и английском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. Д. Гернович*

Подписано к использованию 02.07.2021. Объем 1,1 МБ.

Белорусский государственный университет. Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск. Телефон: (017) 259-70-70. email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by/>

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Т. Н. Агеенко РОЛЬ БЕЛОРУССКОГО ИСПАРТА В СОХРАНЕНИИ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ПО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В БЕЛАРУСИ	9
А. М. Белявский ОНЛАЙН-АРХИВ «ГРУППЫ АТЛАС» КАК МЕСТО ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЛИВАНЕ	15
А. Ф. Великий «ПОЛЬСКИЙ СЛЕД» В БЕЛОРУССКИХ АРХИВАХ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР. 1939– 1941 ГГ.	22
В. К. Вознесенский ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ NATIONAL ARCHIVES AND RECORDS ADMINISTRATION О СОБЫТИЯХ ЛЕТА 1941 г. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ	26
Т. Д. Гернович МИНСКИЙ ОКРУЖНОЙ АРХИВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ)	34
Н. С. Гардзіенка АСАБЛІВАСЦІ ПРАЦЫ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА-МУЗЕЯ ЛІТАРАТУРЫ І МАСТАЦТВА ПА КАМПЛЕКТАВАННІ ДАКУМЕНТАМІ З АРХІВАЎ БЕЛАРУСКАЙ ЭМІГРАЦЫІ	40
В.С. Іванова СЯМЕЙНЫЯ АРХІВЫ БЕЛАРУСКІХ ВЯСКОЎЦАЎ І ІХ ЛЁСЫ ПАДЧАС ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ.....	47
С.Б. Каун АРХИВЫ И ВОЙНЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ.....	55
С. Е. Куприянов ВЛИЯНИЕ ВОЙН НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА (НА ПРИМЕРЕ ГЕНЕРАЛА ЮЗЕФА ХЛОПИЦКОГО)	59
А. М. Латушкін БІБЛІЯТЭКА НЯСВІЖСКОЙ АРДЫНАЦЫІ КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ ПАДЧАС ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ ВА ЎСПАМІНАХ АПОШНЯГА АРХІВАРЫУСА РАДЗІВІЛАЎ Б. ТАЎРАГІНСКАГА	65
Мостыка А. И. ФОНД УНИВЕРСИТЕТА СТЕФАНА БАТОРИЯ В ЛИТОВСКОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ: МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ БЕЛАРУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА УНИВЕРСИТЕТА	72

В.Ф. Мелеховец АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОНДА 1112 НАРБ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА О ПОСЛЕВОЕННОМ ПЕРИОДЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЛУХОНЕМЫХ (1944 – 1946 гг.)	78
Л.П. Муромцева ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЙН НА ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ	89
А. Г. Плытнік Б. ТАЎРАГІНСКІ ЯК АПОШНІ ПРЫДВОРНЫ ГІСТОРЫК І АРХІВАРЫЎС КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ, АРДЫНАТАЎ НЯСВІЖСКІХ: ЛЁС ПАДЧАС І ПАСЛЯ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ	98
В.Б. Прозорова РАЗДРОБЛЕНИЕ ФОНДОВ РУССКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ, СЛЕДСТВИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И УРОКИ.....	104
Н. І. Станкевіч СУЦЬД НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ХІХ СТАГОДДЗІ	115
А.М. Сцебурака БЕЛАРУСКІ СЛЕД ПЕРАМЕШЧАННЫХ Ў 1940–45 ГГ. ФРАНЦУЗСКІХ БІБЛІЯТЭК І АРХІВАЎ: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АСПЕКТ	126
Т. И. Хорхордина ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ–АРХИВИСТОВ 1943 г. И ОБЩЕНАРОДНОЕ СОБИРАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	133
М.Ф. Шумейко БЕЛОРУССКИЕ АРХИВЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	141
И. В. Чернявский ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БАЗ ДАННЫХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1941–1944 гг.)	151
Н. Ciechanowski NOT ONLY THE CENTRAL ARCHIVES – WAR AND LOCAL GOVERNMENT ARCHIVES ON THE EXAMPLE OF CIVIL STATUS REGISTERS	158

ВВЕДЕНИЕ

Международная научная конференция «Архивы и война» (к 75-летию Победы над фашизмом), материалы которой публикуются, состоялась 4 ноября 2020 г. на базе исторического факультета Белорусского государственного университета. В ее работе приняли участие более 40 представителей научных, учебных, архивных учреждений Беларуси, России, Польши, Франции.

Открывая конференцию, сопредседатель организационного комитета, декан исторического факультета А. Г. Кохановский отметил актуальность тематики конференции и выразил надежду, что она будет способствовать повышению эффективности работы как архивных, так и образовательных учреждений. С приветственным словом к участникам обратился также сопредседатель организационного комитета конференции директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь В. И. Кураш, подчеркнувший, что популяризация документов Национального архивного фонда Республики Беларусь имеет большое значение в деле сохранения памяти о Великой Отечественной войне.

Пленарное заседание открыл доклад «Белорусские архивы в годы Великой Отечественной войны», с которым выступил профессор кафедры источниковедения исторического факультета БГУ М. Ф. Шумейко. В нем рассматривались исторические аспекты эвакуации белорусских архивов на Восток, судьба оставшихся на оккупированной территории архивных комплексов. Докладчик обратил внимание на предпринимаемые мировым сообществом в ходе войны меры, направленные на минимизацию утрат культурных ценностей, в частности, принятие 5 января 1943 г. странами антигитлеровской коалиции Декларации об оставлении за собой права объявлять недействительной любую передачу или любую сделку в отношении награбленной собственности.

В докладе ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН В. Б. Перхавко «Отношение военных людей к архивному наследию: Восточная Европа (1917–2017 гг.).» (он не публикуется в настоящем сборнике) также подчеркивалось, что в ряде случаев из-за нераспорядительности вышестоящего архивного руководства были утрачены личные архивы многих деятелей литературы, искусства и науки БССР, РСФСР и УССР, а ряд архивов (например, Смоленский партийный, вывезенный нацистами в Германию), оказался затем за океаном. Он

отметил, что в последнее время усложнились условия ознакомления в архивах ФСБ России с делами репрессированных даже для близких родственников, что вызывает озабоченность у исследователей. По мнению докладчика необходимо в законодательном порядке установить срок давности для всех архивных материалов, хранящихся в ФСБ, за исключением архивов внешней разведки, по истечении которого они должны быть доступны для исследователей.

В докладе заведующей кафедрой истории и организации архивного дела Историко–архивного института Российского государственного гуманитарного университета Т. И. Хорхординой «Всесоюзная конференция историков–архивистов 1943 г. и общенародное собрание документального наследия Великой Отечественной войны» анализировались процессы сохранения документальной памяти о войне еще в ходе ее. Она подчеркнула, что уже в июне 1943 г. участники конференции инициировали вопрос о создании «архива войны», в который могли бы передаваться материалы личного происхождения (воспоминания, письма, дневники бойцов и командиров Красной Армии, партизан и подпольщиков, тружеников советского тыла и т.п.). По сути это была попытка создания «народного архива», реализованная только в настоящее время.

Завершил пленарное заседание доклад консультанта по управлению электронными архивами компании "Abylsen" (Париж, Франция) В.Б. Прозоровой, являющейся также руководителем Бюро российского журнала "Вестник архивиста" в Европе, «Раздробление фондов Русской военной администрации во Франции в Первую мировую войну: причины, следствия, инструментарий исправления и уроки». В нем была представлена история формирования и последующая судьба документального собрания Русской военной администрации во Франции, фактически являвшейся рабочим органом Антанты, координировавшим франко–русское военное сотрудничество в рамках исполнения Россией союзнических обязательств в Первую мировую войну. Созданные в результате деятельности администрации документальные фонды оказались в разных архивах Франции и России. В процессе проведения их реконструкции приходится преодолевать ряд препятствий, обусловленных разными национальными традициями документирования и фондирования, отсутствием единого библиотечно–архивно–музейного стандарта описания, несовершенством законодательства о защите культурных ценностей и др. Для преодоления этих препятствий, по мнению

докладчика, особенно важны унификация описания культурного наследия в международном масштабе, а также сохранение и поддержка национальных программ по выявлению документов в зарубежных архивах.

Дальнейшая работа конференции проходила по трем секциям. В первой «Роль архивов в деле сохранения памяти о войне» выступил доцент исторического факультета Торуньского университета имени Н. Коперника (Торунь, Польша) Адриан Цехановский с докладом «Не только архивы центральных органов власти: значение архивов военных и местных органов власти на примере актов гражданского состояния».

Ряд докладов на секции был посвящен формированию памяти о военных событиях на территории Беларуси. Об этом шла речь в докладах доцента исторического факультета БГУ К.И. Козака «Архивные места памяти Беларуси о Второй мировой и Великой Отечественной войнах» (не публикуется), научного сотрудника НАРБ Т. Н. Агеенко «Роль белорусского Истпарта в сохранении источниковой базы по национально–государственному строительству в Беларуси».

Доклады доцента исторического факультета БГУ А. Н. Латушкина «Адлюстраванне лёсу бібліятэкі Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў падчас Другой Сусветнай вайны ва ўспамінах і матэрыялах асабістага архіва Б. Таўрагінскага» и старшего преподавателя этого же факультета А. М. Назаренко «Дакументаванне ваенных канфліктаў: новая тэхналагічная і медыя–рэальнасць канца ХХ–пачатку ХХІ ст.» (не публикуется) затронули проблему необходимости расширения источниковой базы.

Работа во второй секции «Судьбы архивов в годы войны» началась докладом доцента исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Л. П. Муромцевой «Влияние революций и войн на формирование архивов российской и белорусской эмиграции за рубежом», в котором была представлена история формирования, перемещения и современного местонахождения крупнейших документальных комплексов, возникших в связи с эмиграцией граждан с территории РСФСР, СССР.

О судьбах архивов в годы войны говорили доцент исторического факультета БГУ О. С. Иванова в сообщении «Сямейныя архівы беларускіх вяскоўцаў і іх лёсы падчас Другой сусветнай вайны», доцент Республиканского института высшей школы (РИВШ) А. Н. Стебурако «Беларускі след перамешчаных ў 1940–45 гг. французскіх бібліятэк і архіваў: гістарыяграфічны і крыніцазнаўчы аспекты», доцент исторического факультета БГУ Т. Д. Гернович «Минский окружной архив

в годы Великой Отечественной войны (по материалам Государственного архива Минской области)», младший научный сотрудник БелНИИДАД С. Е. Куприянов «Влияние войн на формирование личного архива (на примере генерала Юзефа Хлопицкого)».

О негативном влиянии войн на состав Национального архивного фонда Республики Беларусь шла речь в ряде докладов работников государственных архивов и преподавателей исторического факультета БГУ, в частности, ведущего научного сотрудника НАРБ А. Ф. Великого «Документальные материалы польских архивов и их перевод в систему архивной службы Беларуси в западных областях БССР в 1939–1941 гг.», заместителя директора БГАМЛИ Н. С. Гордиенко «Асаблівасці працы Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва па камплектаванні дакументамі з архіваў беларускай эміграцыі», ст. преподавателя исторического факультета БГУ С. Б. Кауна «Архивы и войны периода Великого княжества Литовского и Речи Посполитой».

В третьей секции «Документы по истории войн в архивах: проблемы хранения и использования» были заслушаны доклады архивиста НАРБ В. К. Вознесенского «Документальные источники National Archives and Records Administration (NARA) о событиях лета 1941 г. на территории Беларуси», доцента исторического факультета БГУ А. М. Белявского «Онлайн-архив «Группы Атлас» как место памяти о гражданской войне в Ливане».

Часть докладов была посвящена влиянию последствий военных действий на сохранность архивов. Об этом, в частности, шла речь в докладах зам. заведующего отделом НАРБ И. А. Вишневого «Документы по истории Белорусской обновленческой церкви в фонде митрополита Иосифа Кречетовича», аспиранта РИВШ А. И. Мостыки «Фонд Універсітэта Стэфана Баторыя ў Літоўскім Цэнтральным дзяржаўным архіве: матэрыялы, датычныя беларускай студэнцкай супольнасці ўніверсітэта».

Подводя итоги работы конференции, ее участники отметили, что решение поднятых проблем будет способствовать как совершенствованию работы архивных учреждений республики, так и развитию архивоведения и документоведения в республике.

*М. Ф. Шумейко
Т. Д. Гернович*

РОЛЬ БЕЛОРУССКОГО ИСПАРТА В СОХРАНЕНИИ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ПО НАЦИОНАЛЬНО– ГОСУДАРСТВЕННОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В БЕЛАРУСИ

Т. Н. Агеенко

*Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр-т Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь,
aheyenka-tatsiana@tut.by*

В статье рассматривается роль действовавшего в 1921–1929 гг Истпарта ЦК КП(б)Б по собиранию и сохранению материалов по истории партии и революционного движения. Выявление материалов проводилось несколькими путями: рассылка писем учреждениям и участникам событий, поездки в белорусские города и союзные республики, обмен документами с другими отделениями Истпарта и архивами, проведение вечеров воспоминаний. В результате проделанной Истпартом ЦК КП(б)Б работы были собраны и дошли до наших дней документы, хранящиеся как в виде оригиналов (в НАРБ и РГАСПИ), так и копий и отражающие деятельность БНР, провозглашение и укрупнение БССР, проведение национальной политики.

Ключевые слова: белорусский Истпарт; партархив; национально–государственное строительство

ROLE OF THE BELARUSIAN ISPART IN PRESERVING THE SOURCE BASE FOR NATIONAL AND STATE CONSTRUCTION IN BELARUS

T.N. Ageenko

*State Institution «National Archives of the Republic of Belaru»,
Nezavisimosti av., 116, 220114, Minsk, Belarus,
aheyenka-tatsiana@tut.by*

The article touches upon the work of the Istpart of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus, which operated in 1921–1929. Its main task was to collect and preserve materials on the history of the party and the revolutionary movement, as well as to consider issues of preserving party documents. The detection of materials was carried out in several ways: sending letters to institutions and participants of events, trips to Belarusian cities and union republics, exchange of documents with other departments of Istpart and archives, spending evenings of memories. As a result of the work done by Istpart documents have been collected and have survived to this day, reflecting the issues of the BNR activities, proclamation and consolidation of the BSSR, pursuing national policy, which are stored as originals (in NARB and RGASPI), and copies.

Keywords: Istpart; party archive; nation–building

Начало формирования комплекса документов партархива ЦК КП(б)Б было заложено в 1920–е гг. и связано с деятельностью белорусского Истпарта (Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории коммунистической партии), решение о создании которого принято 10 июня 1921 г. на заседании

ЦБ КП(б)Б [1, с. 11]. Перед Истпартом была поставлена задача собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и КП(б)Б. Первые попытки проведения данной работы были предприняты летом 1922 г., когда Истпарт направил в ЦК комсомола Беларуси, Совет профсоюзов республики письма с просьбой прислать материалы, отражавшие историю создания и деятельности этих органов. Кроме того, на протяжении 1922 – начала 1923 гг. с подобными просьбами Истпарт обратился в польбюро ЦБ КП(б)Б, Исполком Минского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Госполитуправление, Госиздат. Во все шесть уездных комитетов партии было разослано циркулярное письмо, в котором говорилось об огромном значении собирания и сохранения материалов прошлого [2, с. 74].

Для решения стоявших перед учреждением задач в ноябре 1922 г. президиум ЦБ КП(б)Б утвердил коллегию Истпарта, которую возглавил заведующий агитационно–пропагандистским отделом ЦБ И. Вайнер [3, л. 85]. В течение 1923 г. продолжалась работа по рассылке писем о необходимости систематического собирания документов о деятельности подпольных организаций в период немецкой и польской оккупаций, об истории партии и становлении Советской власти в Беларуси, борьбе с бандитизмом, биографий и фотографий погибших коммунистов и передаче документов в Истпарт. Однако ни в 1922, ни в 1923 гг. наладить систематическую работу не удалось.

В дальнейшем Истпартом придавалось большое значение сбору воспоминаний участников революционного движения, старых большевиков и др. Для этого проводились вечера воспоминаний, регистрация бывших партизан. В итоге было собрано значительное количество воспоминаний, которые сейчас хранятся в фонде Истпарта, и частично опубликованы в сборниках и журналах.

В ноябре 1923 г. президиум ЦБ КП(б)Б повторно утвердил коллегию Истпарта во главе с руководителем Центрархива Д. Жилуновичем. Среди поставленных перед коллегией задач были изучение истории КП(б)Б, Октябрьской революции в Беларуси, рабочего движения, сбор воспоминаний о революционной деятельности членов партии и беспартийных [4, л. 1].

Вопрос о непростом положении Истпарта был рассмотрен на заседании пленума ЦБ КП(б)Б 19 ноября 1923 г. [5, л. 75]. Выступавший на нем Д. Жилунович указывал на причины, которые мешали широко развернуть деятельность (отсутствие работников, средств и недостаточная осознанность важности работы Истпарта со стороны членов партии и партийных организаций). В числе стоявших перед Истпартом задач

докладчик указал на необходимость систематизации архивных фондов, налаживания архивного дела в партийных учреждениях, розыск и сдачу в историко–революционные отделения архивов особо ценных материалов, включая документы бывших жандармских и сыскных отделений, полицейских учреждений, канцелярий губернаторов и исправников, фабричных инспекторов, местных организаций всех существовавших в Беларуси до октября 1917 г. рабочих, крестьянских и других партий.

Однако в связи с укрупнением БССР деятельность Истпарта была вновь приостановлена. Тем не менее в Истпарте был сконцентрирован архив областного комитета партии за 1918 г., находившийся в Смоленске; часть архива Облискомзапа; Мингубревкома; документы ЦБ КП(б)Б по 1922 г. включительно; архивы Барановичской, Лидской, Дисненской, Новогрудской, Вилейской и других партийных организаций за 1919–1920 гг., архив Минского городского совета [2, с. 74]. Кроме того, здесь хранились фотографии и дело с биографиями парработников, печатные материалы о Корниловском мятеже, Белорусской народной раде, белорусских эсерах, найденные в здании Наркомпроса [6, л. 96 об.].

В мае 1924 г. Истпарт возобновил свою деятельность. 16 мая на заседании коллегии Д. Жилунович предложил план работы, который предусматривал сбор революционных материалов и их обработку, приведение в порядок и сохранение архива, организацию музея революции, назначение уполномоченных при уездных комитетах, в задачи которых входил поиск всех исторических материалов, проведение вечеров воспоминаний, посвященных революционному движению в Беларуси, освобождению Минска от поляков, провозглашению БССР и др. [4, л. 7–8].

Однако в своей работе Истпарт столкнулся с трудностями, связанными, главным образом, с отсутствием в его распоряжении достаточной документальной базы. В поисках материалов работникам приходилось выезжать в разные города, «искать материалы по всевозможным подвалам и чердакам и нередко прибегать к изъятию материалов от частных лиц почти силой» [7, л. 5]. Ими были осуществлены поездки в Могилев, Бобруйск, Витебск, Смоленск, Гомель, Ленинград и Москву, где снимались копии о революционном движении в Беларуси и передавались на хранение в архив. Например, от бобруйского Истпарта были получены документы о бобруйской организации, от витебского – жандармские дела и нелегальные издания [8, л. 5]. Благодаря взаимобмену документами происходило развитие взаимосвязей с другими истпартами. Так, например, Ленинградским истпартом была передана копия второго выпуска книги Е. Канчера «Из истории общественных, национальных и революционных организаций Белоруссии», выявленная в

архиве Ленинградского губернского комитета РКП(б) [6, л. 138]. В свою очередь Белорусский истпарт передал ленинградскому отделению 18 экземпляров воззваний, приказов и др. [6, л. 161]. В феврале 1925 г. по распоряжению председателя СНК БССР И. Адамовича Истпарт получил материалы с выводами, представленными Комиссией СНК БССР по приему частей Смоленской и Гомельской губерний на рассмотрение бывшего Временного белорусского бюро ЦК РКП(б) [9, л. 1]. А в следующем году Ленинградский истпарт передал протокол объединительного экстренного заседания членов коллегии Белорусского национального комиссариата, состоявшегося в Москве 25 декабря 1918 г. о государственном устройстве Беларуси, а также три подлинных и одну копию телеграммы по тому же вопросу за 1919 г. [10, л. 3]. В то же время поиски осложнялись тем, что из-за многочисленных войн, оккупаций часть архивов погибла, часть была эвакуирована из БССР, также материалы гибли в результате халатного отношения работников к историческим документам.

Для сбора материалов партийным и государственным деятелям рассылались письма-просьбы о высылке в адрес Истпарта материалов. В результате, были получены письма А. Червякова из Риги о мирных переговорах с Польшей, воспоминания о А. Мясникове, статьи В. Кнорина, А. Червякова, М. Калмановича и др. Среди них были и документы самого А. Мясникова, в том числе его записка наркому почт и телеграфа Беларуси К. Розенталю от 2 января 1919 г. о необходимости срочно распространить только что принятый Манифест Временного Рабоче-крестьянского правительства ССРБ, фрагменты личного дневника за 1924 г. и др. [1, с. 13].

К середине 1920-х гг. в Истпарте находились утратившие свои оперативные функции документы, связанные с образованием БССР. Упоминания об этом имеются в письме В. Кнорина, направленном 1 января 1925 г. в адрес белорусского отделения. Он писал: «Меня интересует и другой вопрос, по которому я просил бы дать ответ. Мною была передана в Истпарт личная переписка (моя и Мясникова) сохранилась ли она у Вас или тоже передана на пользование для кое-каких нужд комсомола или кого-либо другого» [11, с. 13].

В 1926 г. часть документов, в том числе о провозглашении БССР, была передана Истпартом в открытый 2 мая 1926 г. Музей революции БССР. Об этом свидетельствуют штампы музея на документах. Важно отметить, что в 1930-е гг. некоторые из них (например, письма, телеграммы, Манифест на белорусском языке и др.) были переданы в

Москву и сейчас хранятся в РГАСПИ, а в фонде Истпарта остались их машинописные копии.

Помимо собирания документов Истпарт занимался и организацией их хранения. Так, в мае 1928 г. ЦК КП(б)Б принял решение о необходимости согласовывать с Истпартом уничтожение архивных материалов и перевода в Могилев ненужного для текущей работы ЦК КП(б)Б архива [12, л. 4]. Таким образом, было закреплено концентрированное и обособленное от документов государственных архивов хранение материалов партийного комплекса. Для архива было отремонтировано помещение в здании Могилевского исторического музея, куда архив переехал осенью 1928 г. В Минске при Истпарте также существовал архив.

Собирание документов продолжилось и в дальнейшем. Так, в отчете Истпарта за 1929 г. говорилось о поступлении материалов от ОГПУ Беларуси (свыше 70 пачек) о «националистических» организациях, действовавших в 1918–1924 гг., как на территории Беларуси, так и за границей. В отчете сказано, что «из беглого ознакомления с ними видно, что они окажутся крайне полезны при изучении истинной роли Белорусской Социалистической Грамады, белорусских эсеров, разных бывших «белорусских рад» и пр. в период пролетарской революции» [13, л. 50].

В 1929 г. Истпарт был реорганизован в Научно–исследовательский институт по изучению истории КП(б)Б и революционного движения в Беларуси, все собранные им документы были переданы на хранение в партархив.

Таким образом, благодаря проделанной Белорусским истпартом работе сохранились как в оригиналах, так и в копиях, документы, связанные с деятельностью БНР, образованием БССР, советско–польской войной, укрупнением БССР, проведением национальной политики и многое другое, без чего невозможно представить ни одно исследование по истории Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Шумейко М.Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ/КПСС: методические рекомендации. Мн.: БелНИИДАД, 2017.

2. Шумейко М.Ф. Деятельность Истпарта ЦК КП(б)Б по созданию источниковой базы историко–партийной науки в 1920–е годы // Археографический ежегодник за 1987 год. М: Наука, 1988. С. 73–81.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 697.

4. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 6.

5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1016.

6. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 3.

7. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 34.
8. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 10.
9. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 3. Д. 459.
10. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 19.
11. Шумейко М.Ф. Документы об образовании БССР: источниковедческий и архивно–археографический аспекты // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн.: БелНДІДАС, 2019. № 20. С. 5–20.
12. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 38.
13. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 41.

ОНЛАЙН–АРХИВ «ГРУППЫ АТЛАС» КАК МЕСТО ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЛИВАНЕ

А. М. Белявский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, bialiauski@bsu.by*

Статья посвящена архивному онлайн–проекту «Группы Атлас», организации, основанной ливанским историком и художником Валидом Раадом для сохранения памяти о гражданской войне в Ливане 1976–1990 гг. Материалы, собранные в проекте, и способы их визуального представления провоцируют архивистов на рефлекссию о фундаментальных проблемах профессии – таких, как выбор объектов архивирования, цели и методы отбора документов для хранения, возможности верификации архивных материалов, представляемых в интернете и др.

Ключевые слова: Ливан; гражданская война; архив; интернет; повседневность; память; современное искусство

THE ATLAS GROUP ARCHIVE AS A MEMORIAL SITE OF THE CIVIL WAR IN LEBANON

A. M. Bialiauski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus. Corresponding author: bialiauski@bsu.by*

The main aim of the article is to present to the Belarusian archivists the online project The Atlas Group Archive, created by the Lebanese historian and media artist Walid Raad to preserve the memory of the 1976–1990 Lebanese civil war. The documents collected in the project and the methods of their visual presentation provoke archivists to reflect on the fundamental problems of their profession, such as the choice of objects for archiving, the goals and the methods of selecting documents for preservation, the possibility of verifying archival collections published in the Internet, etc.

Keywords: Lebanon; civil war; archive; Internet; everyday life; memory; contemporary art

«Дым стелился над морем, словно слизывая волны. Лениво поднимаясь над городом, он обволакивал небосвод... Город оказался разделенным «зеленой чертой». Между же его жителями встала стена. Пока соблюдалось перемирие, это была стена отчужденности. С возобновлением столкновений она становилась стеной враждебности. Ощетиниваясь оружием, она извергала огонь и смерть. С разных концов города доносились беспорядочные выстрелы, треск автоматов, уханье минометов, залпы орудий, свист и разрывы снарядов...» [1, с. 3].

Город, так драматично описанный на первой странице советского «политпросветовского» издания, – это Бейрут времен гражданской войны в Ливане, продолжавшейся с 1975 по 1990 гг. Катализатором взрыва насилия стала так называемая Автобусная резня 13 апреля 1975 г. – столкновения в Бейруте между палестинскими боевиками – беженцами из

оккупированных Израилем территорий и милицией христианской партии Катаиб. В дальнейшем в вооруженный конфликт, основной ареной которого стал Бейрут – город, в котором соседствовали христианская и мусульманская общины – включались все новые и новые участники, вначале местные правые, левые и прочие партии и их военизированные «крылья», а затем и другие страны и их «представители»: Сирия, Израиль (открыто вторгшийся в Ливан в 1982 г.), США, палестинская организация «Хезболла»... Упомянутая стена стала результатом деления города на два сектора – Восточный (правохристианский) и Западный (левомусульманский) в 1976 г. после Битвы отелей, превратившей в дымящиеся руины центральный, самый фешенебельный, район города. Несмотря на формальное окончание войны, действительного мира в регионе не наступило и до сих пор.

Как сохранить в этой ситуации не только официальные документы, новостные сводки, но и память о повседневности разрываемой на части страны, людей, ежедневно переживавших травматический опыт и вынужденных жить с ним десятилетиями? Этот вопрос, разумеется, остается актуальным для любой из многих стран, проходивших через подобное. Решение его во многом ложится на плечи архивистов, которые традиционно долгое время были ориентированы на сохранение именно «официальной памяти», оставляя повседневность писателям, художникам и краеведам. В XXI в. такое их отношение начало меняться, и в этой связи особый интерес, в том числе и для белорусских архивистов, представляют архивные проекты, предлагающие варианты решения данной проблемы. Один из наиболее необычных и даже экстравагантных из них – архив «Группы Атлас», отдельные документы которого опубликованы в интернете.

Как следует из небольшого текста, размещенного на вызывающе минималистической стартовой странице этого онлайн-архива (кроме этого текста и меню, на ней ничего нет – только чистый белый фон), «Группа Атлас» – это проект, работавший под руководством Валида Раада с 1989 по 2004 гг. с целью исследования и документирования современной истории Ливана, особенно периода гражданской войны 1975–1990 гг. Раад обнаружил и организовал представление аудио, визуальных и текстовых документов, проливающих свет на эту историю. Документы хранятся в архиве «Группы Атлас» и выборка из них демонстрируется на сайте [8]. В последние несколько лет дизайн сайта несколько изменился, хотя и первая его версия была столь же аскетичной; скорее изменилась технология работы сайта, ранее требовавшая флэш-проигрывателя, а также был обновлен комплекс документов, размещенных на сайте. Впрочем, сроки

действия проекта – одна из первых загадок, с ним связанных. В разное время и в разных местах его основатель очень по-разному датировал основание «Группы Атлас»: 1976, 1999 и даже 1967 годы. Иногда Раад говорит, что основатель «Группы» не он, а некий Маха Трабулси. «Я говорю разные вещи в разное время и в разных местах в соответствии с личными, историческими, культурными и политическими соображениями относительно географического положения и моих личных и профессиональных отношений с аудиторией и того, как много она знает о политической, экономической и культурной истории Ливана, войне в Ливане, на Ближнем Востоке», – поясняет Раад [2].

Что же касается его самого, то Валид Раад – достаточно известный ливанский художник, родился в 1967 г. в христианском пригороде Бейрута, в семье ливанца (его отец также художник) и палестинки. В 1983 г. он эмигрировал в США, изучал фотографию в Рочестерском технологическом институте, объектом его академических интересов стала также история Ближнего Востока. В 1993 г. Раад защитил докторскую диссертацию по специальности «Культурные и визуальные исследования», основанную на текстах, написанных американскими и европейскими заложниками в Ливане. Художественные работы Раада, основанные на инсталляциях, фото и видеоматериалах, демонстрировались на выставках в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, Вене, Бейруте, фестивалях искусства в Северной Америке, Европе и Ближнем Востоке и неоднократно удостоивались призов и наград. Во многих случаях частью выставок были материалы «Группы Атлас» [2; 6; 10].

На сайте проекта в настоящий момент представлены 20 групп документов с весьма необычными названиями: «Блокнот № 38» (а также № 57 и № 72), «Цивилизационно, мы не роём ям, чтобы хоронить себя», «Чудесные начала & Нет, болезни нет ни здесь, ни там», «Если бы я мог плакать», «Мы можем сделать дождь, но никто не пришел попросить», «Секреты открытого моря», «Заложник: Пленки Башара» и т.п. Но еще более необычно их содержание, становившееся объектом внимания и русскоязычных журналистов (на Западе внимание им уделялось достаточно много), пишущих об искусстве:

«Вот, например, серия "Моя шея тоньше волоса. Устройства": 100 заурядных репортерских фотографий с мест взрывов заложенных в машины бомб вставлены в аккуратные паспорту, каждый лист снабжен какими-то описаниями и штампами. Замаскированная под настоящее архивное дело, эта сюита выглядит насмешливым ответом великим дюссельдорфцам, супругам Бернду и Хилле Бехер, положившим жизнь на каталогизацию промышленных достижений Запада. Валид Раад никогда не

спекулирует на крови: в его архиве не найдешь военных кошмаров, изувеченных тел и оторванных конечностей. В кадре – только раскуроченные машины, останки взрывных устройств и руины вокруг. Бомбы – тоже, в конце концов, промышленное достижение Запада» [3]. Аннотация этой серии на сайте архива менее изощрена и более конкретна. В ней указывается, что данный исследовательский проект, проводившийся «Группой Атлас», собрал сведения о 3641 заложенной в машины бомбе во время ливанских войн 1976–1990 гг. Единственная часть машины, остающаяся неповрежденной после взрыва бомбы, – это мотор. Пролетая десятки, а иногда и сотни метров, моторы приземлялись на балконах и крышах окрестных домов. Во время войн журналисты соревновались, кто первый найдет и сфотографирует моторы. На сайте представлены 49 из сотен фотографий, опубликованных фотожурналистами и обнаруженных Валидом Раадом в архивах Исследовательского центра Ан-Нахар (Бейрут, Ливан) и Центра арабской документации (Бейрут, Ливан) [5]. Каждая фотография снабжена полным археографическим описанием: дата, автор, указание на архив, пометки на обороте (если есть).

Подобного рода аннотации сопровождают каждую из коллекций документов, коротко, но емко рассказывая небольшие странные истории. Например, «Блокнот № 72» – это один из документов, переданных в архив ливанским историком Фадлем Фахури. Всего он подарил «Группе Атлас» в начале 1990-х годов 226 блокнотов, 2 короткометражных фильма и 24 черно-белые фотографии. Данный блокнот содержит фотографии, схемы и расчеты, сделанные его коллегами историками во время конных скачек. Как поясняет автор аннотации, малоизвестно, что лучшие ливанские историки, и мусульмане, и христиане, были заядлыми азартными игроками. Но на скачках они ставили не на победу той или иной лошади, а на временной зазор между моментом пересечения лошадью финишной черты и моментом открытия затвора камеры фотографом, фиксировавшим фотофиниш. Говорят, что они убеждали (и даже подкупали) фотографа делать только один снимок... [7] Среди других документов Фадля Фахури в архиве – фотографии, которые он делал каждый раз в тот момент, когда, гуляя с фотоаппаратом по улицам Бейрута, думал, что война закончилась, или встречал вывеску и рекламное объявление дантиста; снимки всех моделей машин, взорванных террористами в Бейруте за время войны, аккуратно вырезанные, наклеенные на карточки и снабженные указанием на место, время и дату взрыва, количество жертв, периметр разрушения, вес и тип использованной взрывчатки...

«Или вот другая серия – "Будем честны: погода помогает". С виду обыкновенный архитектурный увраж: фотографии зданий Бейрута, каждая

из которых почему-то украшена россыпью конфетти, наклеены на альбомные листы, и из-под них проступают какие-то вроде бы архитектурные чертежи. Однако при ближайшем рассмотрении чертежи оказываются схемами снарядов и баллистических ракет, а разноцветные конфетти прикрывают щербины и выбоины, оставленные в домах Бейрута (в ходе войн ливанская столица была практически полностью разрушена) артобстрелами. Сам Валид Раад говорит, что мальчишкой, как и все его сверстники, после перестрелок сразу же бежал на улицу, чтобы выковырять застрявшие в бетоне гильзы, – в те годы у каждого бейрутского подростка была такая коллекция. И, заклеивая цветными кружочками раны на теле города детства, он не просто предается ностальгии, но и создает своеобразный памятник 17 армиям, участвовавшим в боевых действиях в Ливане. Таков Пиранези наших дней на ближневосточный лад» [3].

Серия «Заложник: Пленки Башара (№ 17 и № 31) состоит из видеозаписей интервью с Сухейлем Башаром – единственным арабом, оказавшимся в заложниках в Ливане с 1983 по 1993 гг. (остальные были европейцы и американцы). Особенный интерес представляет то, что Башар на протяжении трех месяцев в 1985 г. содержался в одной камере с пятью американцами: Терри Андерсоном, Томасом Сазерлендом, Бенджамином Уэйром, Мартином Дженко и Дэвидом Джекобсеном. В 2000 г. Сухейль записал в сотрудничестве с «Группой Атлас» 53 видео пленки с рассказами о своем пребывании в заложниках. Только пленки с номерами 17 и 31 доступны для просмотра за пределами Ливана. На них зафиксированы рассказы Башара о культурных, текстуальных и сексуальных аспектах его опыта в заключении с американцами [4].

Но все эти вызывающие недоумение документы – еще не самое главное в архиве «Группы Атлас»...

Раад часто говорит о практике «Группы Атлас» во множественном числе: «Нас интересуют факты, но мы не рассматриваем факты как очевидность, уже присутствующую в мире. Один из вопросов, которые мы задаем себе, — должен ли существовать подход к фактам в их грубой непосредственности или же стоит рассматривать факты через сложные медитации, с помощью которых они приобретают свою непосредственность. „Группа Атлас“ производит и собирает предметы и истории, которые не следует изучать с помощью обычного и редуцированного бинарного мышления... Мы всегда призывали нашу аудиторию воспринимать наши документы как „истеричные“ в том смысле, что они основаны не на реальных воспоминаниях одного человека,

а на „фантазиях, созданных из материала коллективных воспоминаний“» [2].

Архив «Группы Атлас» – это художественный проект Валида Раада, архив, созданный его воображением. Историк Фадль Фахури, заложник Сухейль Башар и другие дарители и герои «архивных» документов – вымышленные персонажи. Видео «интервью» с Башаром записывалось в Ливане с одним профессиональным актером, а озвучивалось в Англии – другим. Фотографии Фадля Фахури, вероятнее всего, сделал сам Валид Раад... Автор проекта никогда особенно и не скрывал этого, хотя на сайте «архива» об этом ничего не сообщается.

Однако факт мистификации – это слово определяет положение вещей лучше, чем «фальсификация» – нисколько не умаляет значимости архива «Группы Атлас». С одной стороны, творческая фантазия эксцентричного ливанского художника–провокатора позволила сохранить память о таком коллективном человеческом опыте, который очень трудно зафиксировать в традиционных документах, попадающих на хранение в реальный архив. «Истеричные» документы Раада и их квазиреальные чудаковатые «создатели» – агент–романтик, поставленный с камерой вести наблюдение за шпионами, гуляющими по главной набережной Бейрута, но вместо этого снимавший закаты; перевербованный ливанской армией рассеянный коммунист–подрывник, фотографирующий все свои взрывные устройства, потому что не в состоянии запомнить их названия; женщина–офицер – ботаник, составляющая гербарии из портретов политиков, получивших кодовые имена по названиям растений и др. – все они также историчны в том смысле, что позволяют реально сопереживать людям, оказавшимся в противоестественных условиях тотальной войны, но стремившимся хоть как–сохранить хотя бы осколки, вырезки нормальной жизни, воображая ее вокруг себя. И вот эта реальность воображаемого сейчас все чаще начинает признаваться историками и архивистами также достойной памяти и своего места в ней. В поиске возможных путей ее сохранения некоторые из них обращаются и к проекту Валида Раада [9, р. 264].

С другой стороны, этот ироничный арт–проект как бы задает архивистам вопросы, ответы на которые могут во многом определить будущие направления развития их профессии: Что такое вообще архив и, соответственно, история, которую он сохраняет? Только ли «большой нарратив» и официальные документы, оформленные по всем правилам? Формально архив «Группы Атлас» имеет все признаки «нормального» архива: указания на фондообразователей, аннотации, индексы дел и проч. Как в формате онлайн отличить реальность от мистификации, чем этот

архив принципиально отличается от многочисленных «серьезных» веб-проектов? Так ли уж всегда и для всего обязательно «сухое и сжатое» архивное описание? Уместно ли архивировать повседневность теми же способами, которыми столетиями архивировался «большой нарратив»? Каково соотношение архива с «реальностью», так ли он четко встраивается в знаковую схему референт – означаемое – означающее? Какой из трех элементов он в этой схеме? Что важнее для архива: воображенная историком объективность или интерпретация субъективных эмоций «маленького» человека? Именно так, вопросами, открывающими пространство для собственных размышлений читателя, – вместо ответов и традиционных выводов, это пространство замыкающих, – представляется наиболее уместным завершить рассказ об архиве «Группы Атлас».

Библиографические ссылки

1. Медведко, Л.И. ...Этот Ближний бурлящий Восток: Докум. повествование / Л.И. Медведко. М.: Политиздат, 1985. 335 с.
2. Почхуа, Л. Сказка – ложь. Великий мистификатор Валид Раад / Л. Почхуа // Bird in Flight [Электронный ресурс]. 14.11.2019. Режим доступа: https://birdinflight.com/ru/pochemu_eto_shedevr/20191114-walid-raad.html. Дата доступа: 30.11.2020.
3. Толстова, А. Ливанские художественные войны / А. Толстова // Коммерсантъ Weekend [Электронный ресурс]. № 44. 12.11.2010. С.12. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1533798>. Дата доступа: 30.11.2020.
4. Hostage: The Bachar tapes // The Atlas Group (1989 – 2004) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theatlasgroup1989.org/bachartapes>. Date of access: 30.11.2020.
5. My neck is thinner than a hair // The Atlas Group (1989 – 2004) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theatlasgroup1989.org/neck>. Date of access: 30.11.2020.
6. Nakas, K. The Atlas Group (1989 – 2004). A Project by Walid Raad / K. Nakas // Universes in Universe [Electronic resource]. Sep. 2006. Mode of access: <https://universes.art/en/nafas/articles/2006/the-atlas-group>. – Date of access: 30.11.2020.
7. Notebook volume 72 // The Atlas Group (1989 – 2004) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theatlasgroup1989.org/n72>. Date of access: 30.11.2020.
8. The Atlas Group (1989 – 2004) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theatlasgroup1989.org/>. Date of access: 30.11.2020.
9. Wagner, K. The personal versus the institutional voice in an open photographic archive / K. Wagner // Archival Science. – September 2017. – Vol. 17, issue 3. P. 247 – 266.
10. Walid Raad / The Atlas Group // Guggenheim Collection Online [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.guggenheim.org/artwork/artist/walid-raad-the-atlas-group>. Date of access: 30.11.2020.

«ПОЛЬСКИЙ СЛЕД» В БЕЛОРУССКИХ АРХИВАХ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР. 1939–1941 ГГ.

А. Ф. Великий

*Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр-т Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь,
akoidanov@yahoo.com*

Статья посвящена исследованию процесса перевода архивов Польской Республики в систему государственной архивной службы БССР. В 1939 г. с воссоединением Западной Беларуси с БССР перед государственной архивной службой Беларуси встала задача взятия на хранение всех архивов бывшего Польского государства и перевод их в государственную архивную систему. К началу Великой Отечественной войны в основном все польские архивы были переведены в систему государственной архивной службы и стали неотъемлемой частью Государственного архивного фонда Беларуси.

Ключевые слова: архив; НКВД; государственный архивный фонд; архивы Польской Республики; районный; городской архив; архивное управление НКВД

"POLISH TRACE" IN THE BELARUSIAN ARCHIVES IN THE WESTERN REGIONS of the BSSR (1939–1941)

A. Vialiki

*State Institution «National Archives of the Republic of Belaru»,
Nezavisimosti av., 116, 220114, Minsk, Belarus,
akoidanov@yahoo.com*

The article is devoted to the study of the process of transferring the archives of the Polish Republic to the system of the State Archive Service of the BSSR. In 1939, with the reunification of Western Belarus with the BSSR, the State Archive Service of Belarus faced the task of taking all the archives of the former Polish state and transferring them to the state archive system. By the beginning of the Great Patriotic War, basically all Polish archives were transferred to the system of the state Archive service and became an integral part of the State Archive Fund of Belarus.

Key words: archives; NKWD; state archival fund; archives of Polish Republic; city archives; archival department of NKWD

Реорганизация системы архивной службы в западных областях БССР и включение в 1939–1941 гг. документальных материалов бывших польских архивов в состав архивного фонда БССР является до настоящего времени недостаточно исследованной проблемой в отечественной историографии. Этот процесс, возможно, разделить на два периода: 1-й – сентябрь 1939 г. – февраль 1940 г. (до принятия Постановления СНК БССР «Аб арганізацыі архіўнай справы ў Баранавіцкай, Пінскай, Вілейскай, Брэсцкай і Беластоцкай абласцях БССР» [1, с.240]); 2-й – февраль 1940 – июнь 1941 г.

Это постановление регламентировало принятие документов польских архивов на государственное хранение и проведение национализации всех документальных материалов, на территории, которая вошла в состав БССР. В соответствии с этим постановлением все архивные материалы ликвидированных польских государственных учреждений и организаций, промышленных предприятий, фабрик и заводов, а также частных лиц должны были быть включены в Государственный архивный фонд БССР и переданы в государственные архивы.

Органы НКВД оперативно приступили к концентрации польского архивного фонда. В первую очередь сотрудники НКВД опечатывали помещения, где хранились документы, а также архивы местных органов управления и государственные исторические архивы. В результате проведенной работы по сбору и концентрации польских документальных материалов в областных архивах западных областей БССР были собраны документы государственной администрации воеводского и повтового уровней, а также учреждений, организаций и промышленных предприятий. В районных и городских архивах хранились документы местного управления, а также архивные документы, учреждений образования, культуры, нотариата, различных общественных организаций и союзов и т.д. Таким образом, на первом этапе органы НКВД обеспечили главное – сохранность польских архивных материалов от разграбления и уничтожения. В этом не было ничего удивительного, т.к. архивы с 1938 г. находились в ведении НКВД, и это была их прямая обязанность – включить польские архивы в архивную службу БССР.

Второй этап, являлся наиболее сложным. Необходимо было обработать и сохранить огромный массив польских документов. Отметим, что работа по сбору и концентрации польских документальных материалов на территории Западной Беларуси не была унифицирована. Это объяснялось, прежде всего, отсутствием приспособленных для хранения документов помещений, специалистов-архивистов, знающих польский язык, отношением сотрудников НКВД к архивной работе. Так, например, во многих районах не были созданы архивы – Новогрудке, Дятлове, Щучине и других районных центрах. В связи с этим, здесь и в других районах не проводилась обработка, упорядочение и концентрация документов.

Объемы документальных материалов были внушительными. Так, в Брестском архивном отделении УНКВД было сконцентрировано 5 тыс. дел бывшего 2-го Отдела Польского генерального штаба, 3 тыс. дел

концентрационного лагеря в Картуз-Березе, 2 тыс. дел следственного отдела Брестской городской полиции за 1924–39 гг., свыше 11 тыс. дел Полесского воеводского управления за 1925–1939 гг., около 27 тыс. дел отдела Пинского окружного суда и т.д. Общее количество дел составляло свыше 194 тыс. ед. хр. [2, л.6-8].

Тем не менее, несмотря на сложности НКВД БССР, областные, районные и городские управления НКВД провели широкомасштабную обработку документальных материалов польских архивов. Так, нарком НКВД БССР Л. Цанава в феврале 1941 г. направил докладную записку первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко, в которой сообщал, что за 1941 г. «архивными органами проделана большая работа по концентрации документальных материалов бывших польских учреждений и организаций. Всего за этот период было собрано и размещено в архивохранилищах свыше 800 тыс. ед. хр., в числе которых имеется много ценных материалов, как с точки зрения исторической, так и для практического использования» [3, л. 21].

НКВД придавал архивным документам польского происхождения чрезвычайно важное значение, используя их в оперативно-чекистских мероприятиях. В первую очередь обрабатывались материалы польской государственной администрации, воинских формирований, органов польской разведки, Корпуса охраны пограничья (КОП), полиции, жандармерии, польских военнизированных союзов и обществ, воеводской администрации и староств.

Главной целью обработки такого рода документов являлось выявление на их основе лиц, которые с точки зрения советской власти относились к категории «подозрительных» и «врагов народа». К началу 1941 г. были обработаны документы и созданы картотеки на служащих военных формирований, разведки и полицейских органов. Так, Л. Цанава сообщал П. Пономаренко, что в Брестском архиве «наиболее ценными являются материалы 2-го отдела польгенштаба, отдела безопасности Полесского воеводства, материалы полиции, концлагеря Картуз-Береза, Союза стрелцов и союза резервистов» [3, л. 22]. «Практическое использование» архивов, по выражению Л. Цанавы, проявилось в том, что по материалам только Брестского архива к началу 1941 г. было «выявлено контрреволюционных элементов – 2277 агентов дефензивы, 4665 конфиденентов-информаторов, 1786 конфиденентов-provокаторов, 2690 официальных сотрудников полиции и свыше 25 000 руководителей и членов белогвардейских и фашистских партий, союзов и обществ» [3, л.32-

33]. Общее количество всей картотеки, имеющейся в архивном отделе управления НКВД по Брестской области, составляло 22 086 карточек, включая сюда же 3500 карточек на агентов и конфиденентов, которые проходили без установочных данных, только под псевдонимами. Общее количество всех фотокарточек и негативов, выявленных только в разработанной части материалов, составляло 11 000» [2, л.8-10].

Эти данные были направлены во все отделы НКВД западных областей и послужили основой для арестов рассматриваемых граждан как «врагов народа» и «контрреволюционного элемента». О масштабах проведенной работы свидетельствуют следующие цифры. По состоянию на июнь 1941 г. во всех пяти областных архивах УНКВД БССР были обработаны, систематизированы и на их основе составлены картотеки на 115 тыс. человек, которые рассматривались как «враги народа» и контрреволюционные элементы. В том числе в архиве УНКВД Баранович – 7144, Бреста соответственно – 80 459, Белостока – 10 033, Вилейки – 7310, Пинска 10 568 [4, л.8-10].

Таким образом, включение документов бывших польских архивов в состав архивного фонда БССР в 1939-1941 гг. имело свои особенности и специфику. Все документальные материалы упраздненных польских структур на основе соответствующих постановлений СНК БССР были включены в систему государственных архивов. Однако полностью провести обработку, экспертизу ценности документов, их упорядочение не удалось из-за отсутствия необходимого количества специалистов, а главным образом, из-за начавшейся Великой Отечественной войны. Значительный урон, который до настоящего времени не удалось установить, был нанесен этим документам в результате их списания на макулатуру. Тем не менее, значительная часть документальных материалов польского происхождения, которая вошла в архивный фонд БССР в 1939–1941 гг., в настоящее время сконцентрирована в государственных областных и зональных архивах Бреста, Пинска, Гродно и Молодечно и является неотъемлемой частью Национального архивного фонда Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Аб арганізацыі архіўнай справы ў Баранавіцкай, Пінскай, Вілейскай, Брэсцкай і Беластоцкай абласцях БССР // Собрание постановлений и распоряжений правительства Белорусской Советской Социалистической Республики, №14, 1940 г. С. 240.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.249. Оп.4. Д.48. Лл. 6-8.
3. НАРБ, Ф.249. Оп.1. Д.1366. Л.32-33.
4. НАРБ, Ф.249. Оп.4. Д.45. Л. 8-10.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ NATIONAL ARCHIVES AND RECORDS ADMINISTRATION О СОБЫТИЯХ ЛЕТА 1941 г. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В. К. Вознесенский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, voznemenski@tut.by*

Национальные архивы (National Archives and Records Administration (NARA)) — независимое агентство правительства Соединённых Штатов Америки. После его создания в 1984 г. в его ведение были переданы немецкие трофейные документы периода 1933–1945 гг. Среди них — огромная масса источников, касающихся начального периода Великой Отечественной войны и установления оккупационного режима на территории Беларуси. Архивная судьба этих документов, их структура, особенности размещения и, самое главное, их содержание и возможности применения в исследованиях по истории Беларуси стали основными направлениями исследования. Отдельный интерес представляют аспекты Оборонительного сражения 1941 г. в Беларуси, не нашедшие отражения в опубликованных советских военных документах и воспоминаниях участников боёв, зато подробно рассмотренные «той стороной».

Ключевые слова: NARA; немецкие военные документы; Великая Отечественная война.

DOCUMENTAL SOURCES OF THE NATIONAL ARCHIVES AND RECORDS ADMINISTRATION ABOUT THE EVENTS OF THE SUMMER OF 1941 IN THE TERRITORY OF BELARUS ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ NATIONAL

V. Voznesenski

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus. Corresponding author: V. K. Voznesenski (voznemenski@tut.by)

The National Archives and Records Administration (NARA) is an independent agency of the government of the United States of America. After its creation in 1984, German trophy documents of the period 1933–1945 were transferred to its jurisdiction. Among them — a huge mass of sources concerning the initial period of the Great Patriotic War and the establishment of an occupation regime on the territory of Belarus. The archival fate of these documents, their structure, peculiarities of placement and, most importantly, their content and possibilities of application in research on the history of Belarus have become the main directions of research. Of particular interest are aspects of the Defensive Battle in Belarus, which were not reflected in the published Soviet military documents and memoirs of the participants in the battles, but were considered in detail by the "other side".

Key words: NARA; German military documents; Great Patriotic War.

При изучении начального периода Великой Отечественной войны историки неизменно сталкиваются с проблемой недостатка источников. Сам ход боевых действий не способствовал сохранению советских военных документов, особенно дивизий и корпусов, которые гибли вместе

с самими оказавшимися в котлах частями и соединениями. На первое место в исследованиях прошлых лет, посвященных данным трагическим событиям, становились воспоминания участников боев – крайне субъективный и ненадежный источник. Это же в ещё большей степени касается процесса установления оккупационного режима. Возникший пробел может быть заполнен немецкими военными документами. Наиболее крупной коллекцией подобных источников на сегодняшний день обладает Национальный архив США. Целью статьи, таким образом, становится выяснение возможности использования немецких военных документов NARA в исследованиях оборонительных боёв 1941 г. и установления оккупационного режима на территории Беларуси. Для этого будут рассмотрены принципы хранения и содержание данных источников, а также попытки их использования со стороны отечественных историков.

19 июня 1934 г. президент США Франклин Рузвельт подписал «Закон о национальных архивах», принятый Конгрессом, согласно которому была создана Национальная служба архивов и документации (National Archives and Records Service). В октябре 1984 г. она стала называться Национальное управление архивов и документации или Национальные архивы (National Archives and Records Administration (NARA)) – независимое агентство правительства Соединённых Штатов Америки. После его создания в 1984 г. в ведение архива находится наиболее полное собрание немецких трофейных документов периода 1933–1945 гг. Среди них – огромная масса источников, касающихся начального периода Великой Отечественной войны и установления оккупационного режима на территории Беларуси, а также её освобождения в 1943–1944 гг. [8].

Остановившись на архивной судьбе рассматриваемых источников, стоит сказать, что после победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне большая часть документации вермахта была в качестве трофеев вывезена оккупационными властями США. Неопубликованные военные записи, попавшие в руки американских военных, включали десятки тысяч машинописных страниц. Ещё в конце 1940-х – начале 1950-х гг. интересующие нас документы в Александрии (Вирджиния, США) были переведены в формат микрофильмов. Оригиналы документов в 1955 г. были возвращены в новый Немецкий федеральный Военный архив (ВАМА) во Фрайбурге, где также доступны для ознакомления [3].

На протяжении последних десятилетий микрофильмы были оцифрованы и могут свободно пересылаться посредством интернета. Данное решение сделало невероятно удобным использование немецких

военных документов для научных учреждений и исследователей всего мира. Подтверждением этому служит то, что копии микрофильмов NARA можно встретить в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) в Подольске. В частности, тут имеется журнал боевых действий 5-го армейского корпуса – соединения, сыгравшего значительную роль в боях июня – начала июля 1941 г. под Новогрудком и Минском [7].

В Национальном архиве Республики Беларусь также хранится «Александровская лента», представляющая собой купленные копии микрофильмов NARA, а именно Сводки событий из СССР управления имперской службы безопасности (1941–1942 гг.).

Переходя к структуре архива, стоит начать с того, что вся коллекция изъятых иностранных документов в NARA именуется Группа 242. Немецкие военные документы периода Второй Мировой войны сконцентрированы в следующих «описях»:

- Т-77 – Верховное главнокомандование вермахта (OKW);
- Т-78 – Верховное командование сухопутных сил вермахта (ОКН);
- Т-311 – Документы групп армий;
- Т-312 – Документы армий;
- Т-313 – Документы танковых групп;
- Т-314 – Документы корпусов;
- Т-315 – Документы дивизий;
- Т-321 – Документы люфтваффе;
- Т-501 – Документы тыловых районов [3].

В составе каждой «описи» содержится от нескольких сотен до нескольких тысяч микрофильмов (Roll), которые объединены по своей принадлежности к той или иной воинской части или соединению в более мелкие группы (10–40 микрофильмов). К каждой такой группе профессионалами из армии США был составлен каталог с предисловием, кратко раскрывающим боевой путь части или соединения и происходившие в его структуре изменения.

Микрофильм, примерно 1000–1500 фотокопий машинописных и рукописных листов (frame), состоит из нескольких (количество зависит от их объема) отдельных, зачастую никак друг с другом не связанных дел (Item) [3].

Основу, на которой, ещё по-видимому в Берлинском архиве, формировались дела, составили документы основных отделов штабов немецких частей и соединений:

Ia – оперативный отдел, который отвечал за все вопросы оперативного управления войсками: перемещение войск и боевые действия;

Ib – отдел тыла, который занимался снабжением, охраной трофеев и пленных, в его ведении находилась полевая жандармерия;

Ic – отдел разведки и контрразведки, который собирал сведения о враге [4, с.10–11].

Чрезвычайно интересны документы отдела IIa (адъютантура) посвященные подсчету потерь [17]. Свой подсчет потерь, трофеев и пленных вел и обер-квартирмейстер (Qu). Характерно, что одни и те же вопросы могли по-разному отражать в своих документах разные отделы, что наравне с дублированием документов штабами разного уровня позволяет, даже при отсутствии части документов по причине их утраты во время боевых действий (что крайне само по себе редко для немцев в 1941 г.), составить целостную картину тех или иных событий.

Основой архивных фондов стали военные дневники или журналы боевых действий (Kriegstagebuch) различных отделов армий, танковых групп, корпусов и дивизий вермахта [9]. Они как правило составлялись, на основе оперативных документов, по прошествии некоторого времени после событий с перспективой их изучения в будущем. События, с указанием в отдельной графе даты и времени, записаны там в хронологической последовательности. Начиная с 1940 г. журналы боевых действий должны были вести отделы Ia и Ib. В прочих отделах (в частности Ic, IIa, Qu, дивизионный врач и т.д.) журналы боевых действий заменялись отчетами о деятельности (Tatigkeitbericht). Они могли как в целом сохранять внешний вид дневника, так и принимать более свободную форму [12].

Большинство остальных документов представлены в виде приложений к журналам боевых действий или отчетам о деятельности и весьма отличаются друг от друга по форме и содержанию. Иногда все они сведены в одно «дело» по хронологическому признаку, но чаще разделяются по своему типу и назначению [11].

Значительную часть приложений составляют приказы (Befehl) по армиям, танковым группам, корпусам, дивизиям и отдельным полкам. Они могли касаться как планов действий всей части или соединения на определенном промежутке времени, так и конкретных тактических вопросов. Приказы корпусов могут встречаться в приложениях к журналам боевых действий подчиненных им дивизий, приказы армий – среди документов корпусов и т.д. [13].

Боевые действия подробно освещаются в донесениях (Meldung) отделов штаба, полков, батальонов и прочих отдельных частей штабу дивизии. Ia дивизии в свою очередь должен был утром, днем и вечером отправлять соответственно утреннее, промежуточное и суточное донесения в штаб корпуса, где они обобщались и направлялись в штаб армии или танковой группы. Они в свою очередь отчитывались перед группой армий, а сама группа армий направляла донесения в ОКХ [16]. Свои донесения писал отдел Ic. В них можно найти результаты допроса пленных и местных жителей, информацию о трофеях и настроениях немецких солдат [18]. Среди приложений Ic могут встречаться трофейные документы РККА или их переводы на немецкий язык, материалы пропаганды и контрпропаганды обеих сторон, а порой и вовсе неожиданные документы [14].

По итогам боевых действий, особенно при наличии возможности извлечения из них какого-либо важного в последующем опыта, составлялись отчёты (Gefechtbericht или Erfahrungsbericht). По сравнению с журналами боевых действий они несут в себе более подробные сведения о штурме оборонительных сооружений. В частности, можно привести в пример знаменитый отчет 45-й пехотной дивизии о взятии Бреста, или отчеты 252-й и 293-й дивизий о боях за советские укрепления под Семятичами [15].

Интерес представляют разведывательные и оперативные карты и аэрофотосъемка, которые также встречаются в составе микрофильмов, сохраняя феноменально высокое качество [10].

В целом, мы имеем материалы предвоенного наблюдения за территорией Беларуси, отразившие основные этапы оборонительного строительства и некоторые другие процессы, а также сами документы о боевых действиях на территории Беларуси летом 1941 г. группы армий «Центр», 4-й и 9-й главных армейских командований (армий), 2-й и 3-й танковых групп, шестнадцати армейских корпусов и 35-го командования особого назначения, пехотных, моторизованных, танковых и охранных дивизий, а также отдельных полков, батальонов и рот. Они позволяют уточнить некоторые спорные датировки, принятые в современной белорусской историографии и закрыть давно зияющие в ней белые пятна: выяснить точные цифры потерь обеих сторон.

В качестве примера возможности использования немецких военных документов NARA можно привести исследование такого эпизода, как пленение командира 213-го стрелкового полка 56-й стрелковой дивизии майора Яковлева Тимофея Яковлевича. В различных статьях, посвященных боевому пути полка, и воспоминаниях его бойцов

упоминаются разные версии пленения майора [1]. Свою версию, которая видится правдоподобной, в отчете от 7 июля 1941 г. высказал отдел Іс 129-й пехотной дивизии: «6 июля 1941 г. 3-й батальон 430-го пп при выдвижении в назначенный район размещения, в роще 1,5 км севернее Каменчаны наткнулся на рассеявшиеся русские войска. Произошел короткий бой, в ходе которого 5 офицеров – 1 майор, 1 ст. лейтенант, 2 лейтенанта и 1 ветеринарный офицер – были захвачены в плен» [14, f.30]. Далее в документе приводится выданная Яковлевым подробная структура его уже несуществующего полка, некоторые личные замечания о ходе боевых действий и предположение о гибели в бою 6 июля комиссара – заместителя командира полка по политчасти К. Г. Черных [14, f.30–31].

Таким образом, Т. Я. Яковлев, распустив свой полк, попал в плен 6 июля 1941 г. у д. Липнишки в составе группы наиболее доверенных командиров полка. Бой был случаен и скоротечен. В документах дивизии не упомянуты никакая планомерная зачистка местности, облава или прочие специальные мероприятия. Упомянутые лишь по званиям командиры могли быть: командир 3-го батальона 213-го сп ст. лейтенант Г. И. Богачев, помощник начальника штаба 213-го сп лейтенант М. Н. Аксельрод, командир взвода 213-го сп лейтенант В. М. Потенко и начальник ветчасти 213-го сп военврач А. С. Воронов [1].

Установление оккупационного режима отражено в документах тылового района группы армий «Центр» и подчиненных ему частей, охранных и некоторых пехотных дивизий. В частности, среди документов 252-й пд встречаются отчеты 307-го полицейского батальона за август 1941 г. о проведении операций и допросах пленных [15].

В последнее время документы NARA всё чаще используются историками в Беларуси и сопредельных нам странах. Одним из первых в конце 2000-х гг. в научный оборот их начал вводить российский военный историк Алексей Исаев. Отрывки из различных документов он сопровождал ссылкой следующего формата: NARA T315 R1748 frame 10 [5]. Практически одновременно с ним в своих книгах, посвященных боям за Брестскую крепость, на документы 12-го армейского корпуса взятые из NARA ссылается Ростислав Алиев. Ссылку он дает в следующем формате: NARA T315 roll 1748 f10 [2]. В Белорусской историографии наиболее известен работой с немецкими документами кандидат исторических наук, доцент Минского государственного лингвистического университета Сергей Новиков.

Как видим, практически во всех случаях давалась ссылка на микрофильм, при игнорировании номера «дела» (Item). Данные проблемы могли быть вызваны сквозной нумерацией фреймов в микрофильмах и

общей сложностью структуры Группы 242, вызванной рудиментами старой немецкой структуры архивных фондов. Однако, абсолютно разный характер содержащихся в одном микрофильме «дел» дает необходимость внесения в ссылку также их номеров, заголовков и датировок. На основании этого хочу предложить собственный формат ссылки на материалы NARA:

NARA T-315, Roll 1748, Item 16497/8. Приложения к журналу боевых действий Ia 252-й пд: отчеты о боевых действиях и показания пленных (22 июня – 15 сентября 1941 г.).

Таким образом, мы имеем целостную коллекцию документов, напрямую касающихся истории Беларуси, несправедливо обойденную вниманием отечественными историками. До сих пор не выработаны правила цитирования материалов NARA в научных работах и публикациях. В то же время именно немецкие военные документы являются одним из наиболее ценных и точных источников по боевым действиям лета 1941 г. и установлению оккупационного режима на территории Беларуси. Документы различных частей и соединений вермахта в мельчайших подробностях отражают как ход сражений, так и отчасти политическую и экономическую ситуацию на наших землях. Меры цифровизации, предпринятые сотрудниками NARA, привели к тому, что на сегодняшний день все составившие предмет данной статьи материалы доступны любому заинтересованному учреждению или историку посредством интернета. Это позволяет ожидать, что в ближайшие десятилетия немецкие военные документы станут одним из основных источников по истории Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

1. 213-й стрелковый полк 56-й Московской стрелковой дивизии. – Режим доступа: <http://213sp56sd.ucoz.ru>. Дата доступа: 25.10.2020.
2. Алиев, Р. В. Штурм Брестской крепости. М.: Яуза: Эксмо, 2010.
3. Архивные карты, фото и документы. – Режим доступа: <http://www.maparchive.ru>. – Дата доступа: 25.10.2020.
4. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии. Смоленск: Инбелкульт, 2016.
5. Исаев, А. В. Приграничное сражение 1941. М.: Яуза: Эксмо, 2011.
6. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. Мінск: МДЛУ, 2014.
7. ЦАМО РФ. Фонд 500. Оп. 12474. Д. 85. Журнал боевых действий Ia 5-го ак (25 мая – 4 августа 1941 г.). Режим доступа: <https://wwii.germandocsinrussia.org>. Дата доступа: 25.10.2020.
8. Captured German and Related Records on Microfilm. Режим доступа: <https://www.archives.gov/research/captured-german-records>. Дата доступа: 25.10.2020.
9. NARA T-314, Roll 405, Item 19067/1. Журнал боевых действий Ia 9-го ак (май – декабрь 1941 г.).
10. NARA T-314, Roll 408, Item 19067/15. Приложения к отчету о действиях Ic 9-го ак: карты, показывающие положение врага, укрепления и т.д. (22 июня – 29 октября 1941 г.).

11. NARA T-314, Roll 501, Item 21260/2. Приложения к журналу боевых действий Ia 12-го ак: приказы, донесения, отчёты и т.д. (8 июня – 29 сентября 1941 г.).
12. NARA T-314, Roll 501, Item 21260/6. Отчёты о деятельности Ic 12-го ак (25 мая – 30 сентября 1941 г.).
13. NARA T-315, Roll 1096, Item 15422/3. Приложения к журналу боевых действий Ia 78-й пд: приказы по дивизии (14 июня – 11 декабря 1941 г.).
14. NARA. T-315, Roll 1375, Item 17750/6. Приложения к отчету о действиях Ic 129-й пд: Разведывательные донесения, бюллетени информации о враге, пропаганда противника (13 июня – 27 сентября 1941 г.).
15. NARA T-315, Roll 1748, Item 16497/8. Приложения к журналу боевых действий Ia 252-й пд: отчеты о боевых действиях и показания пленных (22 июня – 15 сентября 1941 г.).
16. NARA T-315, Roll 1748, Item 16497/11. Приложения к журналу боевых действий Ia 252-й пд: утренние, промежуточные и суточные донесения (25 мая – 15 сентября 1941 г.).
17. NARA T-315, Roll 1749, Item 16497/20. Приложения к журналу боевых действий Ia 252-й пд: донесения о потерях (25 мая – 31 декабря 1941 г.).
18. NARA T-315, Roll 1923, Item 20182/24. Приложения к журналу боевых действий Ic 292-й пд: донесения о трофеях и пленных (22 июня – 13 декабря 1941 г.).

МИНСКИЙ ОКРУЖНОЙ АРХИВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т. Д. Гернович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, adelia.z@gmail.com*

Анализируется состав и содержание документов Минского окружного архива Минского окружного комиссариата за 1941–1944, хранящихся в Государственном архиве Минской области. Производится реконструкция событий, связанных с организацией деятельности по обеспечению сохранности и архивной обработке материалов, которые остались на хранении в период оккупации. Делается вывод о значительном вкладе работников архива в сохранение материалов. Отмечается, что политика оккупационных властей оказывала исключительно разрушительный характер на белорусское документальное наследие, не способствовала обеспечению сохранности и была направлена на уничтожение и грабеж архивных документов.

Ключевые слова: Минский окружной архив; Великая Отечественная война; архивные документы; архив.

MINSK DISTRICT ARCHIVE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (IN THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE MINSK REGION)

T.Hiarnovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: T.Hiarnovich (adelia.z@gmail.com)*

The composition and content of documents of the Minsk District Archives of the Minsk District Commissariat for 1941–1944, stored in the State Archives of the Minsk Region, are analyzed. Reconstruction of events related to the organization of activities to ensure the safety and archival processing of materials that remained in storage during the occupation. The conclusion is made about the significant contribution of the archive workers to the preservation of materials. It is noted that the policy of the occupation authorities rendered an extremely destructive character to the Belarusian documentary heritage, did not contribute to ensuring the safety and was aimed at destroying and robbing archival documents.

Key words: Minsk district archives; The Great Patriotic War; archival documents; archive.

В Государственном архиве Минской области хранится ряд фондов периода Великой Отечественной войны [1]. Небольшие фонды, поступившие в архив на хранение, были объединены в коллекцию малообъемных фондов учреждений оккупационного периода 1941–1944 гг. (Ф.1039) [2]. В ее состав в числе других вошел и фонд 793 (Минский окружной архив Минского окружного комиссариата), который включает 4 дела: отчеты заведующего о работе архива и списки сотрудников (20.10.1941 – 01.1944); переписка с Минским городским комиссариатом об

отпуске горючего и продовольственных карточек (29.01. – 01.1944); схема распределения архивных фондов по отраслям на 1943 г.¹; воззвания Гитлера к немецкому народу.

Документы, входящие в состав этих дел, дают представление о работе Минского окружного архива во время оккупации [3]. Они в значительной степени дополняют информацию дела № 5 «План вывоза документов ЦГИА и Государственного архива Минской области немецко-фашистскими оккупантами, составленный по распоряжению генерального комиссара Белоруссии, отчеты о работе Минского архива за апрель—июль 1943 г., протокол допроса и свидетельские показания лиц, работавших в период временной оккупации о состоянии хранения и подготовке оккупантами документов к вывозу (2 июня 1943 г.—18 марта 1944 г.).», которое хранится в НАРБ [4].

В деле № 250 «Отчеты заведующего о работе архива и списки сотрудников (20.10.1941 – 01.1944)» хронологический охват сведений о работе архива значительно шире. В отличие от материалов НАРБ информация в нем представлена за весь оккупационный период работы архива.

В марте 1942 г. должность заведующего архивом занимала Менжинская Янина Владиславовна. Кроме нее в архиве работало 3 человека: Ганжин Антон Леонтьевич, Бабкова Мария Евстиновна, Менжинский Витольд Владиславович. В июне 1942 г. место А. Л. Ганжина занял Новаковский Вацлав Карлович. В связи с тем, что Менжинская была больна (недостаточность митрального клапана), ее обязанности некоторое время в 1942 г. и 1943 г. исполнял Новаковский.

Судьба этих людей после освобождения города сложилась довольно драматически. Несмотря на добросовестное выполнение ими своих профессиональных обязанностей, что содействовало обеспечению сохранности брошенных на произвол судьбы архивов в годы оккупации г. Минска, они были обвинены в пособничестве оккупантам и подверглись репрессиям в послевоенные годы. Так, Я. Менжинская (1913 г.р.) была арестована 17 декабря 1944 г. и приговорена 21 июля 1945 г. к 4 годам исправительно-трудовых лагерей. Она отбывала наказание в Унженском ИТЛ НКВД. Была освобождена 28 января 1948 г. Реабилитирована 28 декабря 1989 г. постановлением Президиума Минского облсуда [5].

А. Ганжин (1881 г.р.) был арестован 31 декабря 1944 г. и приговорен 3 октября 1945 г. к 5 годам ссылки. Отбывал наказание в Красноярском крае, был освобожден 31 декабря 1949 г. Реабилитирован 6 мая 1993 г. [6].

¹ Дело было составлено в 1954 г. и до настоящего времени не пересматривалось. Имеются пронумерованные листы.

В.Новаковский (1903 г.р.) был арестован 9 июня 1949 г. и осужден 26 ноября 1949 г. к 25 годам исправительно–трудовых лагерей с конфискацией имущества. Отбывал наказание в пос. Абезь Коми АССР. Реабилитирован 14 марта 1955 г. [7].

Знакомство с отчетами о деятельности Минского областного архива в годы оккупации подтверждает необоснованность обвинений, предъявленных архивистам, и позволяет воссоздать не только картину работы архивных учреждений во время войны, но и показывает самоотверженные усилия архивистов по спасению документальных ценностей в оккупационный период.

С занятием г.Минска архивы, как и другие объекты культуры, оказались под угрозой уничтожения. Документы дореволюционного периода хранились в архивохранилище № 1, в здании бывшего костела Св.Иосифа. В связи с тем, что, в 60–х годах 19 века в здании размещалась православная церковь святых Кирилла и Мефодия, священник Финковский в конце июня 1941 г. получил разрешение открыть в нем церковь [8]. Он нанял 50 евреев, которые в течение трех дней выкинули на улицу все документы из архивохранилища [9]. Кроме того, Финковский забрал из архива часть имущества. Документы удалось спасти. Четыре архивиста Минского областного архива смогли их перенести в архивохранилище, но документы были перепутаны и требовали упорядочения.

В это время архив испытывал большие сложности с обеспечением сохранности документов. В архивохранилище были выбиты окна, через которые проникали дождь и снег, вследствие чего документы портились. В связи с тем, что обращение в Генеральный комиссариат с просьбой оказать помощь архиву осталось без внимания, архивисты сами забили часть окон досками и фанерой, а документы накрыли картоном и бумагой. Забить все окна не представлялось возможным, так как вследствие темноты в архиве было бы невозможно вести работу. Оккупационные власти не заботились о сохранности белорусских архивов.

В таком состоянии архив находился в течении всего периода войны. Во время метелей, особенно в феврале, в него наносило много снега, который архивистам ежедневно приходилось убирать. Каждый день они делали все возможное, чтобы не допустить порчи документов: при хорошей погоде проветривали помещения, чтобы не развивалась плесень.

В марте 1943 г. сотрудники архива перевезли в архивохранилища уцелевшие материалы из Академии наук [10]. Таким образом, в Минском окружном архиве во время оккупации находились на хранении все архивные фонды, которые остались в Минске: дореволюционные документы исторического архива, послереволюционные фонды, фонды,

переданные накануне войны из Виленского архива, в том числе и акты из Несвижского архива кн. Радзивиллов.

Кроме обеспечения сохранности документов в архиве велись работы по составлению перечня фондов и описей. Так, в течение 1942 г. сотрудники архива занимались регистрацией метрического фонда. В марте 1943 г. для Исторического архива, который пострадал из-за священника Финковского, была разработана схема по систематизации архивных материалов. Никто из сотрудников архива не имел специального архивного образования, поэтому работа продвигалась крайне медленно. Тем не менее, в марте 1943 г. было закончено составление списка дворянских дипломов. В июне 1943 г. были разобраны старые акты и королевские дипломы времен Речи Посполитой, составлена схема их систематизации. Метрические книги были приведены в порядок, описаны и зарегистрированы. В соответствии с составленной описью метрических книг разных костелов и церквей, все книги, числившиеся в ней, были пронумерованы. Значительная их часть, особенно небольшого объема и плохо сохранившиеся, связаны в пачки, расставлены в соответствующем порядке на стеллажах. В целях наиболее удобного пользования метрическими книгами было начато составление каталога. В 1944 г. приступили к обработке обнаруженных в архиве материалов князя Любомирского из вотчины в Дубровенском графстве [11].

В архиве послереволюционного периода продолжалась работа по обработке неупорядоченных материалов особого отдела Белорусского военного округа, поступивших сюда в 1937 г. Во второй половине 1943 г. в связи с неисправностью канализации в помещении архива на Панцерштрассе, 6 (ул. Интернациональная), все находившиеся там акты были перенесены на второй этаж [12]. При этом все плохо связанные, а также не связанные пачки были упакованы. Так как в архивохранилище не было помещения со стеллажами, эти документы оставались неразобранными. В связи с ремонтом здания в январе 1944 г. документы были перенесены для хранения со второго этажа на чердак. Как писал В.Новаковский: «они подверглись большой опасности быть уничтоженными при любом неприятном случае».

В архиве проводилась некоторая работа по использованию документов. Так, по инициативе немецкого военного командования его посещали немецкие офицеры, знакомившиеся с дворянскими актами. Наиболее интересные материалы демонстрировались во время экскурсий. В 1943 г. архив посетило 5 групп немецких офицеров, численностью по 20–30 человек [13].

Одновременно производилось упорядочение архивной библиотеки, в которой хранились книги арестованного накануне войны бывшего зам. зав. ЦАУ БССР М.В. Мелешко. До войны книги были опечатаны и ими никто не пользовался. С началом войны шкаф был взломан и часть книг пропала [14]. Архивисты перенесли уцелевшие книги из подвала на второй этаж, где находился читальный зал, пронумеровали их и составили на них каталог [15].

В январе 1944 г. с наступлением зимнего периода значительно осложнились и ухудшились условия для работы в архиве, так как помещение не было утеплено, окна разбиты, гуляли сквозняки. В здании архива топились только одна печка, но она не могла обогреть даже небольшую конторку.

По указанию Генерального комиссариата наиболее ценные документы, акты, грамоты, ценные книги последние были запакованы в ящики. Ряд книг передан Генеральному комиссариату для отсылки в Германию. Несмотря на информацию об отсылке материалов в делах не содержится информация о перечне перемещенных документов.

Таким образом, отчеты о работе Минского окружного архива свидетельствуют о тяжелых условиях, в которых осуществляли работу архивисты, ставшие, наравне с документами, заложниками войны и оккупации. Немецкие власти рассматривали белорусские архивы только как источник для пополнения арсенала военных трофеев. После окончания войны потребовались значительные усилия, чтобы восстановить нарушенное и в значительной степени утраченное документальное наследие белорусского народа. Как нам представляется, биографии архивистов, благодаря которым удалось сохранить документы в период оккупации, тоже должны быть возвращены из небытия, а их труд – получить позитивную оценку.

Библиографические ссылки

1. Матох, В. М. Документы государственного архива Минской области как источник по истории Великой Отечественной войны // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навуковы зборнік. Выпуск 10 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2015. С. 238–245.
2. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф.1039. Коллекция малообъемных фондов учреждений оккупационного периода 1941–1944 гг.
3. Государственный архив Минской области. Путеводитель (1917–2013 гг.). Минск, 2016.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.249. Оп. 8. Д. 5.
5. Архив КГБ Республики Беларусь 29058–с: Менжинская Янина Владиславовна. БД "Жертвы политического террора в СССР"; Белорусский "Мемориал". URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 03.11.2020)
6. Архив КГБ Республики Беларусь – 35193–с Ганжин Антон Леонтьевич БД "Жертвы политического террора в СССР"; Белорусский "Мемориал" URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 03.11.2020)

7. Архив КГБ Республики Беларусь – 7368–с Новаковский Вацлав Карлович БД "Жертвы политического террора в СССР"; Белорусский "Мемориал" URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 03.11.2020)
8. Кривонос Ф.П. Возрождение церковной жизни в Восточной Белоруссии в начальный период немецкой оккупации её территории (вторая половина 1941 г.) // Альманах «ХРОНОС». 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/.../vozrozhdenie-tserkovnoy...> (дата обращения: 03.11.2020).
9. ГАМО. Ф.1039. Оп.1. Д.250. Л. 14.
10. ГАМО. Ф.1039. Оп.1. Д.250. Л. 19.
11. ГАМО. Ф.1039. Оп.1. Д.250. Л. 26.
12. ГАМО. Ф.1039. Оп.1. Д.250. Л. 24 об.
13. ГАМО. Ф.1039. Оп.1. Д.250. Л. 21 об.
14. ГАМО. Ф.1039. Оп.1. Д.250. Л. 22 об.
15. Бібліятэка Міхася Мялешкі: Зводны каталог / Склад.: В. У. Скалабан і інш. Мінск: БелНДІДАС, 1998.

АСАБЛІВАСЦІ ПРАЦЫ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА–МУЗЕЯ ЛІТАРАТУРЫ І МАСТАЦТВА ПА КАМПЛЕКТАВАННІ ДАКУМЕНТАМІ З АРХІВАЎ БЕЛАРУСКАЙ ЭМІГРАЦЫІ

Н. С. Гардзіенка

*Установа “Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва”,
вул. Кірылы і Мяфодзія, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
nhardzijenka@gmail.com*

Другая сусветная вайна мела адным з сваіх доўгатэрміновых вынікаў з’яўленне на мапе свету дзясяткаў асяродкаў беларускай эміграцыі. Уцекачы з Беларусі не толькі вывозілі з сабою на чужыну каштоўныя рэчы і дакументы, але і цягам свайго жыцця ў той ці іншай краіне стваралі літаратурныя, мастацкія, музычныя творы, засноўвалі беларускія арганізацыі, ладзілі тыя ці іншыя мерапрыемствы з мэтай папулярызацыі Беларусі і беларускай культуры. У працэсе гэтай дзейнасці ствараліся адмысловыя асабістыя і грамадскія архівы эміграцыі, змест якіх не можа не цікавіць метраполію, паколькі замежныя суродзічы з’яўляюцца часткай беларускай нацыі. Беларускі дзяржаўны архіў–музей літаратуры і мастацтва з’яўляецца фактычна адзінай архіўнай установай Беларусі, якая мэтанакіравана збірае архівы беларускай эміграцыі і мае ў гэтай справе відавочныя поспехі. Аналізу складанасцей гэтай дзейнасці і прысвечаны даклад.

Ключавыя словы: беларуская эміграцыя; архівы беларускай эміграцыі; камплектаванне.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА–МУЗЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ПО КОМПЛЕКТОВАНИЮ ДОКУМЕНТАМИ ИЗ АРХИВОВ БЕЛОРУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Н. С. Гордиенко

*Учреждение «Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства», улица Кирилла и Мефодия, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
nhardzijenka@gmail.com*

Одним из долговременных результатов Второй мировой войны стало появление на карте мира десятков сообществ белорусских эмигрантов. Беженцы из Беларуси не только увозили с собой ценности и документы, но и на протяжении своей жизни в той или иной стране создавали литературные, художественные, музыкальные произведения, создавали белорусские организации, проводили различные мероприятия для популяризации Беларуси и белорусской культуры. В процессе этой деятельности были созданы личные и общественные архивы эмиграции, содержание которых не может не интересовать метрополию, поскольку иностранные сородичи являются частью белорусской нации. Белорусский государственный архив–музей литературы и искусства — фактически единственное архивное учреждение в Беларуси, которое целенаправленно собирает архивы белорусской эмиграции и добилось в этом очевидного прогресса. Анализу сложностей этой деятельности и посвящен этот доклад.

Ключевые слова: белорусская эмиграция; архивы белорусской эмиграции; комплектование.

THE ACTIVITY OF THE BELARUSIAN STATE ARCHIVES–MUSEUM OF LITERATURE AND ARTS ON THE ACQUISITION OF DOCUMENTS FROM THE ARCHIVES OF THE BELARUSIAN EMIGRATION

N.S. Hardziyenka

*Institution “Belarusian state archive-museum of literature and art”,
Cyril and Methodius Street, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ,
nhardziyenka@gmail.com*

One of the long-term results of World War II was the appearance on the world map of dozens of communities of Belarusian emigrants. Refugees from Belarus not only took with them valuables and documents, but also throughout their lives in different countries created literary, artistic, musical works, created Belarusian organizations, did various activities to popularize Belarus and Belarusian culture. In the course of this activity, emigrants created personal and public archives, the content of which must be of interest to the metropolis, since foreign Belarusians are a part of the Belarusian nation. The Belarusian State Archives–Museum of Literature and Art is actually the only archival institution in Belarus that collects archives of the Belarusian emigration and has made obvious progress in this. This report is dedicated to the analysis of the difficulties of this activity.

Key words: Belarusian emigration; archives of Belarusian emigration; acquisition.

Другая сусветная вайна мела адным з сваіх доўгатэрміновых вынікаў з’яўленне на мапе свету дзясяткаў асяродкаў беларускай эміграцыі. Уцекачы з Беларусі не толькі вывозілі з сабою на чужыну каштоўныя рэчы і дакументы, але і цягам свайго жыцця ў той ці іншай краіне стваралі літаратурныя, мастацкія, музычныя творы, засноўвалі беларускія арганізацыі, ладзілі тыя ці іншыя мерапрыемствы з мэтай папулярызацыі Беларусі і беларускай культуры. У працэсе гэтай дзейнасці ствараліся адмысловыя асабістыя і грамадскія архівы эміграцыі, змест якіх не можа не цікавіць метраполію, паколькі замежныя суродзічы з’яўляюцца часткай беларускай нацыі.

Беларускі дзяржаўны архіў–музей літаратуры і мастацтва з’яўляецца фактычна адзінай архіўнай установай Беларусі, якая мэтанакіравана збірае архівы беларускай эміграцыі і мае ў гэтай справе відавочныя поспехі. Пра іх досыць рэгулярна з’яўляюцца публікацыі [1, 2, 3], таму ў гэтым артыкуле найбольш спынімся на складанасцях камплектавання. А для гэтага неабходна перш прааналізаваць асаблівасці зместу, размяшчэння і выяўлення эміграцыйных дакументаў.

Паводле зместу збораў дакументаў беларускай эміграцыі можна традыцыйна вылучыць архівы прыватных асобаў (пісьменнікаў, кампазітараў, мастакоў, грамадскіх дзеячаў і інш.) і архівы арганізацый. Аднак даволі часта можна сустрэць зборы мяшаныя. Калі дзеяч на працягу свайго жыцця кіраваў той ці іншай арганізацыяй, як правіла, адпаведныя

дакументы заставаліся ў яго прыватным архіве. Так, прыкладам, у дакументах гісторыка і грамадскага дзеяча Аўгена Каханоўскага (Калубовіча) захоўвалася частка архіва Рады БНР з часу яго кіравання сакратарыятам замежных спраў. Таксама фінансавыя дакументы тае ж Рады захоўваліся ў сакратароў фінансаў Віталя Кажана ды Васіля Русака. Сярод дакументаў пісьменніка Юркі Віцьбіча можна знайсці дакументы створанага ім літаратурнага згуртавання “Шыпшына”, сярод папераў гісторыка Янкі Запрудніка — частку архіва газеты “Бацькаўшчына”, сакратаром якой ён быў у 1950–х гг. І такіх прыкладаў багата.

Паводле месцаў захоўвання эміграцыйных архівы можна падзяліць на тых, што захоўваюцца ў прыватных руках, у эміграцыйных інстытуцыях і ў афіцыйных архіўна-бібліятэчных установах розных краін. Сярод апошніх можна вылучыць найбуйнейшыя зборы беларускіх эміграцыйных дакументаў у Нацыянальным архіве і бібліятэцы Канады (фонды пісьменнікаў Кастуся Акулы, Міколы Сільвановіча, Сяргея Хмары, гісторыка Янкі Садоўскага, грамадскай дзячкі Раісы Жук–Грышкевіч і інш.) [4], у Нью–Ёркскай публічнай бібліятэцы (калекцыя беларускіх эміграцыйных выданняў, перададзеная Вітаўтам і Зорай Кіпелямі, дакументы Беларускага інстытута навукі і мастацтва (Нью–Ёрк) і інш.), у Александрыйскай бібліятэцы Ратгерскага ўніверсітэта (дакументы пісьменніка Янкі Золака, грамадскага дзеяча Івана Касяка і інш.), у Цэнтры даследаванняў гісторыі іміграцыі пры Універсітэце Мінесоты ў Мінеапалісе (дакументы грамадскіх дзеячаў Вітаўта Кіпеля, Раісы Жук–Грышкевіч, Вацлава Пануцэвіча, Васіля Пунтуса і інш.) [5]. У шэрагу іншых бібліятэк і архіваў захоўваюцца дакументы паасобных эміграцыйных дзеячаў і арганізацый. Большасць з гэтых дакументаў апрацаваныя, маюць вопісы і даступныя для даследчыкаў. У перспектыве (пры наяўнасці сродкаў) магчыма было б весці перамовы пра атрыманне электронных копіяў беларускіх дакументаў з гэтых устаноў.

Больш складаная сітуацыя з архіўнымі зборамі ўласна беларусіх грамадскіх архіўных інстытуцый. Сярод тых, што назапашвалі дакументы розных дзеячаў і арганізацый можна назваць Беларускі інстытут навукі і мастацтва, Беларускую фундацыю Крачэўскага, царкву Св. Еўфрасінні Полацкай у Саўт–Рыверы (Нью–Джэрсі) [6], сабор Св. Кірылы Тураўскага ў Брукліне (Нью–Ёрк), Беларускую бібліятэку імя Ф. Скарыны (Лондан) [7]. Праблема большасці згаданых інстытуцый у тым, што збіраючы архівы, яны не былі здольныя забяспечыць не толькі іх кваліфікаваную апрацоўку, але часта і належныя ўмовы для захавання дакументаў. У царкве Св. Еўфрасінні Полацкай і ў Беларускай фундацыі Крачэўскага цягам доўгага часу дакументы захоўваліся ў падвалах, якія залівала вада. У

выніку частка архіваў была значна пашкоджаная і яе не ўдалося ўратаваць. Вялікай праблемай з'яўляецца тое, што перададзеныя ў згаданыя інстытуцыі архівы дасёння не разабраныя і няма дакладнай інфармацыі пра склад тых дакументаў. Цягам апошніх гадоў апрацоўкай дакументаў пачала займацца Беларускае фундацыя Крачэўскага, часткова паспрабавала вырашыць гэтую праблему і Беларускае бібліятэка імя Ф. Скарыны ў Лондане, аднак пакуль не надта паспяхова.

Радыкальныя крокі ў дачыненні да захаваных архіваў былі зроблены ў апошнія гады ў царкве Св. Еўфрасінні Полацкай у Саўт–Рыверы (між іншага, ці не самай закрытай для даследчыкаў установе). Пасля аналізу стану захаванасці дакументаў камісія пад кіраўніцтвам гісторыка Янкі Запрудніка прыняла рашэнне большасць архіваў перадаць у спецыяльна прызначаныя для іх захавання ўстановы. Асноўную частку маюць аддаць у Александрыйскую бібліятэку Ратгерскага ўніверсітэта, а некаторыя дакументы, у прыватнасці, частка архіва пісьменніка Юркі Віцьбіча, некаторыя скаўцкія рэчы, дакументы і выданні былі перасланыя ў наш Беларускі дзяржаўны архіў–музей літаратуры і мастацтва.

Найбольш рацыянальна абышоўся з сабранымі ў яго архівамі паасобных творчых дзеячаў Беларускі інстытут навукі і мастацтва. Яшчэ ў 1990–х частку сваіх збораў ён перадаў у Нью–Ёркскую публічную бібліятэку, але ці не найбольшая колькасць дакументаў на працягу апошніх дзесяцігоддзяў скіроўвалася ў наш архіў–музей. У выніку былі створаны фонды пісьменнікаў Уладзіміра Дудзіцкага, Міхася Кавыля, Алеся Салаўя і інш. дзеячаў. [8]

Архіў–музей вядзе сталую працу па пытаннях кансультавання ў апрацоўцы дакументаў (як у выпадку з Беларускай фундацыяй Крачэўскага і Бібліятэкай імя Ф. Скарыны), або па справах атрымання рэдкіх эміграцыйных выданняў з калекцыі дубляў (найбольш з Фундацыяй).

Нягледзячы на існаванне адмысловых інстытуцый, якія збіралі архівы, найбольшая частка архіўнай спадчыны эмігрантаў засталася ў руках прыватных асобаў. Некаторыя дзеячы, прыкладам, пісьменнік Масей Сяднёў, гісторык Янка Запруднік, бібліёграфы і грамадскія дзеячы Зора і Вітаўт Кіпелі і некаторыя іншыя, ад 1990–х сталі перасылаць і перадаваць свае архівы ў Беларусь (БДАМЛМ). Аднак значная частка дакументаў застаецца сёння ў нашчадкаў эмігрантаў, якія часта мала клапацяцца пра яе лёс. Вядома багата выпадкаў, калі архівы бацькоў проста знішчаліся. Адзін з яркіх прыкладаў — архіў беларускага мастака Міхася Наўмовіча з Францыі, які пасля яго смерці быў вынесены на сметнік.

Архіў–музей, як і ў выпадку з нашымі патэнцыйнымі фондаўтваральнікамі ў Беларусі, намагаецца весці перамовы з уласнікамі

дакументаў у замежжы. Дзякуючы гэтаму былі атрыманыя дакументы Сакрата Яновіча і Юрыя Туронка з Польшчы, Дзмітрыя Касмовіча з Германіі (захоўваліся ў Згуртаванні беларусаў свету “Бацькаўшчына”) і інш. На жаль, даволі часта ўласнікі адмаўляюцца ад кантактаў наконт сваіх або бацькоўскіх дакументаў. Прычынамі з’яўляецца або нежаданне браць на сябе клопат пра лёс архіваў, або недавер да Беларусі як месца захавання. Прыкладам, цягам некалькіх гадоў намі вядуцца перамовы з сынам беларускай супрацоўніцы Радыё Свабода ў Мюнхене Галіны Руднік, у якой захоўваліся сярод іншага і дакументы яе цёткі — опернай спявачкі Барбары Вержбалоўч. Гэта ўнікальныя дакументы да гісторыі беларускай музыкі міжваеннага і ваеннага часу. Аднак, пры тым, што сама Галіна Руднік пры жыцці абяцала перадаць гэтыя дакументы ў наш архіў–музей, перамовы з сынам пасля яе смерці (у 2017 г.) і дасення не далі выніку. Іншы выпадак — архіў мовазнаўцы Валянціны Пашкевіч у Канадзе. З яе сынам першапачаткова вёў перамовы БІНІМ і атрымаў абяцанне на перадачу дакументаў, аднак гэтая перадача ўвесь час адкладалася. Пазней мы паспрабавалі наладзіць перамовы праз беларускую амбасад у Канадзе. Аднак і гэты шлях аказаўся беспаспяховым. Лёс тых дакументаў дасення застаецца нявысветленым. І прыкладаў такіх няўдачаў, на жаль, багата.

Найбольш эфектыўнымі ў камплектаванні архіва–музея дакументамі беларускай эміграцыі заўсёды былі асабістыя кантакты з уласнікамі дакументаў. Толькі пры наяўнасці поўнага даверу не столькі да архіва–музея як установы, як да канкрэтных людзей, якія ў ёй працуюць, можна разлічваць на поспех. Так, без наладжвання асабістых кантактаў не было б у архіве–музеі фондаў Масея Сяднёва, Сакрата Яновіча, Юрыя Туронка, дакументаў сям’і Вітаўта і Зоры Кіпеляў, Янкі Запрудніка і інш. Без добрых адносінаў з архівістам БІНІМа Лявонам Юрэвічам, у Беларусь не трапіла б не толькі значная колькасць дакументаў самога Інстытута, яго колішняга кіраўніка Вітаўта Тумаша, літаратурнага крытыка Антона Адамовіча, пісьменніка Юркі Віцьбіча і інш, але не трапілі б ў архіў–музей і аўтографы Янкі Купалы і Уладзіміра Жылкі [9].

Аднак нават пры наяўнасці згаданага даверу, у ўласнікаў архіваў часта спрацоўвае страх у дачыненні нават не да ўстановы, а да дзяржавы цалкам. У эміграцыйным асяроддзі даволі трывалыя дасення стэрэатыпы пра магчымасці знішчэння дакументаў у беларускіх архівах. І пераадолець гэтыя стэрэатыпы вельмі складана.

Часта ўласнікі дакументаў у імкненні забяспечыць іх захаванасць, дзеляць свае зборы паміж рознымі інстытуцыямі. Так дакументы з архіваў Янкі Запрудніка, акрамя як у нашым архіве–музеі, захоўваюцца таксама ў Беларускай фундацыі Крачэўскага і Александрыйскай бібліятэцы

Ратгерскага ўніверсітэта. Дакументы пісьменніка Юркі Віцьбіча зберагаліся і ў Фундацыі, і ў сховах царквы Св. Еўфрасінні Полацкай, і ў БІНіМе. Дакументы пісьменніка Кастуся Акулы расцярушаныя паміж Канадай, ЗША і Вялікабрытаніяй. Наш фондаўтваральнік Вітаўт Кіпель значную частку сваіх дакументаў аддаў таксама ў Цэнтр даследаванняў гісторыі іміграцыі ў Мінеаполісе. Гэтая расцярушанасць, безумоўна, стварае дадатковыя складанасці для даследнікаў.

Акрамя выяўлення і перамоваў з уласнікамі дакументаў, важнай праблемай для камплектавання архіва—музея дакументамі эміграцыі з’яўляецца ўласна перапраўка дакументаў у Беларусь. І гэта не толькі праблема перасячэння мяжы і афармлення мытных дакументаў, але і складанасці фізічнага транспартавання вялікіх комплексаў дакументаў. Найчасцей яна вырашаецца добрай воляй саміх фондаўтваральнікаў праз выкарыстанне паслугаў пошты. Аднак гэта дастаткова дарагі шлях, які сёння дадаткова ўскладняецца абмежаваннем вагі для пасылак у Беларусь. Часам удаецца некаторыя дакументы перавозіць з дапамогай зацікаўленых фізічных асобаў — сябраў нашага архіва—музея. Цягам апошніх некалькіх гадоў быў наладзіўся яшчэ адзін канал перапраўкі дакументаў — дыпламатычная пошта. Дзякуючы кантактам з беларускім консульствам у Нью-Ёрку ўдалося атрымаць дзясяткі кілаграмаў беларускіх дакументаў з ЗША.

Нягледзячы на ўсе згаданыя складанасці, цягам апошніх дзесяцігоддзяў архіў—музей здолеў атрымаць на захаванне значную колькасць эміграцыйных дакументаў. У пэўным сэнсе паспрыяла актывізацыі гэтага працэсу заснаванне ў 2014 годзе навукова—творчай ініцыятывы “Цэнтр камплектавання і вывучэння дакументальнай спадчыны беларускага замежжа”, што дазволіла яшчэ больш прыцягнуць увагу патэнцыйных фондаўтваральнікаў. Цэнтр — гэта архіўная кансультацыйная і даследчая структура, прызначаная для садзейнічання выяўленню, захаванню, апісанню, вывучэнню і папулярызацыі дакументальнай спадчыны беларускага замежжа на базе Беларускага дзяржаўнага архіва—музея літаратуры і мастацтва.

Толькі ад моманту заснавання Цэнтра і да сёння ў архіў—музей паступілі значныя зборы беларускай эміграцыі з ЗША, Аўстраліі, Канады, дакументы беларускіх дзеячаў у Польшчы і інш. Сярод перададзенага — унікальныя калекцыі паштовак, значкоў, марак, медалёў і г.д. Разам атрыманае за апошнія гады з—за мяжы складае больш за паўсотні архіўных скрыняў. Цяпер ідзе працэс экспертызы каштоўнасці і навуковага апісання гэтых дакументаў.

Як бачым, праца па камплектаванні архіва–музея дакументамі беларускай эміграцыі мае пэўную спецыфіку ў параўнанні з камплектаваннем дакументамі айчынных дзеячаў літаратуры і мастацтва. Яе паспяховаму развіццю будзе спрыяць далейшае наладжванне і падтрыманне цесных стасункаў з уласнікамі архіваў і грамадскімі арганізацыямі, вырашэнне праблемаў транспартавання дакументаў, а таксама стварэнне атмасферы даверу да Беларусі на ўзроўні ўсяго беларускага замежжа.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Запартыка Г. Дакументы беларускай эміграцыі ў фондах Беларускага дзяржаўнага архіва–музея літаратуры і мастацтва // Аўтограф. 2020. Вып. 1. С. 107—117.
2. Гардзіенка Н. Фонды беларусаў замежжа ў Беларускім дзяржаўным архіве–музеі літаратуры і мастацтва // Беларускі гістарычны часопіс. 2020. № 6. С. 26—36.
3. Гардзіенка Н. Фонды эміграцыйных дзеячаў у БДАМЛМ // Запісы БІНІМ. 2016. № 38. С. 501—504.
4. Гардзіенка Н. Канадзійская архіўная беларусіка // Запісы БІНІМ. 2019. № 41. С. 327—339.
5. Лабацэвіч І. Беларускія архівы ў штаце Мінесота // Запісы БІНІМ. 2013. № 36. С. 244—271.
6. Гардзіенка А. Архівы царквы Сьв. Эўфрасіньні Полацкай // Запісы БІНІМ. 2008. №31. С. 65—72.
7. Гардзіенка Н. Архівы Беларускай бібліятэкі й музея імя Францыска Скарыны ў Лёндане // Запісы БІНІМ. 2008. №31. С. 73—100.
8. Гардзіенка Н. Кароткі агляд новых паступленняў дакументаў беларускага замежжа // Аўтограф. 2020. Вып. 1. С. 117—134.
9. Гардзіенка Н. Фонды беларусаў замежжа ў Беларускім дзяржаўным архіве–музеі літаратуры і мастацтва // Беларускі гістарычны часопіс. 2020. № 6. С. 26—36.

СЯМЕЙНЫЯ АРХІВЫ БЕЛАРУСКІХ ВЯСКОЎЦАЎ І ІХ ЛЁСЫ ПАДЧАС ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

В.С. Іванова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, ivanovavs@bsu.by*

Сямейныя архівы з'яўляюцца адной з праяваў культуры памяці, захавання сямейнай і індывідуальнай ідэнтычнасці. Для беларускіх вяскоўцаў да другой паловы XX ст. перадача памяці была пераважна вуснай. Традыцыі захавання сямейных архіваў не былі шырока распаўсюджанымі. Нешматлікія сямейныя архівы і артэфакты знішчаліся падчас вайны разам з іншай маёмасцю. У артыкуле на канкрэтных прыкладах вызначаюцца асноўныя характарыстыкі сямейных архіваў вяскоўцаў, стаўленне да іх і фактары, якія уздзейнічалі на ступень іх захаванасці.

Ключавыя словы: сямейныя архівы; сямейная і індывідуальная ідэнтычнасць; сямейны архівіст; дакументаванне; фотаіканастас; лакальная супольнасць

СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСКОЙ ДЕРЕВНИ И ИХ СУДЬБЫ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О.С. Иванова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ivanovavs@bsu.by*

Семейные архивы – это проявление культуры памяти, семейной и индивидуальной идентичности. Для жителей белорусской деревни до второй половины XX века. передача памяти была преимущественно устной. Традиция хранить семейные архивы не получила широкого распространения. Немногочисленные семейные архивы и артефакты уничтожались во время войны вместе с другим имуществом. В статье на конкретных примерах выявлены основные характеристики семейных архивов жителей белорусской деревни, отношение к ним, и факторы, повлиявшие на степень их сохранности.

Ключевые слова: семейный архив; семейная и индивидуальная идентичность; семейный архивист; документация; фотоиконостас; локальное сообщество.

FAMILY ARCHIVES OF BELARUSIAN VILLAGERS DURING THE SECOND WORLD WAR

V.S. Ivanova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus.
Corresponding author: ivanovavs@bsu.by*

Family archives are the manifestation of a culture of memory, preservation of family and individual identity. For Belarusian villagers until the second half of the 20th cent. memory transfer was predominantly oral. The tradition of preserving family archives was not widespread. Few family archives and artifacts were destroyed during the war along with other property. The article uses specific examples to identify the main characteristics of the family

archives of the villagers, the attitude towards them and the factors that influenced of their preservation.

Key words: family archives; family and individual identity; family archivist; documentation; photo iconostasis; local community.

Паняцце і асаблівасці сямейных архіваў, як комплекса сведчанняў аб мінулым, грунтоўна прааналізаваны ў даследаванні брытанскага культуролага, антраполога і музеязнаўцы Ганны Вудхэм пад назвай “Мы тое, што мы захоўваем” [1]. Асноўны тэзіс палягае ў тым, што сямейныя архівы з’яўляюцца месцам захавання і фарміравання сямейнай і індывідуальнай ідэнтычнасці праз матэрыяльныя аб’екты. Многія сем’і назапашваюць архівы, якія непасрэдна кажуць пра іх свядомасць. Гэта розныя матэрыялы – фотаздымкі, прадметы, дакументы, – якія захоўваюцца на гарышчах, у гаражах і шафах, а ўсё часцей – і на камп’ютерах. Гэта не толькі дакументы ў класічным разуменні, але хатняя прастора, асяроддзе, гаспадарка, якая аб’ядноўвае ўсіх членаў сям’і, як тых што жывуць разам, так і тых, што геаграфічна адмежаваны. Таксама гэта матэрыяльныя рэчы (коўдры, цацкі, прылады і нават расліны), усё што можа ўздзейнічаць і спрыяць фарміраванню сямейнай ідэнтычнасці. З іншага боку яно можа быць нязначным і незаўважным для іншых супольнасцей і індывідаў. Сямейны архіў уключае і незафіксаваныя сямейныя ўспаміны, сумесную аўтабіяграфічную памяць, якая ўплывае на індывідуальныя ўспаміны кожнага члена сям’і. Склад і значэнне сямейнага архіва такім чынам неструктураваны і нефармалізаваны, часам выпадковы і нематэрыяльны.

Сямейны архіў можа выступаць як стыхійны збор, але і як плён дзейнасці сямейнага архівіста. У такой якасці найчасцей выступаюць жанчыны. Для іх больш важная эмацыянальная прывязка да рэчаў і дакументаў, для мужчын – іх матэрыяльная, эканамічная ці юрыдычная значнасць. Брытанская прафесар–музеязнаўца Сьюзан Пірс, падкрэслівае, што культура стварэння сямейных архіваў з’яўляецца матрылінейнай [2]. У большасці выпадкаў сямейны архіў – гэта таксама нетыповая калекцыя, бо яго фарміраванне больш плаўнае, павольнае і нефармальнае.

Аб’екты сямейнага архіва надзвычай важныя ў фарміраванні ідэнтычнасці з асаблівым акцэнтам на будучыню. З іх дапамогай людзі будуць значэнні і ствараюць мэты свайго далейшага існавання. Па выражэнні брытанскага антраполога Даніэла Міллера такім чынам “прадметы робяць людзей” [3].

Што тычыцца іншых функцый сямейнага архіва, то яны таксама разглядаюцца амерыканскім навукоўцам у галіне інфармацыйных навук Віктарам Розенбергам. Ён звяртае увагу на тое, што сямейны архіў

прапануе гісторыкам ключавыя зыходныя матэрыялы для глабальных ці нацыянальных падзей, на больш інтымным узроўні. Знаёмства з дакументамі сямейных архіваў (на прыкладзе лістоў загінулага ў Халакосце сваяка) можа мець вынікам наладжванне бягучых сямейных, сацыяльных і міжасобасных адносін [4].

Спецыфіка архіваў сялянскіх сем'яў была ўпершыню разгледжана амерыканскім этнагісторыкам Марцінам Діскінам у 1979 г. На прыкладзе архіваў сялянскіх сем'яў у даліне Аахакі, зробленыя высновы аб тым, што тут захоўваецца набор дакументаў, якія тычацца многіх сфер сацыяльнага і эканамічнага жыцця. Гэты сучасны архіў складаецца з пяці відаў дакументаў. На той час адзначалася, што такім архівам не хапае вялікай гістарычнай глыбіні, і яго лепш выкарыстоўваць у спалучэнні з традыцыйнымі этнаграфічнымі матэрыяламі [5].

Памяць вяскоўцаў, у адрозненне ад памяці гараджан, традыцыйна перадавалася вусна, нават у другой палове XX ст. Вось, напрыклад, як пра гэта згадвае Міхаіл Сечка з в. Ліпляны ў Лельчыцкім раёне: *“Людзі расказвалі, а я сядзеў, малы, і слухаў. Раней у вёсцы збіраліся на вячоркі. Жанчыны кудзелю пралі ці ж ніткі сукалі. І расказвалі паміж сабой. А мужчыны курылі”* [6, с. 6]. Праз такія размовы, гэтаксама як і праз мову, спевы, казкі, байкі з вуснаў старэйшых дзеці выходзілі ў любові да зямлі і працы, павагі да старэйшых, атрымлівалі пачаткі ведаў у розных галінах навук. Традыцыі перадаваліся з пакалення ў пакаленне. Гэты механізм камунікатыўнай памяці пачаў паступова разбурацца толькі ў пасляваенны час, калі жыхары, народжаныя ў вёсцы ў 1940–1950-х гг., сталі масава з'язджаць у гарады, дзе перад імі паўстала неабходнасць фарміравання новай гарадской ідэнтычнасці з іншай мовай, культурай і светабачаннем. У гэты ж перыяд, больш актыўным становіцца і дакументаванне ў межах сямейных і асабістых архіваў. Гэты працэс звязаны таксама і з ростам матэрыяльнага дабрабыту, культуры і свядомасці.

Самым распаўсюджаным відам дакументаў у сямейных архівах вяскоўцаў з'яўляецца фотаздымак. Нават у другой палове XX ст. ва ўсходнепалескай вёсцы Ліпляны фатаграфавалі ў асноўным заезджыя фатографы, да якіх збегалася палова вёскі. Сярод захаванага пераважаюць партрэтныя фотаздымкі, якія рабіліся адзін ці некалькі разоў за жыццё. Вялікае распаўсюджанне мелі т.зв. сямейныя фотаіканастасы ці рамкі з найбольш значнымі фотаздымкамі усіх членаў сям'і, значных падзей (нараджэнняў, хрэсцінаў, вяселляў). Праз фотаіканастасы рэпрэзентуюцца сваяцкія сувязі, фарміруецца сямейная ідэнтычнасць. І значнасць гэтага аспекту жыцця вяскоўцаў падкрэслівалася дадатковым убраннем такіх

рамак, сходным з убраннем сапраўдных ікон з дапамогай ручнікоў, кветак і інш. аздобы.

У в. Чамярын, што на Піншчыне, ў другой палове ХХ ст. фатографам была звычайная вясковая жанчына Уляна Мельнік, якая такім чынам зарабляла на жыццё. Яна у сваіх успамінах вызначае асноўныя падзеі з жыцця сялянскай сям’і і вяскавай супольнасці, якія фіксаваліся праз фота (вяселлі, пахаванні, вясковыя святы (каляды). Тут таксама можна казаць пра дамінаванне калектыўнага дакументавання жыцця ўсёй вяскавай супольнасці, большую колькасць мужчынскіх фотаздымкаў, у параўнанні з жаночымі: *“Як венчалыся я фотографіравала ў вёлюну... Умер мій бацько – я фотографіравала на могілках. Вёсё фотографіравала. Коляднікі ходзілі, неколы. Прыходзяць хлопцы, дзеўкі. Але фотографіруюцца найбольш хлопцы. А дзеўкі ўжэ в стороне стояць. Выносімо з хаты в слона. Садзяцца ўжэ хлопцы з звездою, з гармошкаю, з барабаном... Фотокарточку зраблю. Я вёсё роблю фотокарточки – одну собі покіну”* [7].

Ва Уляны Мельнік такім чынам назбіраўся сапраўдны вялікі фотаархіў штодзённага жыцця Пінскага раёна. Але яна не ставіла на мэце менавіта збор дзеля захавання, не адчувала значнасці дадзеных дакументаў як комплексу, толькі значнасць для канкрэтных людзей ці спецыялістаў, па руках якіх разыйшліся гэтыя фотаздымкі. У яе архівае іх засталася толькі пара дзесяткаў.

Катэгорыя вяскоўцаў больш шырокая чым катэгорыя сялян. Яе ўнутраны падзел можна ахарактарызаваць засноўваючыся на схеме, прапанаванай Майклам Фрышам і Таццянай Шчагловай: шэрагавыя ўдзельнікі падзей з прыватным жыццёвым досведам (сяляне–калгаснікі, гандляры, рамеснікі), прадстаўнікі кіруючай эліты (паны, солтысы, кіраўнікі калгаса, сельскага савета), адукаваная эліта (настаўнікі, рахункаводы, святары) [9, с. 21; 10, с. 65]. Найбольш актыўнымі ў дакументаванні сямейнай гісторыі былі менавіта апошняя група, а таксама больш заможныя сяляне з т.зв. шляхецкіх вёсак. Вясковыя кіраўнікі, часта былі немясцовымі і пераязджалі, а склад іх архіваў быў скіраваны пераважна на дэманстрацыю дасягненняў на вызначаных пасадах (ганаровыя граматы, пасведчанні, узнагароды, фотаздымкі з афіцыйных мерапрыемстваў).

Значна больш захаванымі з’яўляюцца сямейныя архівы з Заходняй часткі Беларусі, якая ў 1921–1939 гг. уваходзіла ў склад Польшчы. Гэта акрамя ўжо названых фактараў большага матэрыяльнага дабрабыту і вышэйшай культуры дакументавання, звязана яшчэ і з меншымі стратамі падчас апошняй вайны. Калі ступень захаванасці невялікіх сямейных архіваў з даваеннымі фотаздымкамі ва Усходняй Беларусі складае 3–5%, то

ў Заходняй – 8–10%. У апошнім выпадку – гэтыя комплексы таксама значна больш грунтоўныя і цэласныя. Тут можна назваць архівы Станіслава Ушакевіча і Яўгеніі Чаплінскай [11]. Абодва яны, як дарэчы і Уляна Мельнік, выступаюць як захавальнікі не толькі сямейнай гісторыі, але і вясковай і нават гісторыі рэгіёну, звязваючы яе з гістарычным кантэкстам.

Станіслаў Ушакевіч, прадстаўнік вясковай інтэлігенцыі (інжынер–меліяратар) з в. Малэйкаўшчына, што на Іўеўшчыне, захаваў больш 200 дакументаў у сваім архіве. Самыя раннія з іх адносяцца да перыяду Першай сусветнай вайны – гэта пасведчанні яго бацькі і бабулі, выдадзеныя часовым нямецкім кіраўніцтвам. Гэта вялікая колькасць іншых асабістых дакументаў, метрычныя выпіскі, даведкі, абавязацельствы, сямейныя фотаздымкі, нямецкая і польская ваенныя карты, газеты і нават брытва міжваенных кантрабандыстаў. Ёсць дакументы і пра пачатак Другой сусветнай вайны для сям’і, з гэтымі падзеямі звязаныя і ўспаміны: *“Увосень 39 года, пачалася мабілізацыя. Прыйшла павестка. І майму бацьку трэба было з возам і з канём ехаць на мабілізацыю аж у Дзявенішкі. Там камісія ваенная прынімала: і каня прызналі негодным да абозу, а воз годны, воз забралі і далі дакументы. У мяне захаваўся дакумент, што у 100 злотых быў ацэнены воз. То бацьку пасля вайны вярнулі б 100 злата за ўзяты на вайну воз”*.

Станіслаў Ушакевіч (1931 г.н.) хіба адзіны з уладальнікаў сямейных архіваў, які назваў свой збор архівам, у значэнні дастаткова буйнога комплекса дакументаў, якія маюць значнасць. У ацэнках іншых рэспандэнтаў тэрмін “архіў” амаль заўсёды выкарыстоўваўся ў значэнні архіва дзяржаўнага. Сваім уласным зборам такой значнасці, афіцыйнасці і вагі звычайна не надавалася.

Архіў Яўгеніі Чаплінскай (1925–2019) – настаўніцы з в. Літва, што на Маладзечаншчыне – складаецца з некалькіх вялікіх фотаальбомаў з даваеннымі і пасляваеннымі здымкамі (іх таксама не менш 200), што адлюстроўваюць вясковую штодзённасць Валожыншчыны. Акрамя гэтай асноўнай часткі архіва ёсць т.зв. “дзявочы альбомік” з подпісамі, малюнкамі і пажаданнямі сяброў. Унікальны ён тым, што складаўся ў 1937–1946 гг. і зафіксаваў пажаданні тых, што былі вывезеныя ці загінулі падчас вайны. Акрамя гэтага ў складзе архіва ёсць успаміны, беларускі слоўнік, артыкулы, вершы ў электроным выглядзе. Сп. Яўгенія ў свае 90 гадоў мела таксама ўласную старонку ў фэйсбуку.

Другая значная прычына малаколькаснасці сямейных архіваў вяскоўцаў – гэта апошняя вайна. Толькі ў Лельчыцкім раёне было спалена 62 вёскі, некаторыя з іх разам з жыхарамі. У такіх экзістэнцыяльных

умовах людзі звычайна думалі пра фізічнае выратаванне сваё і сваіх дзяцей, магчымасць здабыць ежу. Для клопату аб выратаванні дакументаў, патрэбны дастаткова высокі ўзровень культуры дакументавання. Так, пасля бамбёжкі Вільні ў 1944 г., дырэктар Беларускага музея імя І. Луцкевіча, Янка Шутовіч вылезшы з-пад завалаў пайшоў аглядаць ці не пацярпелі зборы музея.

Былі падобныя выпадкі і ў вясковай гісторыі. Напрыклад, фотаздымкі 1920–х гг. сям’і Ранчынскіх з в. Ліпляны перажылі спачатку высылку ў Сібір усёй сям’і, потым спаленне вёскі. На жаль, памяці пра тое, якім чынам быў выратаваны гэты архіў не захавалася. І тут можна праводзіць толькі аналогіі. У в. Ліпляны даваенныя рэчы маглі быць захаваныя двума шляхамі. Першы, гэта калі жыхары вёскі закопвалі свае рэчы ў зямлю, каб выратаваць іх ад агню. Другі, гэта калі людзі, хаваючыся ў балотах бралі нейкія рэчы з сабой. Такім чынам, дайшоў да нашага часу даваенны ручнік Клаўдзіі Лось, які сёння стаў не толькі сямейнай рэліквіяй, але і рэліквіяй усёй вёскі, бо гэта адна з нешматлікіх захаваных тут даваенных рэчаў. Што тычыцца архіва Ранчынскіх, то ён мог захавацца яшчэ і ў родных, якія ў 1920–я гг. выехалі ў Польшчу.

Вайна прыводзіла не толькі да знішчэння архіваў, але адначасова адбывалася і дакументаванне. Найбольш распаўсюджанымі і цікавымі з’яўляюцца фотаздымкі, зробленыя падчас вывазу беларускіх вяскоўцаў на прымусовыя працы ў Германію. Пра фотаздымкі рэспандэнты абавязкова згадваюць, калі апісваюць свой побыт там: *“Я в Германіи была, у немцаў рабіла. У хазяйкі рабіла. Мы только удзвѣх з ей, ды малых дзяцей двое маленькіх. “Ост” гэдакі давалі, – такой мацерыальчык. І прышываць трэба было. Але мы рабілі на шпілечку – і ў карман. І зойдзем сфатаграфіравацца. Троху дзеньгі былі ў нас, плацілі. І мы фатаграфіраваліся”*. (Тамара Бязмен, 1926 г.н., в. Заполле, Навагрудскі р–н) [11] *“Мой хазяін буў у Германіі. Лось Уладзімір Кірылавіч. Яго і фатаграфія ёсць з Германіі. Яму 12 год было. Быў тры годы [там]. На заводзе прыстроіўся, да плёў рукавіцы. У баўэра работаў, на ферме. (Клаўдзія Лось, 1927 г.н., в. Ліпляны, Лельчыцкі р–н) [11]*

У сямейных архівах таксама часта адлюстроўваюцца стасункі з дзяржаўнымі архівамі і захоўваюцца копіі дакументаў адтуль. Так, напрыклад, фотаздымак бацькі зроблены падчас арышту і захаваны у следчай справе захоўвае ў сваім сямейным архіве Надзея Дуброва (1928 г.н.) з в. Дуброва, Мазырскага р–на. Ёсць дакументы аб рэабілітацыі, выпісы з метрычных кніг аб нараджэнні, архіўныя даведкі аб удзеле у партызанскім атрадзе і інш.: *“Бо маго бацька ў 37–м [1937] гаду забралі. Не далі і лампу засвеціць. Нашлі вразом народа. Тады ж хапун некі буў*

такі. Яго і шчэ на одного чловека ў нас у Веліком Бокові забралі, разам з ім... Тут недзе бацько мой, фотографія яго. Хоча ўнучак знаць, які буў дзед, што ў 37-м гаду забралі. Унук ў архіве знайшоў, у Мозыры. Пагляжу – як і сягонні сваго бацька бачу”.

Сустракаюцца ў архівах і сшыткі з сямейнымі рэцэптамі і замовамі, як напрыклад ў сямейным архіве Вольгі Сечка з в. Ліпляны [6, с. 295–300].

Ёсць у складзе сямейных архіваў набыткі, якія можна аднесці да сямейных рэліквій (напрыклад, ужо згаданы ручнік Клаўдзіі Лось). У маёй бабулі, гэта была швейная машынка “Зінгер”, якую мой прадзед Іван Луфераў вынес з палаючай хаты пад стрэламі. Гэтая машынка карміла сям’ю ў пасляваенны час і апрадала ўсю вёску. Часта людзі надаюць вельмі вялікае значэнне рэчам важным для іх, але і выказваюць заклапочанасць тым, што іншыя не ўсе ўбачаць у гэтых аб’ектах такую ж значнасць. Тут можна прыгадаць гісторыю іконы, падараванай епіскапам Афанасіем Мартасам ў г. Навагрудку, будучаму вясковому святару а. Георгію Сапуноу, якая прайшла з ім праз вайну і высылку: *“Иконка была в нашей комнате в общежитии Георгия Победоносца. Я думаю, ну, что я тут возьму, надо идти 20 километрау пешком. Ничего такого не возьму. Возьму иконку. Растегнул себе рубаху и за рубаху бросил так вот эту иконку и пошёл. Тогда все жители уходили с города, потому что бомбили, стрельба на каждом шагу и убийства и всё”* [7, с. 106–107].

Яшчэ адна глыбокая сямейная гісторыя, звязаная з вясельнай хусткай Івана і Марыі Ласёў, якія разам пражылі доўгае жыццё. Іван Лось падчас інтэрв’ю ў 2018 г. казаў наступнае: *“Каб я дзвесце гадоў жыў, я б жонкі сваёй ніколі не пакінуў. Так яна мне падабалася”*. Марыя Лось на той час ужо памерла і ён з пяшчотай і перажываннем паказваў яе фота, што ляжала ў кішэні, потым вясельную хустку вышытую жонкай і падораную яму на пачатку сужэнскага жыцця. Туга па жонцы была настолькі моцнай, што і сам Іван Мікалаевіч хутка памёр. Хустку тую, па яго запавету, паклалі яму у труну. І тая сямейная рэліквія – сімвал сужэнскай вернасці і кахання – засталася толькі на фотаздымку і фарзацы кнігі пра вёску Ліпляны [6].

Такім чынам, пытанне захоўвання і захаванасці сямейных архіваў і сёння з’яўляецца вельмі актуальным. Бо палягае найперш у свядомасці і адказнасці членаў сям’і. Так, напрыклад, нашчадкі Яўгеніі Чаплінскай, што жывуць за межамі Беларусі, палічылі магчымым, згодна яе запавету перадаць дакументы ў БДАМЛМ. Другая частка пытання палягае ў адсутнасці спецыялізаванага дзяржаўнага архіва і адпаведных спецыялістаў для працы з такімі зборамі, на этапах ад матывацыі да дакументавання да магчымасцяў шырокага інфармавання і выкарыстання дакументаў такога кшталту.

На захаванасць сямейных архіваў уздзеінічала культура дакументавання у канкрэтнай сям’і яе сацыяльны статус у межах вясковай супольнасці, апошняя вайна. Вайна часам была таксама каталізатарам для дакументавання і з’яўлення сямейных рэліквій. Разнастайны склад аб’ектаў у складзе сямейных архіваў, такіх як фатаграфіі, пасведчанні, метрыкі, кнігі, лісты, рэцэпты, кнігі замоваў і святаў, іконы, узнагароды, прадметы побыту (ручнікі, швейная машынка, хустка) і інш. спрыяе фіксацыі памяці часта значна больш шырокая чым памяць асобнай сям’і, а можа распаўсюджвацца на гісторыю вёскі, вясковай супольнасці ці народа ў цэлым. Сямейны архіў, як правіла, звязаны з вуснымі успамінамі, сямейнай памяццю і сямейнай ідэнтычнасцю. Ён становіцца падставай для стварэння біяграфічных ці сямейных аповедаў, інтэрпрэтацыі падзей уласнага жыцця ці гістарычных фактаў.

Тэрмін “архіў” ў дачыненні да сямейных ці асабістых набыткаў амаль не выкарыстоўваецца. Толькі у выпадку, калі ёсць значны комплекс дакументаў. Архівамі ў большасці выпадкаў вяскоўцы называюць вялікія дзяржаўныя сховішчы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Woodham A., King L., Gloyn L., Crewe V., Blair F. We Are What We Keep: The “Family Archive”, Identity and Public/Private Heritage // *Heritage & Society*. Volume 10, Issue 3. 2017. S. 203–220.
2. Pearce S. The Construction of Heritage: The Domestic Context and its Implications // *International Journal of Heritage Studies*. 1998. № 4 (2). S. 86–102.
3. Miller D. *The Comfort of Things*. Cambridge: Polity Press, 2008.
4. Rosenberg, V. The Power of a Family Archive // *Archival Science*. 2011. № 11 (1–2). S. 77–93.
5. Diskin, M. 1979. “The Peasant Family Archive: Sources for an Ethnohistory of the Present.” *Ethnohistory* (Columbus, Ohio) 26 (3): 209–229.
6. Іванова В. Ліпняны. Біяграфія і штодзённасць беларускай вёскі. Мінск, 2019.
7. Іванова В. Прамоўленая гісторыя. XX ст. у памяці жыхароў беларускай вёскі. Мінск, 2018. С. 220–237.
8. Уллына Мельнік, в. Чэмерын, Пінскі р-н, Брэсцкай вобл. 44(3) – 356 – 2707, 2708, 2709, 2710
9. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. – С. 21.
10. Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // *Хрестоматия по устной истории* / Перевод, составление и введение М.В. Лоскутовой. СПб., 2003.
11. Беларускі архіў вуснай гісторыі. [Электрон. рэсурс]. Рэжым доступу: <http://nashapamiac.org>. Дата доступу: 20.04.2020

АРХИВЫ И ВОЙНЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

С.Б. Каун

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sergey_kaun@mail.ru*

Выявлены факты разорения архивов в период войн эпохи Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, определены основные причины гибели архивов во время войн: пожары во время боевых действий, гибель в момент перевозки документов, воровство захватчиков, взрывы замков в период Великой Северной войны шведами, целенаправленное уничтожение документов о повинностях восставшими крестьянами.

Ключевые слова: архив; Великое Княжество Литовское; Речь Посполитая; гибель архивных документов

ARCHIVES AND WARS OF THE PERIOD OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH

S.B. Kaun

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
sergey_kaun@mail.ru*

The facts of the destruction of archives of era of the Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth were revealed. The main reasons for the destruction of archives during the war are determined: fires during hostilities, loss of documents at the time of transportation, explosions of castles during Great Northern War by the Swedes, deliberate destruction of the documents on the duties by insurgent peasants.

Key words: archives; Grand Duchy of Lithuania; Rzeczpospolita; destruction of archival documents

Во время войн в период Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой архивы часто подвергались уничтожению огнем при штурме замков, восставшими крестьянами, гибли во время уничтожения шведами замков в период Северной войны, массовых артиллерийских обстрелов российскими войсками.

Очень часто архивы страдали из-за своего местоположения. Все архивы периода Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой по мнению белорусского историка А.И. Груши делились на следующие виды:

- индивидуальные («семейные» или «родовые»), которые хранили частные лица (в том числе удельные князья) в своих домах и имениях;
- общественные (общинные), представляющие собой архивы территориальных, социальных и этнических групп: городов, центров земель и самих земель – Полоцка и Полоцкой земли,

архивы волостных центров и волостей, архивы еврейских общин (кагалов), архивы братств ремесленников (цехов).

- должностные архивы (в том числе частные архивы должностных лиц).
- архивы учреждений, (архивы магистратов в городах с магдебургским правом), архивы церквей, костелов, монастырей, кляшторов. [3, С. 6-7]

Большинство архивов размещались в замках, ратушах, соборах, которые находились в центрах городов. Войны часто сопровождались пожарами. Например, 31 июля 1655 г. русскими войсками была захвачена столица Великого Княжества Литовского Вильна. Были разграблены казаками Ивана Золотаренко иезуитский костел святого Казимира на рынке, костел святого Михаила монахинь бернардинок. Город Вильна горел 17 дней «город горел как Троя», причем русские войска поджигали пригороды, а сами жители Вильны свои дома, чтобы те не достались «московитам», потом сами же их тушили. Матей Ворбек Леттов, бывший врач Владислава IV, в своем дневнике так описывал эти события: “Судерву мою, лежащую миль с полторы от Вильны, было видно как на ладони: Троя, пожалуй, никогда так не горела...” [1, С. 144] В Нижнем замке Вильны произошел пожар, в ходе которого погибли подлинные книги Метрики Великого Княжества Литовского, созданные до конца XVI в. Кроме того, многие церкви и монастыри были ограблены русскими войсками и казаками, хотя их больше интересовали богослужебные предметы (например, напрестольные кресты) и богослужебные книги (певческие книги – ирмалои). [1, С. 151–153]

Часто в ходе войн архивы приходилось перемещать и в ходе этих перемещений они также несли потери. Например, в 1655 г. накануне захвата Вильны российскими войсками Метрику отправили в Пруссию. По дороге часть ее пропала. Во время оккупации Речи Посполитой шведами была захвачена Метрика в 1656–1657 гг. и вывезена в Стокгольм. В 1660 г. по условиям Оливского мира ее попытались вернуть, однако часть документов утонула в Балтийском море во время крушения корабля. Полностью выявить масштабы утрат Метрики не удалось, хотя на сеймах 1667 и 1673 гг. такие попытки предпринимались. Частично представления об утраченном дает сохранившийся реестр 1623 г. - список документов, которые Лев Сапега передавал новому канцлеру Альбрехту Станиславу Радзивиллу.

Иногда в ходе штурма городов удавалось захватывать целые архивы и библиотеки. Например, Рейнгольд Гейденштейн в «Записках о Московской войне» описывает взятие Полоцка в августе 1579 г., когда

была захвачена в замке библиотека, в которой находились летописи, произведения греческих отцов церкви (сочинения Дионисия Ареопагита о небесной и церковной иерархии на славянском языке). [2]

Были многочисленные случаи грабежа архивов, особенно частных, войсками. Например, в 1661 г. русские войска ограбили имения могилевского магната Томаша Тризны, и среди награбленного упоминались книги.

Были и социальные причины уничтожения архивов и документов. Например, во время крестьянско-казацкой войны 1648–1651 гг. часто уничтожались социально значимые документы – инвентари, где фиксировались повинности крестьян. Причем уничтожали эти имения сами крестьяне. Сохранились сведения о разгроме шляхетских имений около Поповой горы, Речицы и Брагина.

11 октября 1648 г. во время штурма войсками Януша Радзивилла города Пинска сгорели 2 костела с монастырями, 2 православных монастыря с церковью, 5 униатских церквей, и почти 5000 домов. А в 1655 г. Пинск снова был взят русскими войсками и казаками под командованием воеводы Д. Волконского, при этом сгорел Пинский замок, Дмитриевский православный собор и ратуша, где находились документы городского архива.

Одной из самых разрушительных войн для архивов была Великая Северная война 1700–1721 гг. Шведы в 1706–1708 гг. взрывали и сжигали многие замки и монастыри. Вместе со строениями часто гибли и архивы. Например, в мае – июне 1706 г. замок в предместье Пинска Каролин, построенный гетманом Великого Княжества Литовского Михалом Сервацием Вишневецким в 1700-е гг., был взорван шведскими войсками Карла XII.

В 1708 г. шведская армия Карла XII во время переправы через Сож разграбила и «обратила в пепел» Охорский Спасо-Преображенский монастырь, недалеко от г. Черикова на Могилевщине. В огне сгорели монастырский архив и библиотека. [4, С. 68]

В период Северной войны от шведов также пострадали Вильна, Клецк, Ляховичи, Минск, Мир, Несвиж, Новогрудок, Радошковичи, Слоним, Сморгонь, Шклов.

Были документальные потери и от русских войск. 11 июля 1705 г. были убиты в Полоцком Софийском соборе царем Петром I и его офицерами 4 монаха-базилианина, а сам Софийский собор закрыт и превращен в пороховой склад. А 1 мая 1710 г. там произошел взрыв, который уничтожил Софийский собор и документы, которые там находились. 8 сентября 1708 г. по приказу Петра I калмыцким и татарским

полками был сожжен г. Могилев. В огне сгорели многие древние документы и рукописи, которые были в городе. Хотя есть сведения, что во время пожара «около ратуши стояла охрана из татар и калмыков, которые ждали, пока городские книги и важнейшие архивы не были вынесены из ратуши в ее подвал», но сама ратуша во время пожара, от которого плавилась даже колокола, сгорела. [4, С. 68]

От русских войск в период Северной войны пострадали и другие города Беларуси - Бешенковичи, Борисов, Брест, Витебск, Гомель, Горки, Гродно, Дисна, Дубровна, Логойск, Мстиславль, Орша, Полоцк, Слуцк, Чашники.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что наиболее частыми угрозами для архивов во время войны были пожары, вызванные военными действиями, перемещение архивов ввиду угрозы для них со стороны противоборствующих сил, целенаправленное уничтожение документов о повинностях во время восстаний

Библиографические ссылки

1. Герасимова И. Занятие Вильны русскими войсками 8 августа 1655 г.: сопоставление нарративных и документальных источников // *Senoji Lietuvos Literatura*, 32 Knyga, 2011, С. 135 – 154.
2. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582) // Записки о Московской войне (1578—1582) / Новое известие о России времени Ивана Грозного / А. Шлихтинг. О Москве Ивана Грозного / Г. Штаден. Рязань: Александрия, 2005. 606 с.
3. Груша А.И. «Хранить вечно». Архивы великого княжества Литовского конца XIV первой трети XVI в. // *Исторический вестник*. 2014. Т.6. С.6 – 53.
4. Шлюбскі А.А. Матэр'ялы да крыўскай гісторыі // *Спадчына*, 1992, № 3, С. 67-73.

ВЛИЯНИЕ ВОЙН НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА (НА ПРИМЕРЕ ГЕНЕРАЛА ЮЗЕФА ХЛОПИЦКОГО)

С. Е. Куприянов

*Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного
дела, ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Беларусь,
secretar@belniidad.by*

В статье рассмотрены основные вопросы влияния войн на формирование личного архива. Была исследована проблематика о причинах малого количества архивных документов, которые отложились в архиве на современном этапе. Показано влияние войн на исчезновение, в следствии гибели, больших комплексов архивных документов. В тоже время военные действия позволили сформироваться другим видам документов и их комплексов. Автор статьи обратил внимание на архив польского генерала Герцогства Варшавского – Юзефа Хлопицкого, который, являясь участником многих кампаний периода Наполеоновских войн, смог создать свой личный архив и картографическую коллекцию к нему. Военные походы, в котором он принимал участие имели непосредственное влияние на формирование его личного архива. В заключение автор показывает ценность данного архива для исторической науки и делает вывод относительно трансформации исследования основных проблематик периода Наполеоновских войн на современном этапе.

Ключевые слова: личный архив; Герцогство Варшавское; коллекция карт; война; генерал Юзеф Хлопицкий; гибель документов

INFLUENCE OF WAR ON THE FORMATION OF PERSONAL ARCHIVE (ON THE EXAMPLE OF GENERAL YUZEF CHLOPITSKY)

S. E. Kupriyanov

*Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs,
st. Kropotkina, 55, 220002, Minsk, Belarus,
secretar@belniidad.by*

The article deals with the main issues of the influence of wars on the formation of a personal archive. This article explored the issues of the reasons for the small number of archival documents that have been deposited in the archive at the present stage. The influence of wars on the disappearance, as a result of death, of large complexes of archival documents is shown. At the same time, hostilities allowed the formation of other types of documents and their complexes. The author of the article drew attention to the archive of the Polish general of the Duchy of Warsaw - Jozef Khlopitsky, who, being a participant in many campaigns during the Napoleonic Wars, was able to create his own personal archive and cartographic collection for it. The military campaigns in which he took part had a direct impact on the formation of his personal archive. In conclusion, the author shows the value of this archive for historical science and draws a conclusion regarding the transformation of the study of the main problems of the period of the Napoleonic wars at the present stage.

Key words: personal archive; Duchy of Warsaw; collection of maps; war, General Jozef Khlopitsky; destruction of documents.

На современном этапе исследователи сталкиваются с определенными проблемами. Одной из них можно назвать то, что многие комплексы архивных документов были утрачены в результате их гибели в следствии пожаров, наводнений и т.д. Данная проблема часто возникала из-за войн, которые проходили на определенной территории и которые приводили к гибели документов.

В XIX веке, несмотря на совершенствование науки и техники, развитие общества и естествознания, было характерно то, что архивные документы, из-за боевых действий, продолжали гибнуть. Это происходило на территории почти всей Европы и части Северной Америки.

Например, архив Конфедеративных Штатов Америки был почти полностью уничтожен при отступлении южан из Ричмонда в 1865 г. В начале марта 1865 года клерки военного министерства начали упаковывать некоторые записи, готовясь вывезти их из Ричмонда. 2 апреля 1865 г., в день эвакуации города, Роберт Г. Х. Кин упаковал другие документы и поместил их в поезд. Он поехал по железной дороге с ящиками с записями до Гринсборо, штат Северная Каролина, а оттуда на фургоне до Шарлотты. Записи канцелярии секретаря и департамента адъютанта и генерального инспектора оказались более хорошо сохранившимися, чем записи других ведомств военного министерства [4, р. 135]. Соответственно, в данном случае можно увидеть, что военные действия периода Гражданской войны 1861–1865 гг. в США имели негативное влияние на сохранность комплекса архивных документов того периода.

Судьба архива Герцогства Варшавского тоже была не самой лучшей. Во время Второй мировой войны он почти полностью был уничтожен [5, s. 477]. В статье «Воспоминания польского шеволежера Вицентия Плачковского: к вопросу о верификации положения Плачковского в 1-м полку шеволежеров-лансьеров Императорской Гвардии 1810–1812 гг.» Д.И. Горшков отметил, что «гибель в годы Второй мировой войны всего комплекса документов, связанного с военной историей Великого Герцогства Варшавского и различных национальных польских формирований, заставляет исследователей искать новые источники и более активно работать с опубликованными материалами, включая и т.н. источники личного происхождения» [1, с. 93].

Проблема отсутствия утраченных документов подметил Андрей Неуважный в своей статье ««Pozostały tylko ... cygarry». Opinie polskich weteranów o wojnie w Hiszpanii w świetle ich korespondencji» отмечая, что ««нет комплексного исследования участия поляков в кампании в Испании», заключил Владислав Росток в 1987 году, за небольшую четверть века мы должны добавить: «и мало что изменилось»» [6, s. 136].

Это связано с тем, что для исследователей, в силу потери документов, нахватает ресурсов для полноценного исследования. Следовательно, многие моменты той же русско-французской войны 1812 г. можно установить только при помощи источников личного происхождения. Возвращаясь к статье А. Неуважного можно сказать, что он один из немногих историков, который поднял такие темы как роль источников личного происхождения в исследовании войны, их информационный потенциал, методика работы с ними и их источниковедческий анализ [6, s. 139–140].

Боевые действия периода Наполеоновских войн привели к тому, что, несмотря на утрату значительных комплексов архивных документов, были созданы новые документальные комплексы. Возвращаясь к статье Д.И. Горшкова [1, s. 93], ряд исследователей обратили свое внимание на источники, которые ранее не учитывались или учитывались в незначительном объеме, это – источники личного происхождения (корреспонденция, мемуары, дневники, коллекции документов и др.). Т.е. можно констатировать, что война в своей сути является определенным трансформатором: с одной стороны, боевые действия приводят к утрате определённых документов, но и они же способствуют формированию новых документов или комплексов документов, включая и документы личного происхождения.

Непосредственно процесс влияния войн на формирование документов личного происхождения, которые очень часто формировались потом в личный архив, можно рассмотреть, на примере, картографической коллекции и личного архива генерала Герцогства Варшавского – Юзефа Хлопицкого.

Юзеф Хлопицкий родился в Виннице (Украина) 19 мая 1768 г. В 1789 г. он получил звание младшего лейтенанта. Являясь активным патриотом своего государства, он участвовал в боевых кампаниях 1792 и 1794 гг. После разделов Речи Посполитой он эмигрировал во Францию, где записался добровольцем в созданный польский легион под командованием генерала Я.Г. Домбровского. В составе польского легиона он принимал участие в сражении при Треббии в 1799 г., в кампании 1805 г. в Италии, в 1807 г. в кампании против Пруссии [7, p. 236].

Юзеф Хлопицкий в составе уже нового соединения «Легиона Вислы» принимал участие в Иберийской войне 1808–1812 гг. 18 июля 1809 г. за выдающиеся заслуги перед Французской империей ему было присвоено званием бригадного генерала, а также он получил ряд высших наград Франции и Герцогства Варшавского. В 1812 г. Ю. Хлопицкий

принял участие в походе на Российскую империю, где получил ранение и больше не участвовал в Наполеоновских войнах [7, р. 236].

В мае 1814 г. Юзеф Хлопицкий поступил на военную службу вновь созданному, под протекторатом России, польскому государству, однако в 1818 г. был вынужден уйти в отставку из-за разногласий с новым правительством. Во время восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси он получил диктаторские полномочия и стал главнокомандующими всеми вооруженными силами Королевства Польского. Несмотря на героическое сопротивление российским войскам восстание потерпело поражение, а сам Ю. Хлопицкий был ранен и больше не принимал участие в каких-либо вооруженных конфликтах. Он скончался 21 сентября 1854 г. и был похоронен в Кракове [2, с. 205].

Юзеф Хлопицкий был профессиональным военным, который занимал высокие воинские звания. В процессе службы он смог собрать значительный комплекс документов. Сам комплекс документов можно разделить на две части. Первая часть включает документы, непосредственно связанные с деятельностью Ю. Хлопицкого как командира различных воинских формирований (приказы, рапорты и др.). Вторая часть состоит из картографической коллекции документов, которые он собирал на протяжении своих военных походов по отношению к региону, в котором он на данном этапе принимал участие. После смерти Ю. Хлопицкого его личный архив был передан в Национальный архив в Кракове. Всего его коллекция насчитывает около 144 дел или около 2803 оцифрованных документов, которые хранятся в фонде 646 в Национальном архиве в Кракове [3].

Личный архив Юзефа Хлопицкого можно условно разделить на семь частей или серий.

Первая серия охватывает документы периода 1799–1808 гг. Она включает в себя корреспонденцию Ю. Хлопицкого по военным вопросам в Италии, военные патенты, корреспонденцию 2-го полка итальянского легиона [3].

Вторая серия содержит документы о преобразовании бывших польских легионов генерала Я.Г. Домбровского в Легион Вислы. Данная серия содержит переписку, списки, записи периода реорганизации польских легионов, также списочные составы Легиона Вислы в период его формирования в 1807–1811 гг. [3].

Третья серия раскрывает подробности военной службы Ю. Хлопицкого в Легионе Вислы и его участие в войне в Испании. Серия богата документами, связанными с деятельностью бригады Ю. Хлопицкого, письмами и приказами об осаде Сарагосы и Тортосы,

перепиской и документами начальника штаба Наполеона I Бонапарта маршала Л. Бертье, а также личными документами самого Ю. Хлопицкого, которые связаны с его деятельностью в Испании [3].

Четвертая серия рассказывает об участии бригады Ю. Хлопицкого в русско-французской войне 1812 г. Она содержит документы периода 1812–1813 гг. Сама серия включает документы военного министра, приказы времен русско-французской войны 1812 г., среди которых есть весьма ценные документы для исследователей войны 1812 г. [3].

Пятая серия охватывает документы 1814–1829 гг. Она включает в себя военные инструкции и приказы, личные дела Ю. Хлопицкого с его службой в армии Королевства Польского, а также материал по русско-турецкой войне 1828–1829 гг. [3].

Шестая серия содержит документы о восстании 1830–1831 гг. в Литве, Беларуси, Польши. Поскольку Ю. Хлопицкий являлся главнокомандующим всех польских вооруженных сил, то в данной серии содержатся военные и полицейские сводки, переписка, материалы, связанные с восстанием и подготовкой армии [3].

Седьмая серия раскрывает уже подробности жизни Ю. Хлопицкого после провала восстания 1830–1831 гг. в Литве, Беларуси, Польши. В большинстве данная серия представлена личной перепиской Ю. Хлопицкого, завещанием, свидетельством о рождении, биографическими данными, литографиями и карикатурами, материалами о войне 1849 г. между Австрией и Сардинией [3].

В каждой серии в личном архиве Ю. Хлопицкого содержатся картографические собрания разных регионов Европы: Испания, Италия, Германия, Польша и др. А также проекты крепостей Франции, Польши и России.

Таким образом, можно констатировать, что войны оказывали непосредственное влияние на судьбу архивных документов. Феномен заключается в том, что в результате боевых действий многие комплексы архивных документов были утрачены в результате их гибели, однако они же и способствовали тому, что формировались новые комплексы документов такие как документы личного происхождения, что можно увидеть, например, на основе личного архива генерала Герцогства Варшавского – Юзефа Хлопицкого. Войны, в которых он принимал участие, оказали прямое воздействие на тот комплекс документов, который у него образовался. В результате участия в боевых действиях в разных географических точках Европы, Ю. Хлопицкий собрал картографическую коллекцию разных регионов европейского континента, а также документы боевых частей и соединений, которыми он командовал. Его личный архив

представляет собой кладезь интереснейшей информации по исследованию различных аспектов Наполеоновских войн (боевые действия, планы, карты походов и сражений, карты регионов с указанием дорог и городов), и может оказать влияние на те стороны периода конца XIX – начало XX вв., которые еще мало изучены или вообще не принимались во внимание исследователями данного периода истории.

В заключении можно отметить, что на современном этапе исследователи все больше обращают внимание на мало используемые документы личного происхождения. Их источниковедческий анализ и информационный потенциал еще позволят исследовать проблемные области исторической науки, включая и Наполеоновские войны.

Библиографические ссылки

1. Воспоминания польского шеволежера Вицентия Плачковского: к вопросу о верификации положения Плачковского в 1-м полку шеволежеров-лансьеров Императорской Гвардии 1810–1812 гг. / Д.И. Горшков // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2.
2. Шиканов, В.Н. Генералы Наполеона (биографический словарь) / В.Н. Шиканов. – М.: «Рейттарь», 2004.
3. Archiwum i zbiór kartograficzny generała Józefa Chłopickiego [Zasób elektroniczny]: Szukaj w Archiwach. URL: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/zespól/-/zespól/32440>. (data dostępu: 12.12.2020).
4. Beers, H.P. Guide to the archives of the Government of the Confederate States of America / H.P. Beers. – Washington: National Archives, National Archives and Records Service, General Services Administration, 1968.
5. Lewandowicz L. Polskie archiwalia wojskowe w czasie okupacji 1939–1945. Wojskowy Przegląd Historyczny. 1972. № 2.
6. Nieuwazny, A. «Pozostały tylko ... cygarry». Opinie polskich weteranów o wojnie w Hiszpanii w świetle ich korespondencji / A. Nieuwazny // Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym. 2014. t. 31 (4).
7. Six, G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792-1814) / G. Six. – Paris, 1934. T. 1.

БІБЛІЯТЭКА НЯСВІЖСКОЙ АРДЫНАЦЫІ КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ ПАДЧАС ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ ВА ЎСПАМІНАХ АПОШНЯГА АРХІВАРЫУСА РАДЗІВІЛАЎ Б. ТАЎРАГІНСКАГА

А. М. Латушкін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, Latushkin@bsu.by*

Артыкул прысвечаны даследаванню лёсу кніжных збораў Радзівілаў, ардынатаў Нясвіжскіх падчас Другой сусветнай вайны. Аўтар разглядае тэму праз успаміны апошняга архіварыуса названай галіны роду Радзівілаў – Баляслава Таўрагінскага (Туган-Таўрагінскага) (1904–1974). Ён прыводзіць каштоўныя звесткі: аб крадзяжы кніг з Нясвіжскай бібліятэкі ў Мінску нямецкімі вайскоўцамі; аб спробе гандлю імі праз антыкварыяты Польшчы (Варшава) і Германіі; аб слядах прыватнай бібліятэкі, якая магла належыць Радзівілам, у маёнтку Хрусты (польск. – Chrósty) пад Катавіцамі (Польшча) ў чэрвені 1945 г. Аўтар упершыню публікуе фрагменты ўспамінаў Баляслава Таўрагінскага са складу яго неапублікаванай кнігі “З гісторыі Архіва Радзівілаў і каштоўнасць дакументальнага збора для польскай навукі” (1969 г.).

Ключавыя словы: князі Радзівілы; Нясвіжскі замак; Нясвіжскі архіў; Архіў Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў; Архіў Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у Варшаве; Бібліятэка князёў Радзівілаў у Нясвіжы; Бібліятэка Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў; архіварыусы Архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў; Баляслаў Таўрагінскі; Другая сусветная вайна

БИБЛИОТЕКА НЕСВИЖСКОЙ ОРДИНАЦИИ КНЯЗЕЙ РАДЗИВИЛЛОВ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО АРХИВАРИУСА РАДЗИВИЛЛОВ Б. ТАВРАГИНСКОГО

А. Н. Латушкин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Latushkin@bsu.by*

Статья посвящена исследованию судьбы книжных собраний Радзивиллов, ординатов несвижских в годы Второй мировой войны. Автор рассматривает тему через призму воспоминаний последнего архивариуса этой ветви семьи Радзивиллов – Болеслава Таврагинского (Туган-Таврагинского) (1904–1974). Он приводит ценную информацию: о краже книг из Несвижской библиотеки в Минске немецкими военными; о попытке их реализации через антиквариаты Польши (Варшава) и Германии; о следах одной из частных библиотек, которая могла принадлежать Радзивиллам, в имении Хрусты (польск. – Chrósty) под Катовицами (Польша) в июне 1945 г. Автор впервые публикует фрагменты воспоминаний Болеслава Таврагинского, помещённые в его неопубликованной книги «Из истории Архива Радзивиллов и значение документального собрания для польской науки» (1969 г.).

Ключевые слова: Князья Радзивиллы; Несвижский замок; Несвижский архив; Архив Несвижской ординции князей Радзивиллов; Архив Несвижской ординции князей Радзивиллов в Варшаве; Библиотека князей Радзивиллов в Несвиже; Библиотека

Несвижской ординции князей Радзивиллов; архивариусы Радзивиллов; Болеслав Таврогинский; Вторая мировая война

**THE LIBRARY OF THE NESVIZH ORDINATION OF PRINCES OF
THE RADZIWILLS
DURING THE SECOND WORLD WAR IN MEMORIES OF THE LAST
ARCHIVARIUS OF THE RADZIWILLS B. TAVRAGINSKY**

A.N. Latushkin

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus. Corresponding author: Latushkin@bsu.by*

The article is devoted to the study of the fate of the book collections of the Radziwills, Nesvizh ordination during the Second World War. The author examines the topic through the prism of the memories of the last archivist of this branch of the Radziwill family – Boleslav Tavruginsky (Tugan-Tavruginsky) (1904-1974). He provides valuable information: on the theft of books from the Nesvizh library in Minsk by the German military; an attempt to implement them through antiques from Poland (Warsaw) and Germany; about the traces of one of the private libraries, which could have belonged to the Radziwills, in the Chrusty (Polish - Chrósty) estate near Katowice (Poland) in June 1945. For the first time, the article publishes fragments of the memoirs of Boleslav Tavruginsky, placed in his unpublished book “From the history of the Radziwill archives and the significance of this documentary collection for Polish science” (1969).

Key words: Princes of the Radziwills; Nesvizh Castle; Nesvizh Archive; Archive of Nesvizh Mayorat of Princes Radziwills; Archive of Nesvizh Mayorat of Princes Radziwills in Warsaw; Library of Princes Radziwills in Nesvizh; Library of Nesvizh Mayorat of Princes Radziwills; Archivist of the Boleslav Tavruginsky; World War II

Баляслаў Таўрагінскі (Туган–Таўрагінскі) (1 мая 1904 г., Радзівілімонты, Нясвіж — 5 ліпеня 1974 г., Варшава) – асоба, што мае вялікае значэнне для гісторыі архіўнай спадчыны роду князёў Радзівілаў, а з улікам яе гісторыка–культурнай каштоўнасці – і ў цэлым для архівазнаўства Польшчы і Беларусі першай паловы XX ст. Ён быў апошнім архіварыўсам Архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у Варшаве, той яго часткі, якая была вывезена з Нясвіжа ў міжваенны перыяд, амаль без страт перажыла Другую Сусветную вайну і зараз у сваёй масе захоўваецца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве (Archiwum Główny Akt Dawnych). Выратаванне архіва падчас апошняй сусветнай вайны па праву належыць Б. Таўрагінскаму. Жыццёвы шлях гэтага чалавека, а таксама яго роля як захавальніка аднаго з найкаштоўнейшых і найбагацейшых прыватных архіўных збораў Беларусі, у цяперашні час – аб’екта Сусветнай спадчыны UNESCO былі раней асветлены ў навуковай літаратуры прадмета [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8].

З 1929 г. па 1944 г. Б. Таўрагінскі быў памочнікам архівіста Архіва Нясвіжскай ардынацыі ў Варшаве. З верасня 1939 г. па 1945 г. фактычна

з'яўляўся яго загадчыкам. З 1929 г. дакументы архіва размяшчаліся ў арэндаваным будынку па адрасе вул. Маршалкоўская, д. 113 (памяшканні 2 і 4). Гэта быў цэнтра горада – недалёка ад чыгуначнага вакзала і Старога места. У сувязі з небяспекай артылерыйскіх абстрэлаў данага раёну за перыяд акупацыі архіў некалькі разоў змяняў сваю лакацыю. У верасні 1944 г. збор быў вывезены гітлераўцамі на Захад. Увесь перыяд акупацыі Б. Таўрагінскі жыў пераважна ў Варшаве, пры архіве, прымаў меры па яго зберажэнні, вёў апрацоўку матэрыялаў. У 1955 г. ён напісаў працу, прысвечаную гісторыі Нясвіжскіх архіва і бібліятэкі [11]. Яна мела некалькі рэдакцый, пазнейшая з якіх называлася “З гісторыі Архіва Радзівілаў і каштоўнасць дакументальнага збора для польскай навукі” (1969 г.) [10; 9; 12]. Мэта яе заключалася ў раскрыцці важнасці гэтай часткі спадчыны княскага роду для навукі і культуры. Даная праца знаходзіцца ў падмурку гістарыяграфіі архіва і бібліятэкі Радзівілаў у Нясвіжы перыяду другой паловы XVIII – першай паловы XX стст. На жаль, яна засталася неапублікаванай і амаль не выкарыстоўваецца айчыннымі вучонымі. Разам з тым, як і іншыя часткі навуковай спадчыны архіварыуса, гэта даследаванне ўяўляе сабой цікавасць не толькі для архівазнаўцаў, генеолагаў, але і для музеёлагаў, мастацтвазнаўцаў і бібліятэказнаўцаў Беларусі. Так, напрыклад, частка асабістага архіва дзеяча, якая знаходзіцца ў складзе матэрыялаў Фундацыі А. Цеханавецкага пры архіве Каралеўскага замка ў Варшаве (Zamek Królewski w Warszawie, Archiwum, Fundacja ks. A. Ciecchanowieckiego, Zbiór B. Tauraginskiego), утрымлівае некалькі дзесяткаў даваенных фотаздымкаў партрэтаў Радзівілаў з нясвіжскай галерэі і аўтарскія малюнкi Б. Таўрагінскага – копіі тых жа партрэтаў. У яго спадчыне згадваюцца таксама працы, прысвечаныя прыдворным дзеячам мастацтва Радзівілаў («Dane archiwalne o artystach na dworze ks. Radziwiłłów XVI–XIX w.»). Для бібліятэказнаўцаў могуць быць карыснымі з навуковай кропкі гледжання матэрыялы згаданага даследавання Б. Таўрагінскага, у прыватнасці, спецыяльна прысвечаны Бібліятэцы Нясвіжскай ардынацыі асобны раздзел, а таксама дадаткі да працы, сярод якіх, напрыклад, змешчаны ўзоры экслібрысаў.

Сувязь працы Б. Таўрагінскага з навукай аб кнізе заключаецца яшчэ і ў наступным. Адна з істотных асаблівасцей яго даследавання – апісанне прыжыццёвых падзеяў гэтага чалавека перыяду нямецка-фашысцкай акупацыі Варшавы і пасля яе. Да працы прыкладзеныя таксама ў якасці дадатку арыгіналы афіцыйных паведамленняў улад, асабістая перапіска ўказанага перыяду. Фактычна гэта частка працы ўяўляе сабой самастойную гістарычную крыніцу – успаміны, што суправаджаюцца дакументальнымі сведчаннямі. Яна змяшчае цэлы шэраг важных звестак аб

розных аспектах жыцця архіварыуса ў азначаны час, аб яго прафесійнай дзейнасці ў надзвычайных умовах вайны, сведчанне вернасці справе, высокай адказнасці за збор у сітуацыі адсутнасці падтрымкі з боку саміх гаспадароў – Радзівілаў, дэманстрацыя ўсведамлення культурнай каштоўнасці архіва для народаў Еўропы. Акрамя архіва падчас і пасля Другой Сусветнай вайны Б. Таўрагінскі займаўся таксама пошукамі бібліятэкі Нясвіжскага замка (па яго даных на 1939 г. яна налічвала каля 20000 тамоў), вывезенай да вайны савецкімі ўладамі ў Мінск, а пазней у 1943 г. – нямецкімі акупантамі на Захад. Сярод матэрыялаў названай працы Б. Таўрагінскага маюцца важныя звесткі аб Нясвіжскай бібліятэцы ўказанага перыяду. Ніжэй публікуюцца фрагменты тэксту, якія закранаюць данае пытанне. Публікацыя выканана на аснове апошняй рэдакцыі працы – «З гісторыі Архіва Радзівілаў і каштоўнасць дакументальнага збора для польскай навукі» (Варшава, 1969 г.) [12, s. 74–76]. Пераклад з польскай мовы – аўтара артыкулу.

Фрагмент 1. «Частка рарытэтаў, што знаходзіліся ў Нясвіжскай бібліятэцы, эвакуяванай у Мінск у 1940 г., была выкрадзена адным нямецкім афіцэрам і прададзена часткова ў Варшаве, а часткова вывезена ў Рэйх. Так, 29 лістапада 1941 г. я атрымаў інфармацыю, што кнігі, якія паходзяць з Нясвіжскай бібліятэкі, знаходзяцца ў продажы ў Варшаве. Я распачаў пошукі па варшаўскіх антыкварыятах. У адным з іх, які трымалі пані Хамантоўская і Друцкая–Любецкая пад назвай фірмы “Крыяліна” на вітрыне ўбачыў кнігі, апраўленыя ў пергамін, якія паходзяць з Нясвіжскай бібліятэкі Радзівілаў. Я звярнуўся ў антыкварыят і высветліў, што гаспадары маюць вялікую колькасць гэтых кніг з экслібрысамі Радзівілаў. На маё пытанне “якім чынам кнігі аказаліся ў антыкварыяце” пані Друцкая–Любецкая паведаміла мне, што яны былі набытыя ў аднаго нямецкага афіцэра, які праяжджаючы праз Варшаву, прадаў ім некалькі дзесяткаў экзэмпляраў. З далейшага паведамлення пані Друцкай–Любецкай вынікала, што той жа афіцэр прапанаваў ёй яшчэ некалькі скрынь з кнігамі, што паходзілі з бібліятэкі Радзівілаў у Нясвіжы, якія былі ў яго ў машыне. Аднак здзелка не была заключана па прычыне адсутнасці сродкаў і Друцкая–Любецкая накіравала нямецкага афіцэра да Януша Радзівіла. Толькі гітлераўскі афіцэр не паехаў у Нябораў, а паехаў у Берлін. У той час па Варшаве хадзіла версія, што нямецкі ўрад камандыраваў у Мінск знаўцу рарытэтаў, які адабраў іх з Нясвіжскай бібліятэкі і пачаў распрадаваць у Варшаве. Ведаючы аб тым, што кіраўнік Архіўнага ўпраўлення ў Варшаве доктар Бюткус ездзіў у Мінск з мэтай агляду нясвіжскіх збораў і мачымага іх перамяшчэння ў Варшаву, я звярнуўся ў Архіўнае ўпраўленне і склаў пісьмовы рапарт аб кнігах з Нясвіжскай

бібліятэкі Радзівілаў, якія знаходзяцца ў продажы, і аб версіі, якая хадзіла па Варшаве. На наступны дзень мяне выклікалі ў гестапа і ў суправаджэнні гестапаўцаў мы накіраваліся да антыкварыяту Друцкай–Любецкай. У выніку – кнігі былі канфіскаваныя і перавезеныя да Архіва Радзівілаў у Варшаве на вул. Маршалкоўскай. У далейшым ходзе справы Архіўнае ўпраўленне распачало расследаванне з мэтай выкрыцця крадзежу кніг у Мінску. З гэтай мэтай былі зробленыя фотаздымкі пячатак і экслібрысаў Нясвіжскай бібліятэкі. Яны былі разасланыя да ўсіх антыкварыятаў Рэйху з загадам затрымання гітлераўскага афіцэра, які спрабаваў прадаць кнігі. Праз месяц афіцэр быў затрыманы. У яго ўдалося забраць некалькі дзесяткаў экзэмпляраў, а таксама троху рарытэтных прадметаў рыцарскага ўзбраення. Трэба адзначыць, што выканаўца крадзежу кніг у Мінску жадаючы знішчыць сляды паходжання кніг з радзівілаўскіх збораў, павышкрабаў экслібрысы. Пячаткі ж з надрукаваным тэкстам «Biblioteka Ordynacji Nieświeskiej» былі выпаленыя свечкай.

Вось такая калі сцісла гісторыя саракатысячнага кнігазбору Нясвіжскай бібліятэкі, якая старанна збіралася з XVI стагоддзя кожным чарговым нясвіжскім ардынатам. І на кнігазборы, як і на скарбніцы Радзівілаў, легла клятва Нібелунгаў і прарочыя словы, вымаўленыя на сваім перадсмяротным ложы князем “Пане Каханку”: «Будзе радзівілаўшчына – пазнішчаная, разыйдзецца–разцярушыцца і знікне». Гэта – спраўдзіліся.

Фрагмент 2. «Адна з частак Нясвіжскай бібліятэкі, якая знаходзілася ў Нясвіжскім замку на 1939 г., была вывезена гітлераўцамі [з Мінску ? – А.Л.] і апынулася ў Апольскай Сілезіі у маёнтку Козьле. 2 чэрвеня 1945 г. па загаду Сухадольскага, вярхоўнага дырэктара дзяржаўных архіваў, я быў камандыраваны ў маёнтак Хрусты з мэтай устанаўлення кантролю і магчымага вывазу гэтай бібліятэкі ў Чэнстахову. Па дарозе я заехаў у Катавіцы і звярнуўся ў ваяводзкі орган улады ў галіне Асветы з мэтай атрымання больш дакладных звестак аб нясвіжскім кнігазборы. Намеснік кіраўніка аддзела паінфармаваў мяне, што бібліятэка Радзівілаў знаходзіцца ў маёнтку Хрусты і савецкія ўлады на падставе пагаднення з Урадам Польшчы ў справе далучэння ўсходніх тэрыторый да СССР засведчылі аддзелу Асветы ваяводства, што гэтыя зборы належаць ім. Аднак 4 чэрвеня 1945 г. я ўсё ж накіраваўся ў маёнтак Козьле, каб на свае вочы ўбачыць стан спраў. У той жа дзень з намеснікамі старасты і земскімі інспектарам мы выехалі на аўтамабілі з Козьля ў маёнтак Хрусты. Па дарозе нам паведамілі, што савецкія войскі 3 чэрвеня 1945 г. пакінулі маёнтак Хрусты. Калі мы прыехалі ў маёнтак, то ўбачылі дагараючы

палац, у якім і знаходзіўся нясвіжскі кнігазбор. На прадмет гэтага мы склалі пратакол”.

Гісторыя Нясвіжскай бібліятэкі, нават на яе савецкім этапе, даследавана, на наш погляд, крайне недастаткова. Разам з тым, з улікам важнасці як архіўных, так і кніжных збораў Радзівілаў – ардынатаў нясвіжскіх для гісторыі і культуры Беларусі, яна мусіць выступаць адным з прыярытэтных накірункаў навуковай распрацоўкі айчыннага архіва- і бібліятэчнага. Асоба Б. Таўрагінскага, захоўваючы сваю контраверсійнасць у кантэксце нацыянальнай гісторыі, яго працы, успаміны, асабісты архіў займаюць адно з асноўных месцаў у базе крыніц такіх даследаванняў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Латушкін, А.М. Архіварыусы Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў у другой палове XVIII – першай палове XX ст. / А.М. Латушкін // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае: матэрыялы Др-й міжнар. навук.-прак. канф., прысв. памяці праф. У.У. Мелішкевіча, Брэст, 12 – 13 лістапада 2004 г. / Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна; рэд. А.М. Вабішэвіч [і інш.]. Брэст, 2006. С. 106–112.

2. Латушкін, А.М. Гісторыя польскай і беларускай частак Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў падчас Другой Сусветнай вайны / А.М. Латушкін // Содружество наук. Барановічы–2005: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей, Барановічы, 22 февраля 2005 г.: в 2 ч. / Баранов. госуд. ун-т; редкол.: В.И. Кочурко (гл. ред.) [и др.]. Барановічы, 2005. Ч. 1. С. 217–219.

3. Латушкін, А.М. Нясвіжскі архіў князёў Радзівілаў (1914–1941 гг.) / А.М. Латушкін // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / Гістарычны факультэт Беларус. дзярж. ун-та. Мінск, 2006. Вып. 1 С. 193–199.

4. Латушкін, А.М. Таўрагінскі (Туган–Таўрагінскі) Баляслаў / А.М. Латушкін // Архівісты Беларусі: Біябібліягр. давед. / Склад. С.У. Жумар, М.Ф. Шумейка; навук. рэд. У. І. Адамушка, В. У. Бірукова. Мінск: БелНДІДАС, 2006. С. 213–215.

5. Латушкін, А.М. Нясвіжскі архіў князёў Радзівілаў у канцы XVIII – першай палове XX стст.: дысертация на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук: 05.25.02: абаронена 29.11.07: зацверджана 06.02.08 (на правах рукапісу) / Андрэй Мікалаевіч Латушкін. Мінск, 2007. С. 291–294.

6. Латушкін, А.М. Архівісты Нясвіжскага архіва Радзівілаў (частка V, літары “С” – “Я”) / А.М. Латушкін // Архіварыус: Зб. навук. паведамл. і арт. Вып. 10. Мінск: БелНДІДАС, 2012. 296 с.

7. Латушкін, А.М. Новыя крыніцы па гісторыі дзейнасці архіварыусаў Архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў / А.М. Латушкін // Архіварыус. – Вып. 14. – 2016. – С. 375–380.

8. Латушкін, А.М. Таўрагінскі (Туган–Таўрагінскі) Баляслаў [1904–1974] / А.М. Латушкін // Архівісты Беларусі: Біябібліягр. давед. / склад. С.У. Жумар, М.Ф. Шумейка. Мінск: БелНДІДАС, 2020. С. 253–254.

9. AGAD. Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski. Dz. XXVII. Sygn. 143, Tuhan–Taurogiński, B. Z dziejów Archiwum Radziwiłłów oraz wartość zbiorów dla nauki polskiej, 1969 r.

10. AGAD. Spuścizne Adama Stebelskiego. Akta nie sygnowane, nr. tymczasowy 42. Tuhan–Taurogiński B. Przyczynek do historii Archiwum Radziwiłłów. Warszawa, 30.10.1957.

11. Biblioteka Narodowa w Warszawie, Rps. akc. 9067, część 1, Tuhan–Taurogiński B. Geneza powstania Archiwum Radziwiłłów oraz wartość zbiorów dla nauki polskiej. Warszawa, 1955 r. – 96 s. Załącznik (машынапіс).
12. Biblioteka Narodowa w Warszawie, Rękopis 9067, część 2, Tuhan–Taurogiński B. Z dziejów Archiwum Radziwiłłów oraz wartość zbiorów dla nauki polskiej. Warszawa, 1969 r. – 110 s. (машынапіс).
13. Lewak, A. The Archives and Libraries of Warsaw during World WAR II, 1939–1945 / Adam Lewak, Anna M. Lipska, Irene M. Sokol // The Polish Review. Vol. 7, No. 2, Spring 1962. PP. 3–39.

ФОНД УНИВЕРСИТЕТА СТЕФАНА БАТОРИЯ В ЛИТОВСКОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ: МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ БЕЛАРУСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА УНИВЕРСИТЕТА

Мостыка А. И.

*Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь, mastyka@gmail.com*

В статье рассматриваются материалы фонда 175, которые хранятся в архиве Университета Стефана Батория, Литовского центрального государственного архива, с целью выявления архивных дел, касающихся белорусского студенческого сообщества этого университета. Архивные материалы, предоставленные в статье, отображают: деятельность университета с перспективы реализации администрацией ВУЗа национальной и культурной политики применительно к белорусским студентам и их организациям; деятельность и историю существования белорусских студенческих организаций в Виленском университете. Также выявленный комплекс документов, хранящие персональные данные студентов–белорусов, которые позволяют исследовать их этническое и социальное происхождение.

Ключевые слова: Университет Стефана Батория, белорусские студенческие организации, Литовский центральный государственный архив, Вильно, Западная Беларусь.

THE FUND OF STEFAN BATORY UNIVERSITY IN THE LITHUANIAN CENTRAL STATE ARCHIVE: MATERIALS RELATING TO THE BELARUSIAN STUDENT COMMUNITY OF THE UNIVERSITY

A.I. Mastyka

*National Institute for Higher Education,
Moskovskaya str. 15, Minsk 220007, Belarus, mastyka@gmail.com.*

The article considers the fund 175 of the Lithuanian Central State Archive, which stores the archive of the University of Stefan Batory in Vilnius 1919–1939. The purpose of the article is to recognize archival files that relate to Belarusian issues in the history of the university. Archival materials, which are provided in the article, reflect: the activities of the university from the perspective of the implementation by the administration of the university of national and cultural policy in relation to Belarusian students groups; activities and history of the existence of Belarusian student organizations at the university. Also, the author revealed a selection of documents that contain personal data of Belarusian students, that allow to research of the ethnical composition and social origin of the students of Vilnius University.

Key words: University of Stefan Batory in Vilnius, Belarusian student organizations, Lithuanian Central State Archive, Vilnius, Western Belarus.

Университет Стефана Батория (УСБ) в Вильно был открыт в октябре 1919 г. и, как единственная высшая школа на тот момент в регионе, вскоре стал местом притяжения студенческой молодежи из разных уголков

Западной Беларуси. В 1921 г., в стенах УСБ собралось достаточное количество белорусской студенческой молодёжи для того, чтобы организовать свое национальное объединение – Белорусский студенческий союз. Важным источником для исследования белорусского студенческого сообщества УСБ является архив этого университета, который храниться в фонде № 175 Литовского центрального государственного архива (ЛЦГА). Фонд содержит 15 описей, включающих 19 866 единиц хранения. Основной язык документации – польский, отдельные документы встречаются на русском, литовском, белорусском и т.д. языках. Документы фонда датируются в хронологических границах от 1918 по 1940 гг. Стоит отметить, что работа университета проявлялась в очень разнообразных сферах: академической, хозяйственной, административной, образовательной и пр.

Из огромного комплекса документальных свидетельств, зафиксировавших деятельность университета за всё межвоенное десятилетие, необходимые для нашей работы материалы можно разделить на следующие три группы:

1) Документы, отражающие деятельность университета с перспективы реализации администрацией УСБ политики в отношении белорусских студенческих организаций и студентов–белорусов.

2) Материалы по делам белорусских студенческих организаций при УСБ.

3) Документы, содержащие персональные данные студентов–белорусов.

К первой группе относится широкий спектр материалов канцелярии УСБ: протоколы заседаний различных конференций, комиссий, собраний. В первую очередь нас интересовали заседания ректората по вопросам принятия новых уставов "Об академических школах", рассмотрения статуты белорусских студенческих организаций, студенческих волнений на национальной почве и т.д. Также в нашем случае представляют интерес протоколы дисциплинарных комиссий по делам отдельных организаций и студентов, расследования последствий студенческих волнений, академических судов и т.п. Важными с точки зрения проводимой политики в отношении нацменьшинств являются результаты деятельности стипендиальных комиссий. Весь перечень документов помещается в собрании материалов канцелярии УСБ [1].

Ко второй группе относятся материалы делопроизводства студенческих организаций, документы, которые регламентировали работу организаций, доклады, составленные на основе отчетности студенческих товариществ. Они представлены как в виде отдельных дел конкретных

студенческих организаций [2], так и виде общих собраний материалов по работе студенческих товариществ, классифицируемых в зависимости от направления деятельности: от научных кружков по определённым дисциплинам [3,4] до спортивных объединений [5]. Данные материалы делопроизводства студенческих организаций включают в себя: документы, регламентирующие их деятельность, списки личного состава и руководства организаций, протоколы заседаний общих собраний и выборов, документы, связанные с проведением различных официальных мероприятий, переписку и обращения к администрации.

Белорусскими организациями, которые действовали в УСБ в период с 1919 по 1939 гг., являлись: Белорусский студенческий союз (БСС), Товарищество приятелей белорусоведения, Студенческая корпорация "Скориния", Белорусское студенческое товарищество имени Ф. Скорины, Белорусское студенческое краеведческое товарищество, Союз студентов–народников имени Ф. Богушевича. В материалах 175 фонда ЦДАЛ документы, непосредственно относящиеся к деятельности этих организаций, размещены в следующих делах.

Дело организации «Белорусский студенческий союз» (1933/34–1939 гг.) [2], 95 страниц. Основное содержание дела: списки членов организации, сведения о выборах в руководство БСС и информация о новом составе правления, статут БСС и его варианты, финансовые отчеты БСС, отчеты по деятельности организации, эскизы символики БСС (наброски фуражки и банды), прошения к ректору о проведении культурных мероприятий, собраний, концертов, вечеринок, и прошение разрешения на пользование помещений университета для этих целей, планы и программы проведения мероприятий, обращение к сенату о назначении куратора для БСС и т.д.

Делопроизводство Товарищества приятелей белорусоведения (ТПБ) [6] предоставлено за период 1933–1939 гг., 83 страницы. Содержание данного дела следующий: прошение к сенату об утверждении статута организации с приложенным списком членов товарищества, статут ТПБ, списки членов ТПБ за разные годы, сведения о перевыборах правления БСС и о новом составе правления, перечень докладывал, которые читались во время научных собраний ТПБ, отчеты по деятельности ТПБ, «Опросник для собора диалектических и некоторых общих особенностей белорусского (кривицкого) языка» Я. Станкевича изданный в 1935 г. в Вильно благодаря усилиям ТПБ, разнообразные прошения к ректору (о проведении собраний и заседаний, об получения в бесплатное пользование помещения для нужд ТПБ).

Дело Белорусского студенческого товарищества имени Ф. Скорины (БСТ) [7], охватывает 1934–1936 гг., всего 18 страниц. Тут предоставлены следующие документы: прошение к сенату об утверждении статута БСТ с приложенным списком членов товарищества, прошения и заявления к ректору по вопросам деятельности организации.

Материалы по деятельности студенческих организаций находятся и в сборе документов под названием «Общие дела студенческих товариществ» [8,9]. Из названия вытекает, что тут собраны общие документы, касающиеся деятельности всех студенческих организаций УСБ. К деятельности белорусских товариществ из этого перечня дел относятся: прошение к ректору УСБ о регистрации новообразованной организации «Белорусское студенческое краеведческое товарищество (БСКТ)» [8, л.314], статут БСКТ, а также прошение к ректору о регистрации «Союза студентов–народников имени Ф. Богушевича» и утверждении его статута, сам статут Союза, и приказ ректора об упразднении этой организации за неисполнение условий, прописанных в статуте и отсутствие отчетов от организации.

Деятельность белорусских студенческих организаций описывается и в документах дела «Товарищества идейно–воспитательные» (1935–1937 гг.) [10]. Это перечень различных информационных листов и объявлений об организованных культурных мероприятиях, лекциях, вечеринках, концертах, празднованиях, которые организовывались членами БСС.

Информация, описывающую деятельность корпорации «Скориния», находятся в сборе материалов, объединяющих документы со сведениями о студенческих корпорациях [11]. Среди документов этой организации можно выделить: проект статута корпорации, протоколы заседания правления организации, протоколы избирательной комиссии о выборах правления корпорации, отчеты по деятельности за отдельные годы, отчет о финансовом контроле и т.д.

Отдельно выделяется такая категория документов как «Отчетность по делам студенческих объединений и организаций материальной взаимопомощи студенческой молодёжи» [12]. Эти материалы представляют собой анализ и оценку руководством УСБ деятельности студенческих организаций на основе их отчетности за учебный год. Данная аналитическая записка предназначалась для нужд министерства образования, её составление было введено положением 1933 г. Важность данных материалов в том, что здесь была представлена не только оценка работы конкретных товариществ с точки зрения администрации УСБ, но и рассматривалась ситуация в целом: учитывались настроения, тенденции в

студенческой среде. В данном случае интерес представляют и сами категории, в которых руководство оценивает деятельность, в нашем случае, белорусских организаций.

К третьей группе материалов архива УСБ, используемой в нашей работе, относятся персональные данные белорусских студентов, которые можно обозначить как личные дела студентов: автобиографии, анкеты, личные заявления и обращения к руководству и т.д. Для примера можно привести личное дело студента факультета права Леонида Голяка [13]. Данные материалы применялись нами для определения социального происхождения студентов, так как здесь в большинстве случаев указывалась профессиональная занятость родителей студентов. Подобную информацию можно почерпнуть и из автобиографий студентов. В отдельных случаях сохранились материалы выпускных экзаменационных и дипломных комиссий, как и сами результаты экзаменационных испытаний, так и дипломные работы. Как, например, в случае персонального дела студентки гуманитарного факультета Коткович Анели [14]. Эта информация также позволяет судить об определенной направленности научного интереса белорусских студентов.

Обзор документов 175-го фонда ЦГАЛ дает нам возможность утверждать, что эти материалы являются основанием для проведения широкого комплекса исследований по истории Виленского университета имени Стефана Батория (1919–1939). Одним из очевидных и перспективных направлений исследования может стать изучение белорусского студенческого сообщества УСБ и проявлений ее активности – студенческих объединений и товариществ. Проведенный нами предварительный анализ фонда 175 демонстрирует наличие материалов, которые являются необходимым источником для изучения этой темы.

Библиографические ссылки

1. Литовский центральный государственный архив (ЛЦГА). – Ф.175. – Оп. 1.
2. ЛЦГА. – Ф.175. – Оп. 15. – Ед.хр. 58.
3. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 1. – Ед.хр. IA559.
4. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 1. – Ед.хр. IA563.
5. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 1. – Ед.хр. IA575.
6. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 15. – Ед.хр. 7.
7. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 15. – Ед.хр. 14.
8. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 1. – Ед.хр. IA557.
9. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 1. – Ед.хр. IA558.
10. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 1. – Ед.хр. IA571.
11. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 1. – Ед.хр. IA431.
12. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 15. – Ед.хр. 33.

13. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 2. – Ед.хр. VІСа1863.
14. ЛЦГА. – Ф. 175. – Оп. 5. – Ед.хр. ІVСа 188.

**АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ФОНДА 1112 НАРБ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ
БАЗА О ПОСЛЕВОЕННОМ ПЕРИОДЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЛУХОНЕМЫХ
(1944 – 1946 гг.)**

В.Ф. Мелеховец

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, vlfdml@gmail.com*

В отечественной историографии послевоенный период деятельности объединения не нашел своего отражения. Имеются только эпизодические сведения в отмеченное время, отраженные в справочных материалах. Утерянные материалы фонда 1112 НАРБ о деятельности Белорусского общества глухих в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют о проблеме, которая приобретает актуальность: в настоящее время обнаруживаются документы, свидетельствующие о послевоенном периоде. Данная статья, материал которой базируется на архивных источниках, впервые вводимых в научный оборот, восполнит пробел в исторической науке. Вместе с тем в статье отражен период возобновления деятельности «Белорусского объединения глухонемых» (1944 – 1946 гг.), который явился в истории социума глухих Беларуси важным этапом, способствовавшим за кратчайшие сроки в условиях послевоенного времени выводу всех структурных подразделений и направлений деятельности общественной организации на довоенный уровень к началу 1947 г. Со стороны правительства была оказана значительная финансовая помощь в восстановлении хозяйственной деятельности «Белорусского объединения глухонемых».

Ключевые слова: Белорусское общество глухих (БелОГ), члены БелОГ, инвалиды по слуху, Центральное правление (ЦП), учебно–производственные предприятия, учебно–производственные мастерские, трудоустройство, восстановление, Великая Отечественная война.

**ARCHIVAL SOURCES FUND 1112 NARB AS THE MOST IMPORTANT
INFORMATION BASE ABOUT THE POST-WAR PERIOD OF
RESTORING
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF THE DEAF (1944 - 1946)**

V. F. Melekhovets

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
street, Sovetskaya, 18, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: V. F. Melekhovets (vlfdml@gmail.com)*

In Russian historiography, the post-war period of the association's activity was not reflected. There is only anecdotal information at the time marked, reflected in the reference materials. The lost materials of the 1112 NARB fund on the activities of the Belarusian Society of the Deaf during the Great Patriotic War testify to a problem that is gaining relevance: now, documents are being discovered that testify to the post-war period. This article, the material of which is based on archival sources introduced into scientific circulation

for the first time, will fill the gap in historical science. At the same time, the article reflects the period of the resumption of the activities of the "Belarusian Association of the Deaf and Dumb" (1944 - 1946), which was an important stage in the history of the society of the deaf in Belarus that contributed to the withdrawal of all structural divisions and activities of the public organization in the shortest possible time in the post-war conditions the pre-war level by the beginning of 1947. The government provided significant financial assistance in restoring the economic activities of the "Belarusian Association of the Deaf and Dumb".

Key words: Belarusian Society of the Deaf (BelOG), BelOG members, hearing impaired, Central Board (CP), training and production enterprises, training and production workshops, employment, recovery, home front worker, war veteran, World War II.

Созданное на основании постановления СНК БССР от 3 августа 1931 г. Белорусское объединение глухонемых (БелОГ) в соответствии с Постановлением СНК БССР от 18 января 1944 г. №46 возобновило свою деятельность [1]. До начала Великой Отечественной войны «Белорусское объединение глухонемых» почти во всех областях располагало значительным учебно–производственным потенциалом, имело благоустроенные клубы, общежития, стационарные киноустановки, библиотеки. В Минске, Гомеле, Витебске были построены учебно–производственные мастерские, в которых обучались производственным специальностям около 500 чел. План по выпуску товарной продукции по предприятиям БелОГ к началу войны составлял 3 млн руб.

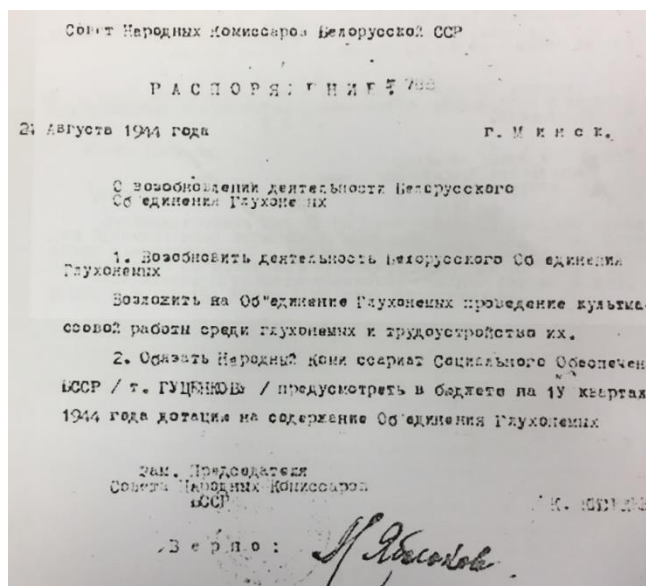

рис. 1 Распоряжение №788 от 24 августа 1944 г. «О возобновлении деятельности Белорусского общества глухих»

В ходе военных действий в 1941–1944 гг. были полностью уничтожены все учебно–производственные предприятия, учреждения культурного и жилищного назначения. В архивных документах приводятся

краткие сведения о том, что только лишь по одним производственным предприятиям убытки от разрушения достигли 3 млн руб. [1, л. 59].

К 1944 г. в республике не сохранилось ни одного клуба, ни одного предприятия, всё имущество, оборудование, силовые установки и т.д. были вывезены немецко-фашистскими оккупантами в Германию, либо уничтожены [1, л. 59].

В фондах НАРБ отсутствуют сведения об эвакуации членов Оргбюро «Белорусского общества глухонемых». Мы находим лишь некоторые сведения о том, что директор Минского комбината Тризно, председатель Барановического областного отдела Кондратьев (инициалы в архивных источниках отсутствуют) с первых дней добровольно ушли на фронт, 8 чел. из числа глухих принимали непосредственное участие в партизанском движении на оккупированной территории [2, л. 36].

По мере освобождения территории Беларуси первоочередной задачей являлось восстановление организационной структуры объединения. Поэтому 18 января 1944 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров БССР «Об организации областных отделов «Белорусского объединения глухонемых». С целью повышения работы среди глухих по их трудоустройству, ликвидации безграмотности, укрепления руководства низовыми организациями общества, Совет Народных Комиссаров БССР поручил Наркомсобесу БССР организовать во всех областях БССР областные отделы «Белорусского объединения глухонемых» [1, л. 1].

Большинство рядовых членов объединения в первые дни войны эвакуировалось в тыл и работали на военных заводах до полной победы над врагом. Многие из них награждены «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [2, л. 36].

Среди инвалидов по слуху за активное участие в Великой Отечественной войне 19 чел. получили правительственные награды, из них 8 чел. награждены медалями «Партизану Отечественной войны» [2, л. 36].

В предисловии к описи №2 фонда 2111 Национального архива Республики Беларусь указывается, что после научных исследований, проведённых сотрудниками архива, установлено, что с 28 марта 1944 г. «Белорусское объединение глухонемых» подчинялось НКСО БССР (источник отсутствует).

24 августа 1944 г. выходит распоряжение Совета Народных Комиссаров БССР «О возобновлении деятельности «Белорусского объединения глухонемых» [1, л. 58], один из важнейших документов

правительства, что позволило создать механизм реализации стратегии возобновления деятельности общественной организации.

Протокол №1 общего собрания глухих рабочих протезного завода НКСО БССР и неработающих глухих от 19 декабря 1944 г. свидетельствует о том, что был заслушан доклад заместителя НКСО БССР Корпусенко (в архивных источниках инициалы отсутствуют) «Об участии глухонемых в восстановлении народного хозяйства БССР», который подробно остановился на задачах восстановления народного хозяйства БССР, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками. На собрании присутствовали 24 чел. из числа глухих, в том числе неработающие: обувщик, портной, слесарь и т.п. Собрание постановило обязать Оргбюро принять меры по трудоустройству неработающих глухих и поставить вопрос в горсовете о выделении помещения для клуба [2, л. 58]. Правительство понимало важность поставленной задачи трудоустройства глухих, недопущения безработницы из числа инвалидов по слуху и прилагало усилия для решения этой проблемы при тесном взаимодействии с «Белорусским объединением глухонемых».

Руководствуясь принятыми постановлением и распоряжением Совета Народных Комиссаров БССР, был издан приказ №12 по Народному Комиссариату социального обеспечения БССР от 10 января 1945 г., по которому был утвержден состав оргбюро Минского областного отдела «Белорусского объединения глухонемых», в который вошли председатель Романчик В.А. и члены Мойсейчикова П.И. и Ситниченко В. (отчество отсутствует в архивных источниках). Приказом №17 по Народному Комиссариату социального обеспечения БССР от 15 января 1945 г. был утверждён состав оргбюро «Белорусского объединения глухонемых» в количестве 5 чел.: председатель – Романчик В.А., члены – Брандобовский С.С., Яблокова М.В., Литвинов В.В., Вайнер Н. (отчество отсутствует). Следует заметить, что состав оргбюро обновился, за исключением Романчика В.А. Яблоковой М.В. и Литвинова В.В. [1, л. 59].

Этим же приказом НКСО БССР секретарь Гособеспечения инвалидов Великой Отечественной войны Яблокова М.В. была откомандирована на должность секретаря-переводчика БелОГ, владевшая в совершенстве жестовым языком [2, л. 61]. Под её руководством осуществлялись курсы подготовки переводчиков, организационно-массовая и политвоспитательная работа. Это был период, когда особенно остро испытывался недостаток специалистов, связанных с осуществлением перевода на жестовый язык.

15 января 1945 г. НКСО БССР дал указание оргбюро в ближайшее время разработать Устав и Положение о «Белорусском объединении

глухонемых». Уставные документы объединения были утверждены 11 апреля 1945 г. [1, л. 59].

Этим же распоряжением от оргбюро требовалось принимать неотложные меры по восстановлению областных отделов. Также указывалось на необходимость проведения учёта и трудоустройства оглохших инвалидов Великой Отечественной войны и охвата учёбой глухих детей [1, л. 59].

Протоколом №1 от 23 января 1945 г. заседания оргбюро БелОГ были распределены обязанности его членов. Общее руководство возлагалось на Романчика В.А., инструктаж и руководство по линии НКСО БССР – на Брандобовского С.С., а Яблоковой М.В. и Литвинову В.В. – культмассовое и военно–оборонительное руководство [2, л. 4].

К 1 января 1945 г. была возобновлена деятельность Минского, Витебского, Гомельского, Могилёвского, Бобруйского и Барановического областных отделов, Оршанского и Борисовского районно–городских отделов [2, л. 36]. Протоколом №1 от 14 февраля 1946 г. на заседании Оргбюро «Белорусского объединения глухонемых» при НКСО БССР было принято решение о возобновлении деятельности Витебского областного отдела глухонемых [2, л. 26 – 27].

Вместе с тем, благодаря государственной поддержке, к концу 1946 г. было закончено строительство и капитальное восстановление зданий клубов, учебно–производственных мастерских и общежитий в Бобруйске, Могилёве, Борисове, заканчивалось капитальное восстановление двух домов и складских помещений в Барановичах. Общая сумма по строительству и капитальному ремонту зданий, в том числе клубов, общежитий и учебно–производственных мастерских, составляла 140 тыс. руб. [2, л. 36].

На 1947 г. было запланировано восстановить Гомельский комбинат глухонемых сметной стоимостью в 91 тыс. руб. и построить здания для учебно–производственных мастерских в Витебске и Минске. [2, л. 36].

В областях, где возобновлена деятельность областных отделов, по состоянию на 20 июня 1946 г., было учтено 1696 чел. глухих и оглохших, среди них 52 чел. военнооглохших инвалидов Великой Отечественной войны [2, л. 37], что свидетельствует о сложностях организационной работы в первые послевоенные годы, обусловленных некоторыми причинами, в том числе отсутствием общественного транспорта, особенно в сельской местности, куда приходилось много километров добираться пешим ходом от сельсовета к сельсовету, чтобы не только решить вопрос с постановкой на учёт, но и трудоустроить глухих. Отдельным списком учитывались дети, нуждающиеся в специальном образовании.

*рис.2 Разрушенное здание Витебской учебно–производственной мастерской
(снимок 1946 г.)*

Одной из важнейших задач в деятельности объединения являлось трудоустройство членов организации. Протокол №2 от 2 февраля 1945 г. заседания Минского областного отдела «О неработающих глухонемых г. Минска» [2, л. 5] обязывал усилить работу с глухими. Ссылаясь на указания Народного комиссара социального обеспечения БССР Гуценковой Е.Т., уклоняющихся от трудовой деятельности рекомендовалось привлечь к ответственности.

Архивные источники свидетельствуют, что многие глухие уклонялись от работы, занимались кустарничеством на дому и т.д. «Белорусское объединение глухонемых» первоначально не смогло решить данную проблему, так как отсутствовали необходимые условия для привлечения всех к трудовой занятости [2, л. 10]. В г. Минске проживало свыше 150 чел. из числа нетрудоустроенных глухих, отсутствовали клуб, вечерняя школа [2, л. 48].

В I квартале 1946 г. из общего количества состоящих на учёте 1696 глухих было трудоустроено 787 чел., в том числе военнооглохших 12 чел. Из них: в госпромышленности – 151 чел., в учебно–производственные мастерские БелОГ – 62 чел., в кооперации инвалидов – 114 чел., в колхозах и индивидуальном секторе – 384 чел., в прочих предприятиях и учреждениях – 76 чел. [2, л. 37].

В тяжелых условиях послевоенного времени в соответствии с планом на 1946 г. в I–ом квартале должны быть открыты 5 учебно–производственных мастерских, а фактически в строй вступили только 2 учебно–производственные мастерские: Борисовская швейно–обувная с количеством 60 чел. и Бобруйская обувная – 50 чел. Планировалось сдать в эксплуатацию Барановическую обувную и Могилёвскую швейную учебно–производственные мастерские, производственные мощности которых были рассчитаны на выпуск товарной продукции на сумму 675 тыс. руб.

Производственный план по действующим предприятиям Минска был выполнен только на 82,7%. Невыполнение плана обусловлено прежде всего отсутствием оперативности и ослаблением ответственности [2, л. 38].

Правительством БССР уделялось особое внимание созданию условий для производственного обучения глухих, и в особенности, оглохших и онемевших инвалидов Великой Отечественной войны, с этой целью вышло тогда Распоряжение №788 СНКСО БССР от 4 августа 1944 г. Опираясь на данный документ расширилась производственная сеть объединения по республике. Решением №955 от 20 сентября 1946 г. Исполнительного комитета Витебского областного Совета депутатов трудящихся в г. Орше была организована обувно–переплётная учебно–производственная мастерская с количеством 18 чел. рабочих и 7 учеников с производственным планом до конца 1946 г. на сумму 35 тыс. руб., в Витебске бригада переплётчиков в количестве 10 чел. по обслуживанию предприятий и учреждений города. [4, л. 25].

Оргбюро БелОГ, проанализировав итоги проделанной работы за 1945 г. и за I квартал 1946 г., и разработав очередные задачи, приняло решение созвать Республиканское совещание руководящих работников объединения в Минске с 20 по 22 июня 1946 г. На совещании присутствовали представители Совета Народных Комиссаров БССР и Народного Комиссариата социального обеспечения БССР [1, л. 59]. Это свидетельствовало о том, что деятельность БелОГ находилась на контроле правительства республики. Государство придавало важное значение не только финансовой, но и организационной помощи в возобновлении деятельности «Белорусского объединения глухонемых» по социальной адаптации лиц с нарушением слуха, когда испытывался острый дефицит трудовых ресурсов для восстановления производства.

На совещании резкой критике подверглась деятельность руководящих работников областных отделов объединения. Так, отмечалось, что ни один из председателей областных отделов не выезжал в крупные города, находящиеся в их подчинении – Слуцк, Быхов, Лиду, Новогрудк, Волковыск, где до войны были районные и городские отделы. Информацией о том, как обстоят там дела, не располагали [2, л. 39]. Практически не был произведён учёт инвалидов Великой Отечественной войны. В Оргбюро объединения поступили лишь сведения от Брестского облсобеса [2, л. 37]. Отдельные руководители сознательно игнорировали соцсоревнование, не изучали планов, являющихся программой для руководства, не обеспечивали контроль за движением сырья, материалов и т.д. [2, л. 38].

На совещании отмечалась слабость организационно–массовой работы всех структурных подразделений объединения. В республике имелось только 4 клуба и красных уголка, в которых отсутствовала плановость в проведении политвоспитательной, культмассовой, оборонной, физкультурной работы и художественной самодеятельности, пользовавшихся до войны среди членов объединения большим успехом [2, л. 39].

Проблема образования лиц с нарушением слуха практически не решалась, так как вечерние школы по ликвидации безграмотности и малограмотности среди взрослых не были открыты, практически не проводились профилактические мероприятия, за исключением только одного слёта в Столбцовском районе Барановической области [2, л. 39].

Руководство областных отделов слабо осуществляло контроль за деятельностью городских и районных подразделений. В связи с чем были освобождены от занимаемой должности некоторые руководители, например, Гуфельд И.С. (председатель Бобруйского областного отдела), который стоял у истоков образования БелОГ, являясь до войны членом его Оргбюро [2, л. 48].

Совещание приняло решение закончить учёт глухих и оглохших по всем областям, где была возобновлена деятельность областных отделов к 1 ноября 1946 г. и завершить перерегистрацию членов БелОГ, в том числе обмен членских билетов до 1 августа 1946 г. [2, л. 49].

Республиканское совещание 20–22 июня 1946 г. поставило одну из главных задач, направленных на всемерное развёртывание уже созданных предприятий и открытие новых, добиться довоенного уровня производства к началу 1947 г. [2, л. 39].

Одним из важнейших стратегических документов правительства в послевоенный период восстановления народного хозяйства, подписанным Председателем Совета Министров СССР И.В. Сталиным – Постановление №1326 Совета Министров СССР от 25 апреля 1947 г. «О типовых штатах учебно–производственных предприятий и общежитий обществ слепых и глухих», которое позволяло осуществлять и утверждать штаты административно–хозяйственного персонала учебно–производственных предприятий и общежитий объединений (обществ) глухих и слепых и организацию учебно–производственных предприятий и общежитий с согласия Министерств соцобеспечения союзных республик. Должностные оклады директорам и заместителям учебно–производственных предприятий объединений (обществ) глухих и слепых устанавливать в соответствии с распоряжениями СНК СССР №16480–р от 11 августа 1944 г. и №11109–р от 21 июля 1945 г. [3, л. 25, 28, 30]. Постановление явилось

мощным импульсом, направленным на ускорение дальнейшего восстановления и развития «Белорусского объединения глухонемых». Правительством СССР учитывался тот факт, что процесс восстановления союзных объединений (обществ) глухонемых позволил за кратчайшие сроки достигнуть довоенного времени по основным показателям деятельности и включиться в общий механизм восстановления народного хозяйства страны – выполнения пятилетнего плана.

Коллегия Министерства социального обеспечения БССР (НКСО БССР переименован), состоявшаяся 16 сентября 1947 г., заслушала доклад председателя Оргбюро объединения Романчика В.А. и рассмотрела материалы проверки хозяйственной деятельности БелОГ. В постановлении Минсоцобеспечения отмечено, что в начале 1947 г. проделана значительная работа по организационному укреплению и восстановлению учебно–производственных мастерских учебно–производственных предприятий объединения в Минске, Гомеле, Бобруйске и т.д. Объём производственного плана в 1947 г. выполнен на 86,3 %, то есть значительно улучшен показатель по сравнению с 1946 г. Минская швейно–обувная мастерская годовой план выполнила досрочно [3, л. 45]. Учитывая высокий производственный показатель, Романчик В.А. в письме №328 от 18 октября 1947 г. обратился в Минсоцобеспечение БССР с просьбой наградить переходящим Красным Знаменем Минскую учебно–производственную мастерскую и выделить денежную премию в размере 3500 руб. [3, л. 64]. Минская УПМ начала производственную деятельность в марте 1947 г., а годовой план выполнила 23 сентября 1947 г. Следует заметить, что для выполнения годового плана к 7 ноября 1947 г. имелись все возможности в Могилёвской, Бобруйской и Оршанской учебно–производственных мастерских, которые с честью выполняли принятые соцобязательства [4, л. 20]. По итогам соцсоревнования Борисовская швейно–обувная учебно–производственная мастерская заняла II место [4, л. 25].

Годовой план Минская учебно–производственная мастерская выполнила на 119%, Могилёвская – 81, 7%, Борисовская – 82%, Бобруйская – 63%, Барановичская – 70%, Оршанская – 81,2%. [4, л. 20]. Высокий рост производительности труда по основным отраслям производства (швейное, обувное) достигнут в результате полной загрузки рабочего дня, учебно–производственные мастерские были своевременно обеспечены сырьём [4, л. 21].

Выполняя указания Коммунистической партии и советского правительства о всемерном увеличении товаров широкого потребления, в 1947 г. были открыты новые швейные, обувные и переплётные цеха в

Барановической, Бобруйской и Могилёвской учебно–производственных мастерских [4, л. 19]. По состоянию на 1 октября 1947 г. действовало 6 учебно–производственных мастерских с общим количеством производственного персонала 201 чел., что меньше, чем было предусмотренных планом – 296 чел. [4, л. 20].

В ответ на обращение Ленинградских учебно–производственных мастерских были заключены социалистические договора на достойную встречу 30–ой годовщины Великой октябрьской социалистической революции [4, л. 19]. Ленинградцы сохранили дружеские довоенные отношения с БелОГ, приняв участие в работе II съезда БелОГ, проходивший состоялся с 10 по 13 апреля 1934 г. Тогда они оказывали объединению практическую помощь, делились своим опытом.

Активизировалась работа по увеличению количественного состава членов БелОГ. Так, на 1 январь 1947 г. на учёте состояло 2612 чел. глухих и оглохших, в том числе 64 чел. военно–оглохших, через полгода 1 июля 1947 г., числилось 3248 чел. глухих и оглохших, в т.ч. 75 чел. военно–оглохших. Из общего числа было трудоустроено 2314 чел., а из числа военно–оглохших – 52 чел. [4, л. 19].

По данным на 16 октябрь 1947 г., при областных и районно–городских отделах было организовано 5 ликбезов, в которых обучалось 82 чел. взрослых глухих из числа неграмотных и малограмотных. Полностью были охвачены учёбой глухие дети школьного возраста [4, л. 19].

С начала возобновления деятельности БелОГ после Великой Отечественной войны объединение располагало средствами, достигнутыми довоенного времени 530 тыс. руб. Они были использованы на строительство, финансирование областных отделов, в том числе в качестве оборотных средств учебно–производственных мастерских [4, л. 21].

Основная масса глухих и оглохших была трудоустроена в социалистическом секторе и принимала активное участие в общественной жизни объединения. Глухие принимали непосредственное участие в проведении важнейших политических мероприятий страны – выборах в Верховный Совет СССР и БССР, в подписке облигаций Государственного займа [4, л. 20].

Однако, среди имеющихся недостатков, по–прежнему отсутствовал точный учёт глухих по районам республики [3, л. 45], неудовлетворительно была поставлена воспитательная и культурно–массовая работа. Из предусмотренных средств (355 тыс. руб.) на капиталовложение было освоено лишь 74 тыс. руб. [3, л. 46].

В связи с этим Коллегия Минсоцобеспечения БССР обязала Оргбюро БелОГ при создании предприятий внедрять новые виды производства товаров народного потребления. Кроме имеющихся специальностей по обувному и швейному производству, необходимо было осуществлять обучение глухих новым специальностям для слесарного, токарного и деревообрабатывающего производств. Оргбюро обязано было подготовить и провести очередной съезд БелОГ в 1948 г. на демократическом уровне [3, л. 46]. В постановлении Минсоцобеспечения БССР указывалось на необходимость усиления контроля за хозяйственной деятельностью учебно–производственных мастерских и обеспечения в 1948 г. каждой мастерской объединения общежитием [3, л. 47].

Следует заметить, что в 1947 г. деятельность «Белорусского объединения глухонемых» в основном была восстановлена. Завершалось возобновление структурных подразделений, увеличивалась численность зарегистрированных членов БелОГ, продолжалось расширение и восстановление производственного и социокультурного сектора, возросли темпы производственной деятельности, которые опередили показатели довоенного периода.

Заключение. Таким образом, архивные источники Национального архива Республики Беларусь являются важной информационной базой, позволяющей реконструировать процесс восстановления организационной структуры Белорусского объединения глухонемых в послевоенный период (1944 – 1946 гг.), его производственной деятельности и работы по социальной адаптации лиц с нарушением слуха в первые послевоенные годы, впервые вводимых в научный оборот, что восполнит пробел в исторической науке.

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1112. Оп. 1. Д. 1.
2. НАРБ. – Ф. 1112. Оп. 1. Д. 2.
3. НАРБ. – Ф. 1112. Оп. 1. Д. 11.
4. НАРБ. – Ф. 1112. Оп. 1. Д. 14.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЙН НА ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

Л.П. Муромцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ломоносовский просп., 27, корп. 4. 119192, г. Москва, Россия,
muromtseva_mila@mail.ru*

В системе историко–культурной деятельности российской эмиграции одно из центральных мест занимают архивные учреждения: Русский заграничный исторический архив (РЗИА), Донской и Кубанский казачьи архивы и многие другие. Следует также сказать и о действовавших в межвоенные годы Украинском народном музее–архиве и Белорусском заграничном архиве. Белорусский заграничный архив был создан в Праге в 1928 г. при содействии МИД Чехословакии и помощи Рады Белорусской народной республики (БНР). В 1943 г. архив включил в свой состав часть документов двух президентов БНР П.Кречевского и В.Захарки. Драматическая судьба постигла весь архив. Местонахождение его неизвестно до сих пор.

Ключевые слова: эмиграция; историко–культурное наследие; архивы; Белорусский заграничный архив.

THE IMPACT OF REVOLUTION AND WARS ON CREATION OF RUSSIAN AND BELARUSIAN EMIGRATION ARCHIVES ABROAD

L.P. Muromtseva

*M.V.Lomonosov Moscow State University, Faculty of history, Chair of history of social movements and political parties. 27/4 Lomonosov avenue, 119192, Moscow, Russia
(muromtseva_mila@mail.ru).*

Archives (Russian foreign history archive, Don and Kuban Cossack archives and etc.) take of the most important places in the system of history and cultural activities of Russian emigration. It's necessary to mention Ukraine museum–archive and Byelorussian foreign archive which functioned in interwar years. The Belarusian foreign archive was created in 1928 in Prague in cooperation of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic and help of the Belarusian People Republic's (BPR) Rada. In 1943 the archive included a part of documents of two BPR presidents – P. Krechevsky and V. Zakharka. The whole Belarusian foreign archive had an unfortunate fate. Its location is still unknown.

Keywords: emigration; historical and cultural heritage; archives; Belarusian foreign archive.

Культурная и научно–информационная роль архивного дела прекрасно осознавалась эмигрантской интеллигенцией, в составе которой были видные представители российской исторической науки, в том числе архивисты, археографы, источниковеды. Архивным документам, отражавшим события периода революции и Гражданской войны в России 1917–1922 гг., лидеры российской эмиграции придавали особо важное общественно–политическое значение в идеологической борьбе с режимом

большевиков. Исторические документы должны были, по мысли создателей эмигрантских архивов, обеспечить в будущем воссоздание объективной картины этой трагической эпохи в отечественной истории, донести до потомков информацию о личностях и судьбах российских эмигрантов – политических деятелей, военных, ученых, творческой интеллигенции. «Необходимо собрать и сохранить все, что могло бы объяснить грядущим временам наше время, наше прошлое, – писал осенью 1936 г. один из руководителей Русского заграничного исторического архива в Праге Н.Н. Астров. – В революционной стихии мы не только побеждены, но мы и оклеветаны. Нужно накопить, нужно сберечь оправдательные материалы, нужно бороться против распыления материалов об ушедшей эпохе» [1]. С постепенным осознанием эмигрантами постоянства собственного пребывания за границей была выдвинута идея создания зарубежного архива всей российской эмиграции, который бы носил общекультурное, общеэмигрантское значение.

До Второй мировой войны российская эмиграция успела организовать несколько крупных общественных архивов (не считая документальных собраний организаций, которые находились в процессе комплектования, а также частных и семейных коллекций документов). В начале 1930-х гг. историк и архивист Б.Р. Брежго опубликовал обзор музеев и архивов российского зарубежья, где, в частности, отмечал: «Архивными материалами русская эмиграция значительно богаче, чем музейными предметами. Поэтому–то за рубежом и встречаем крупные и богатые по содержанию русские архивы. Известны десять более или менее значительных русских архивохранилищ, из коих в Чехословакии – пять, во Франции – четыре и одно в Германии» [2, с.7].

В Праге в 1920-е гг. существовали наиболее благоприятные условия для развития архивного строительства в рамках российской диаспоры. Появление образовательных и научных учреждений в Чехословакии создало предпосылки для возникновения русского архива как очень важной составной части научно–культурного российского эмигрантского центра. Русский заграничный исторический архив (РЗИА) был создан на основании постановления Комитета Земгора в Чехословакии в феврале 1923 г. Архив изначально поставил перед собой задачу «собирать, сохранять и обрабатывать материалы, относящиеся к положению русской эмиграции за границей, равно и событиям последних лет в России» [3, с.310–314)]. Однако вскоре поле его собирательских интересов было расширено, исходя из реального состава документальных памятников российской истории, находившихся за границей: в него вошли материалы

политической эмиграции XIX – начала XX вв., документы по истории Первой мировой войны и т.п.

Уже первые годы работы РЗИА «обнаружили жизненный успех этого учреждения и мировое значение его фондов» [4].

На 1 января 1931 г. в собрании архива числилось 650 наименований рукописей, около 852 тысяч листов документальных материалов, более 45500 номеров журналов и 3644862 номера газет, а также библиотека.

В 1930–е гг. архив продолжал пополняться фондами эмигрантских организаций; в 1938 г. архив имел 1500 корреспондентов в 44 странах. Только в 1934 г. архивом было получено 2719 посылок с документами и печатными изданиями [5]. Большинство деятелей русской эмиграции считали за честь сдавать свои личные материалы в Русский заграничный исторический архив. Так, генерал А.И. Деникин передал в РЗИА весь архив главнокомандующего Добровольческой Армией, который занимал не менее 50 ящиков, с условием открытия материалов только после его смерти [6].

Принципы деятельности архива определялись, прежде всего, идеей историко–культурной миссии эмиграции [1].

Руководство РЗИА демонстрировало широкий научный подход к тематике собираемого материала, его исторической значимости, комплектуя фонды независимо от идейно–политических взглядов и направления деятельности фондообразователей [7; с.419)].

Авторитет РЗИА обусловил возможность фактически планового комплектования его фондов материалами эмигрантских воинских обществ и союзов, которые передавались архиву на основании приказа председателя РОВС генерала П.Н. Миллера от 10 июня 1930 г. [7, с. 34].

Одним из наиболее ценных и крупных архивных собраний российского зарубежья в межвоенный период являлся Донской архив. Следует сказать, что казачество в эмиграции проявляло значительную активность в деле сохранения своей культурной самобытности, в том числе, собиранию и распространению знаний об историческом прошлом казачества. Такая задача стояла перед Донским казачьим архивом и историческими комиссиями Всевеликого войска Донского и Кубанского казачьего войска, целью которых были сбор и публикация материалов и документов, касавшихся жизни казаков за рубежом, а также по истории Дона и Кубани.

Донской казачий архив, формирование которого началось еще в Новочеркасске, был вывезен в 1920 г. командованием Донского казачьего войска сначала в Константинополь, затем в Белград, а в 1925 г. в Прагу, где получил помещение в одном здании с РЗИА, с которым впоследствии

объединился. Очевидно, что именно усилия создателей и работников РЗИА и Донского казачьего архива при поддержке чешских специалистов обеспечили формирование и сохранность уникального массива исторических документов.

Кубанский заграничный архив, основанный в 1925 г. Обществом кубанцев в Праге, а затем перешедший в ведение Кубанского комитета, с 1929 г. размещался в одном здании с РЗИА, но в отличие от Донского архива, сохранил независимость от властей ЧСР. Вместе с историческими реликвиями Кубанского казачества он был в основном вывезен после окончания Второй мировой войны в США, где вошел в состав Кубанского войскового музея в г. Ховелл (штат Нью-Джерси).

Помимо архивов в Праге в межвоенный период существовали и другие центры исторической документации, находившиеся в ведении эмигрантских общественных организаций, в частности, здесь можно назвать Центральный архив «Дня русской культуры», основанный в 1929 г. при Русском педагогическом бюро, и Русский сокольский архив при Секретариате Союза русского сокольства в ЧСР. В годы Второй мировой войны они вошли в состав РЗИА, составив отдельные фонды (Ф.Р–5850 и Ф. Р–6035 соответственно). Укажем и на действовавшие в Праге в межвоенные годы Украинский народный музей–архив и Белорусский заграничный архив, о которых следует рассказать особо.

В первой половине XX в. Чехословакия становится главным центром общественной и культурной жизни всей белорусской эмиграции. Это связано с тем, что Чехословакия была в числе немногих признавших Белорусскую Народную Республику, провозглашенную 25 марта 1918 г. После установления в Беларуси советской власти правительство и президиум Рады БНР (в том числе президенты БНР Пётр Кречевский и Василий Захарка) вынуждены были эмигрировать в Литву, а в ноябре 1923 г. в Прагу, в которой находились до марта 1943 г. Но еще раньше политическая эмиграция из Белоруссии начала сосредотачиваться в Чехословакии вокруг консульства БНР, которое было создано в ноябре 1918 г. Консулом в 1918—1925 гг. был один из лидеров белорусского национального движения в эмиграции Николай Вершинин, который также являлся уполномоченным БНР по делам военнопленных белорусов в Чехословакии. В 1920 г. он основал «Белорусскую громаду в Праге», общественную организацию, координационный орган белорусских политических и общественных организаций в Чехословакии (проработала до 1925 года) [9, с.80–86]. Именно благодаря его усилиям, при поддержке Министерства иностранных дел Чехословакии и помощи Рады БНР в 1928 г. был открыт в качестве самостоятельной структуры Белорусский

заграничный архив, цель которого состояла в том, чтобы собирать и сохранять материалы по истории белорусского национально-освободительного движения. Основу архива составили материалы, собранные Н. Вершининым; он же был назначен заведующим [10, с.29–30]. Курировал деятельность архива с чехословацкой стороны профессор Ян Славик. Белорусский архив находился в здании Тосканского дворца, в западной части Градчанской площади. Чехословацкое правительство финансировало расходы по содержанию архива.

В межвоенный период в Чехословакии появился ряд белорусских учреждений — «Объединение белорусских студенческих организаций», «Белорусское (Кривичское) культурное общество имени Франциска Скорины», «Белорусский научный кабинет». Именно «Научный кабинет» впервые в эмиграции на профессиональной основе начал собирать и систематизировать документальные источники и печатные издания по всем областям истории, культуры, экономики и естествознания Беларуси. Источников информации о их составе почти не сохранилось. Некоторое представление о структуре архива на 1937 г. дает статья Н. Короленко «Белорусский заграничный архив». В ней отмечается, что в архиве имелось четыре отдела: отдел документов (материалы Рады БНР, дипломатических миссий БНР, белорусских зарубежных организаций, партий, биографические документы, воспоминания, переписка белорусских деятелей — всего около 15 тысяч названий документов); библиотека белорусоведения (белорусские издания про Беларусь на других языках); отдел периодических изданий (журналы, газеты, однодневки — всего 214 изданий); отдел белорусской библиографии (историческая библиография и картотека по всем вопросам белорусоведения — всего 12 тысяч позиций) [11]. В этом же журнале содержался призыв ко всем белорусам помочь архиву в сборе документов. Однако, как отмечала А.Сурмач, занимающаяся изучением белорусской эмиграции, «на этот призыв откликнулись немногие» [12, с.86]. Основная работа по комплектованию архива, отбору материалов, их сохранению лежала на заведующих — Н. Вершинине (до 1934 г.) и его преемнике Т.Грибе (до 1938 г.). Но после 1938 г. в связи с отсутствием финансирования со стороны чешского правительства работа архива была приостановлена, хотя материалы и далее продолжали сохраняться под надзором Рады БНР.

В период оккупации немцы стали вмешиваться в функционирование архива. В частности, после смерти в марте 1943 г. в Праге президента Рады БНР Василя Захарки, его архивом, включавшем материалы о деятельности Рады БНР, а также документы его предшественника Петра Кречевского и много других важных исторических документов, заинтересовались

немецкие оккупационные власти в Минске. Уполномоченный политического отдела при Генеральном комиссариате в Минске доктор Рихель в письме от 10 мая 1943 г. потребовал передать «Архив Кречевского–Захарки» в Русский архив в Праге. 10 июня 1943 г. передача документов состоялась. Имеется опись на передачу документов Иваном Ермаченко, который по поручению гауляйтера В.Кубе, занимался делами «Архива Кречевского–Захарки». Следует отметить, что часть наиболее ценных документов этого архива новый президент Рады БНР Николай Абрамчик успел вывезти в Париж [12, с.87–88].

Сразу же после освобождения Праги войсками Красной Армии органами НКВД были обнаружены эмигрантские архивы. О том, какое значение придавалось этим архивам, говорит тот факт, что руководство НКВД доложило лично Сталину об обнаружении РЗИА. А зам. наркома НКВД СССР В.В. Чернышов 22 июня 1945 г. направил совершенно секретное донесение на имя наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова о необходимости «возвращения в Советский Союз документальных материалов, хранящихся в РЗИА в Праге для включения их в состав ГАФ СССР». Выявление новых источников позволяет показать роль В.Д. Бонч–Бруевича в судьбе РЗИА, который еще в 1935 г., а затем в феврале 1945 г. составил планы «возвращения» РЗИА Советскому Союзу. В письме к Сталину от 24 февраля 1945 г. он перечислял основные собрания россики в Европе, и отдельно называл РЗИА в Праге, который, по его мнению, «...нужно конфисковать» [13, с.14, 21]. 9 вагонов с ценнейшими историческими документами РЗИА, коллекцией Донского казачьего архива, а также материалами Збраславского музея [14, с.182–194] поступили в Москву в декабре 1945 г. [15, с.78]. В ходе подготовки передачи документов архива чехословацкое правительство 14 августа 1945 г. решило извлечь из РЗИА Украинский исторический архив и передать его напрямую «правительству Украинской Советской Социалистической Республики как доказательство искренних, дружественных отношений обеих стран» [16, с.77]. В 1946 г. архив был перевезен в Киев.

В отношении Белорусского заграничного архива версии расходятся. По словам Т. Ф. Павловой: «В 1946 г. вернулся в Минск и Белорусский архив из Праги» [15, с.79]. А вот что писал по этому поводу председатель Комитета потомков русских эмигрантов в Чехословакии Владимир Быстров в 1995 г.: «Вследствие проблем и споров вокруг передачи Русского исторического архива ускользнуло от внимания небольшое собрание Белорусского исторического архива, которое, с согласия советских архивариусов, было также, как УИА, отделено и должно было быть передано «научным организациям» БССР, но поскольку не было

«дано никакого распоряжения», осталось это собрание в Праге» [16, с.79–80]. Таким образом, не исключена возможность нахождения его в государственных архивах Чехии.

Существование РЗИА в Праге завершилось и решающую роль в этом сыграли политические обстоятельства. Возвращенные из Европы эмигрантские архивы интересовали органы НКВД прежде всего наличием информации оперативно–чекистского значения. В мае 1946 г. начальник Главного архивного управления НКВД–МВД И.И. Никитинский заверил секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, что «доступа к указанным материалам Архива научных сотрудников не будет» и документы будут разработаны с целью «использования данных об антисоветской деятельности белой эмиграции в оперативной работе агентов МВД и МГБ СССР» [13, с.22]. Кроме того, архив не только засекретили, но началось целенаправленное и последовательное его раскассирование как целостного организма. Уже в 1946 г. в другие архивы страны были отправлены около 300 фондов, 7600 единиц хранения [17, с.161]. В феврале 1959 г. в ГАУ МВД СССР состоялось совещание по вопросу о порядке дальнейшего хранения документов бывшего РЗИА, на котором признали целесообразным оставить на хранении в ЦГАОР только документы, отражавшие антисоветскую деятельность белоэмигрантских организаций и отдельных ее представителей. Следствием этого решения материалы из других фондов бывшего РЗИА были переданы в ряд архивов России, Украины, Беларуси, Грузии, Молдавии и Эстонии.

Распределение части фондов РЗИА по различным архивам создало определенные трудности в их изучении. Т.Ф. Павлова первой в российском архивоведении дала документированную оценку раздроблению Пражского архива после его вывоза в Москву. В ГАРФ была создана специальная группа, которая подготовила Межархивный путеводитель «Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге», вышедший под редакцией и с предисловием Т.Ф.Павловой в 1999 году [18, с.5–32]. Составители Путеводителя предприняли удачную попытку реконструкции некогда целостного архива. В результате стало возможным проследить, какие документы были ранее в составе РЗИА и где они находятся сейчас. Относительно Белорусского заграничного архива выяснилось, что в составе ГАРФ находятся 8 фондов, связанных с деятельностью Рады БНР (Р–5782, Р–5875, Р–5999, Р–6063, Р–6218, Р–6229, Р–6463, Р–6503) и 3 фонда (325, 827, 864), были переданы в Национальный архив Республики Беларусь. Кроме того, еще три фонда, находящиеся в НАРБ (458, 571, 908), содержат материалы Рады. Но проблема восстановления состава документов Белорусского заграничного архива нуждается в дальнейшем

целенаправленном изучении. Возможно, отдельные его фрагменты отложились в личных архивах белорусских эмигрантских деятелей. Представляется также вполне реальным предположение о нахождении дел в архивах спецслужб России и Беларуси, т.к. «только в 1946 г. по фондам РЗИА и ДКА было выявлено 18.000 враждебных Советской власти лиц» [18, с. 18].

Таким образом, наибольшая активность российского эмигрантского архивного сообщества в зарубежной России приходилась на 1920–1930-е годы, когда российская диаспора располагала богатыми документальными собраниями и проявляла научную и творческую активность. Уникальный комплекс архивов в Чехословакии, Франции, Германии, Югославии формировался в процессе деятельности институциональных структур зарубежной России. В системе экстерриториальной государственности, которую воссоздавала за рубежом в 1920–1930-е гг. российская эмиграция, роль государственного архива и книжной палаты выполнял Русский зарубежный исторический архив.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р–5791. Оп.1. Д.36. Л.16.
2. Брежго Б.Р. Русские музеи и архивы вне России. Даугава: [б.и.], 1932.
3. Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск: ОмГУ, 2001.
4. ГАРФ. Ф. Р–7030. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.
5. ГАРФ. Ф.Р–7030.Оп.1.Д.21.Л.12.
6. ГАРФ. Ф. Р–7030. Оп.1. Д.21. Л.9.
7. Вацек Йиржи. Фонды Русского зарубежья в пражской Славянской библиотеке // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сборник статей. Вып. 1.СПб., 2000. С.417–420.
8. Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: СОЛТИ, 2005.
9. Буча А.И. Начальный этап «Русской Акции» Чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии (1921–1923 гг.). // Российские и славянские исследования: Сборник научных статей. Вып. 5. Минск: БГУ, 2010. С.80–86.
10. Шабловская И. Белорусская эмиграция в Чехии и проблемы ее изучения // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Сборник докладов. Т.1.Прага,1995. С.29–41.
11. Шлях моладзі. 1938. № 3.
12. Сурмач А. Белорусский заграничный архив // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Сборник докладов. Т.1.Прага,1995. С. 85–90.
13. Серковская Л. В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.): историко–архивоведческое исследование. Автореф.канд.дисс. М., 2011.
14. Муромцева Л. П. В. Ф. Булгаков и Русский культурно–исторический музей в Праге // Россия и современный мир, 2010, № 3. С. 182–194.

15. Павлова Т.Ф. Архивы российской эмиграции // Проблемы изучения истории российского зарубежья. Сборник статей. М., 1993. С. 78–85.
16. Быстров В. Конец Русского заграничного исторического архива в Праге// Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Сборник докладов. Т.1.Прага,1995. С.70–84.
17. Барковец А.И. Русский зарубежный исторический архив и современные пути расширения научно–информационной базы ГАРФ по истории русской эмиграции // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Сборник докладов. Т.1.Прага,1995. С. 161–166.
18. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999.

Б. ТАЎРАГІНСКІ ЯК АПОШНІ ПРЫДВОРНЫ ГІСТОРЫК І АРХІВАРЫЎС КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ, АРДЫНАТАЎ НЯСВІЖСКІХ: ЛЁС ПАДЧАС І ПАСЛЯ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

А. Г. Плытнік

*Установа “Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва”,
вул. Кірылы і Мяфодзія, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
alexanderpl9696@gmail.com*

Дадзены артыкул з’яўляецца спробай разгляду перыяду жыцця і дзейнасці вядомага польскага і беларускага архівіста Баляслава Туган-Таўрагінскага падчас Другой сусветнай вайны і пасляваенныя гады. Перадусім асноўная ўвага нададзена захадам па захаванні архіва князёў Радзівілаў ад знішчэння нацыстамі, якія прымаліся Таўрагінскім у якасці загадчыка архіва, а таксама яго дзейнасці ў Шчэцінскім дзяржаўным архіве, Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве і падчас працы ў бібліятэцы варшаўскай Галоўнай школы сельскай гаспадаркі.

Ключавыя словы: архіў, архівіст; Баляслаў Туган-Таўрагінскі; Другая сусветная вайна; Шчэцінскі дзяржаўны архіў; Галоўны архіў старажытных актаў

Б. ТАУРАГИНСКИЙ – ПОСЛЕДНИЙ ПРИДВОРНЫЙ ИСТОРИК И АРХИВАРИУС КНЯЗЕЙ РАДЗИВИЛОВ НЕСВИЖСКОЙ ОРДИНАЦИИ: СУДЬБА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. Г. Плытнік

*Учреждение «Белорусский государственный архив-музей литературы и
искусства», улица Кирилла и Мефодия, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
alexanderpl9696@gmail.com*

В статье предпринята попытка рассмотреть период жизни и деятельности известного польского и белорусского архивиста Болеслава Туган-Таурагинского в годы Второй мировой войны и в послевоенные годы. Основное внимание уделяется мерам по защите архивов Радзивиллов от уничтожения нацистами, которые предпринимал Таурагинский в качестве начальника архивов, а также его деятельности в Щецинском государственном архиве, Главном архиве древних актов в Варшаве и во время работы в библиотеке варшавской Главной сельскохозяйственной школы.

Ключевые слова: архив, архивариус; Болеслав Туган-Таурагинский; Вторая мировая война; Государственный архив Щецина; Главный архив древних актов

B. TAURAGINSKY AS THE LAST COURTIER HISTORIAN AND ARCHIVIST OF THE RADZIVILLS, THE ORDINATS OF NIASVIZH: FATE DURING AND AFTER WORLD WAR II

A. G. Plytnik

*Institution “Belarusian state archive-museum of literature and art”,
Cyril and Methodius Street, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
alexanderpl9696@gmail.com*

The article is an attempt to consider the WWII and postwar period in the life of Boleslaw Tauraginski, the famous Polish and Belarusian archivist. First of all, the article emphasizes attention to the preservation of the Radzivils archive from destruction by the Nazis, who were accepted by Tauraginski, who was the head of the archive, as well as his activities in the Szczecin State Archives, the Central Archives of Historical Records in Warsaw and in the library of the Warsaw University of Life Sciences.

Key words: archive, archivist; Boleslaw Tugan-Tauraginski; The Second World War; State Archives of Szczecin; Central Archives of Historical Records in Warsaw

Безумоўна, разглядаючы вышэйзгаданы перыяд жыцця і дзейнасці Б. Туган-Таўрагінскага (01.05.1904 — 05.07.1974 [5, с. 216]), нельга не сказаць некалькі словаў аб ранейшых старонках яго біяграфіі. Скупыя біяграфічныя звесткі сведчаць аб тым, што нарадзіўся ён у маёнтку Радзівілімонты, каля Нясвіжа. Таксама існуе версія аб тым, што ён мог нарадзіцца і ў самім Нясвіжы. Пачатковую адукацыю, імаверна, атрымаў у адной са школ, якая ўтрымлівалася і была заснавана княгіняй Марыяй з Браніцкіх, жонкай XV нясвіжскага ардыната Юрыя Фрыдэрыка Радзівіла [8, с. 213]. Будучы падлеткам, браў непасрэдны ўдзел у I Сілезскім паўстанні (16 — 17.08.1919 г.) [5, с. 216]. Далейшая яго вучоба працягвалася ў Нясвіжскай гімназіі імя Ёладзіслава Сыракомлі, якую ён скончыў у 1926 г. Вышэйшую гістарычную адукацыю атрымоўваў у перыяд з 1926 па 1929 гг. ва ўніверсітэце Стэфана Баторыя ў Вільні, на гуманітарным факультэце [3]. Тым не менш, ёсць падставы меркаваць аб тым, што ў выніку дыплама аб вышэйшай адукацыі ён так і не атрымаў [8, с. 213].

З 1929 па 1939 гг. працаваў памочнікам архіварыўса Антонія Іваноўскага ў Архіве нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у Варшаве і на працягу Другой сусветнай вайны ўзначальваў гэты архіў. Гэты даволі насычаны перыяд у жыцці Таўрагінскага адзначаецца яго актыўнай навукова-даследчыцкай і архіўнай дзейнасцю. Перадусім, ён займаўся як упарадкаваннем архіва (інвентарызацыяй і пераінвентарызацыяй радзівілаўскіх архіўных фондаў, складаннем вопісаў і г.д.), так і напісаннем навуковых прац, прысвечаных Нясвіжу і Радзівілам, у прыватнасці, іх архіўным зборам. Напрыклад, у другой палове 30-х гг. выйшлі яго працы "Z dziejów Nieświeża. Warszawa: Archiwum Ordynacji Nieświezskiej", "Nieśwież", "Katalog działowy Archiwum nieświeskiego" і інш [8, с. 213-214].

Пачатак Другой сусветнай вайны Б. Таўрагінскі, як было згадана вышэй, сустрэў на пасадзе дырэктара Радзівілаўскага архіва. Можна смела казаць аб тым, што захаванне архіва князёў Радзівілаў у неспрыяльных для

гэтага умовах (нямецкая акупацыя, адсутнасць фінансавай падтрымкі з боку гаспадара архіва Леана Ёладзіслава Радзівіла) цалкам яго заслуга. У першыя месяцы вайны архіў не панёс стратаў, нават нягледзячы на тое, што аднойчы будынак, у якім ён размяшчаўся (вул. Маршалкоўская, 113), ледзь не згарэў з-за трапіўшай у яго лесвіцу бомбы [6]. Пасля таго, як нямецкія войскі ўвайшлі ў Варшаву, Таўрагінскі доўгі час шукаў грошы на ўтрыманне, захаванне а таксама транспартыроўку архіва ў найбольш бяспечныя месцы, бо Леан Радзівіл у гэты час быў арыштаваны савецкімі ўладамі [8, с. 214]. Фінансавое пытанне вырашалася ў асноўным, шляхам продажу рухомай маёмасці і шматлікімі пазыкамі. Пазней, у пошуках грашовых сродкаў, Таўрагінскі пачаў займацца сельскай гаспадаркай. Менавіта з гэтай мэтай ён набыў участак зямлі ў ваколіцах Урсынава, што пад Варшавай [6].

Б. Туган-Таўрагінскі прыкладаў усе магчымыя намаганні для таго, каб не даць нацыстам вывезці архіў з Польшчы ў Мінск, з мэтай аб'яднання яго з нясвіжскай гаспадарча-адміністрацыйнай часткай архіва. У часы акупацыі, нямецкай адміністрацыяй пры судзейнічанні прадстаўнікоў беларускага калабарацыянісцкага руху (г. зв. «Беларускага камітэта») у Варшаве быў створаны г.зв. «Archivamt», то бок Архіўнае ўпраўленне пры губернатара Варшаўскай акругі ў Генеральнай губерніі. Гэты орган, у сваю чаргу, мусіў прыняць архіўныя зборы Радзівілаў на дэпазітарнае захаванне.

Больш за тое, Таўрагінскі нават атрымаў ліст ад кіраўніка рэйхскамісарыяту «Остланд» з прапановай прыехаць у Мінск і ўзначаліць там архіў, ад якой ён катэгарычна адмовіўся. Параіўшыся з Адамам Сцябельскім (захавальнікам архіва Радзівілаў, які да вайны ўзначальваў Галоўны архіў старажытных актаў у Варшаве (далей — AGAD) і фактычна выконваў тыя ж самыя функцыі падчас вайны) і Тэрэзай Любамірскай з роду Радзівілаў (сястрой Леана Радзівіла), ён вырашыў вярнуць выдаткаваную суму на ўтрыманне архіва (якая па стане на 31.12.1942 г. складала 2406 злотых), а таксама ўзяць абавязак па ўтрыманні архіва на сябе [6].

Таксама, Таўрагінскім здзяйсняліся захады па перамяшчэнні архіўных збораў у больш бяспечныя сховішчы. Ужо пасля першых бамбардыровак Варшавы было зразумела, што ў горадзе дакументы больш ня могуць знаходзіцца з-за пагрозы іх знішчэння. Неабходнасць эвакуацыі ўзнікла ў той момант, калі будынак, у якім размяшчаліся дакументы, быў замініраваны. У верасні 1942 г., пры дапамозе Адама Сцябельскага, Адама

Вольфа і іншых архівістаў AGAD пачалася эвакуацыя найбольш каштоўных фондаў архіва Радзівілаў. Першапачаткова, самая каштоўная частка архіву была перамешчана ў форт Сакальніцкага, дзе захоўвалася з 28.09.1942 г. Пазней, пасля чарговага авіяналёту ў ноч з 13 на 14 мая 1943 г. было прынятае рашэнне перамясціць туды ж астатнюю частку архіва. У той жа час, Архіваміт меў сур'ёзны намер завалодаць усім архівам Радзівілаў і перамясціць яго на захаванне ў будынак AGAD, які месціўся на рагу вуліц Длугай і Красінскіх па адрасе вул. Длугая, 24. Гэта матывавалася тым, што памяшканні, у якіх захоўваюцца дакументы, мусяць быць разбомблены, як прылеглыя да бліжэйшай станцыі. Б. Таўрагінскі не дазволіў гэтаму адбыцца, бо лічыў, што будынак архіва таксама можа трапіць пад авіяналёт (у выніку, падчас Варшаўскага паўстання гэты будынак быў спалены нацыстамі). Будучы ўдзельнікам Арміі Краёвай і маючы сувязь з антыфашысцкім падполлем, ён ведаў аб тым, што ў Варшаве хутка пачнецца паўстанне. Пазней, у ліпені 1943 г. архіў быў перамешчаны ў будынак Дзяржаўнай сельскагаспадарчай школы ва Ёрсынаве (што па сведчаннях самога Таўрагінскага каштавала яму больш за 6000 злотых) і ў другой палове 1944 г. ён апынуўся ў форце Служаў, які таксама месціўся пад Варшавай. Пасля таго, як архіў быў вывезены афіцэрамі СС у Аўстрыю, Таўрагінскі неўзабаве перастаў быць архіварыўсам Радзівілаў. Ужо пасля вайны гэты архіў будзе вернуты ў Польшчу і ўключаны цалкам у склад AGAD [7, с. 112].

Не забываўся Б. Туган-Таўрагінскі як на навуковую, так і на архіўную справу. У 1942 г. ім была распачата праца па стварэнні каталога планаў (Dz. XXIV) і у 1943 г. быў упарадкаваны фонд «Archiwum familijne sekretne» (Dz. XIII). Таксама, па загаду нацыстаў выконваў запыты, пісаў рапарты аб сваёй дзейнасці. Хоць і з вялікімі цяжкасцямі, але арганізоўваў навукова-даследчыцкую працу для карыстальнікаў архіва Радзівілаў, якая з перапынкамі здзяйснялася з 01.12.1939 па 20.07.1944 гг [6].

Пасля заканчэння Другой сусветнай вайны ён накіраваўся ў Шчэцін, дзе з 1 жніўня 1945 г. і на працягу пяці гадоў узначальваў Дзяржаўны архіў [4, с. 545]. Як ён пісаў у той дзень у сваім дзённіку: «1 жніўня 1945 года я ўзяў на сябе Дзяржаўны архіў у Шчэціне» [2]. Таўрагінскі непасрэдна займаўся зборам, частковай апрацоўкай і забеспячэннем доступу да дакументаў былога Staatsarchiv Stettin, якія былі раскіданы па ўсім Шчэцінскім ваяводстве. У 1949 г. ім быў падрыхтаваны «Спіс фондаў Шчэцінскага архіва згодна са станам на 1945 г.». На працягу доўгага перыяду гэта праца была асноўнай інфарматыўнай крыніцай для

даследчыкаў. Акрамя таго, будучы дырэктарам архіва, Б. Туган-Таўрагінскі актыўна прапагандаваў у прэсе і спецыяльнай літаратуры ролю і значэнне ўзначальваемай ім установы, а таксама каштоўнасць для навукі захоўваемых там гістарычных крыніц [8, с. 215]. Што датычыцца яго грамадскай дзейнасці па-за межамі архіва, то ён падчас знаходжання ў Шчэціне быў членам Сацыяльнага камітэта па будаўніцтве помніка героям баявых дзеянняў 1941-1945 гг., а таксама прэзідэнтам мясцовага аддзялення Асацыяцыі паляўнічых [5, с. 216].

У сакавіку 1950 г. Туган-Таўрагінскі перадае кіраванне архівам Тадэвушу Купчынскаму і накіроўваецца на працу ў AGAD, у якім ёй меў магчымасць працаваць у т.л. і з архівам князёў Радзівілаў [4, с. 545]. Нягледзячы на тое, што працаваў ён там параўнальна нядоўга (на працягу двух гадоў), ім былі складзены некаторыя вопісы Радзівілаўскіх фондаў (напрыклад Dz. II, III, V, VII, XIII, XXVI), а таксама яму была даручана праца па стварэнні картаграфічнага фонду [8, с. 215]. У 1952 г. ён канчаткова сыходзіць з архіўнай працы і ўладкоўваецца ў бібліятэку Галоўнай школы сельскай гаспадаркі ў Варшаве, у якой працаваў да самай смерці ў 1974 г [3]. Пра гэты перыяд звестак аб жыцці і дзейнасці Таўрагінскага амаль што не захавалася, але па колькасці навуковых прац, якія былі выдадзены ў азначаны перыяд, можна меркаваць аб тым, што апошнія гады жыцця Б. Туган-Таўрагінскі цалкам прысвяціў навуцы.

Мала сказаць аб тым, што Таўрагінскі быў проста адным з выбітных дзеячоў свайго часу ў архіўнай галіне Польшчы. Сваёй мужнасцю і самаахвярнасцю, рызыкуючы ўласным жыццём, падчас Другой сусветнай вайны ён выратаваў ад знішчэння архіў Радзівілаў і ўсяляк за яго змагаўся. Менавіта дзякуючы яго высілкам, вялічэзная частка гэтага архіва была ўпарадкавана і стала даступнай для шырокага кола даследчыкаў. Усё гэта сапраўды дае падставы называць Б. Туган-Таўрагінскага «апошнім прыдворным архіварыўсам Радзівілаў». Безумоўна меў ён і вялікі навуковы аўтарытэт. Як сведчыла праз шмат гадоў яго дачка Галіна (якая таксама пайшла па слядах бацькі): «ён быў прыроджаным архівістам» [1].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. 60 lat Archiwum Państwowego w Szczecinie // Portal Miłośników Dawnego Szczecina. URL: <http://sedina.pl/wordpress/index.php/2005/08/02/60-lat-archiwum-pastwowego-w-szczecinie/> (дата звароту 07.10.2020).
2. 72 lata temu // Archiwum Państwowe w Szczecinie. URL: <https://www.szczecin.ap.gov.pl/news/pl/72-lata-temu> (дата звароту 07.10.2020).

3. Bolesław Tuhan Taurogiński // Encyklopedia Pomorza Zachodniego. URL: http://encyklopedia.szczecin.pl/wiki/Bolesław_Tuhan-Taurogiński (дата звароту 07.10.2020).
4. Encyklopedia Szczecina. T.2. Red. Tadeusz Białecki. Szczecin 2000, S. 545.
5. Frankiewicz B. Tuhan-Taurogiński Bolesław // Słownik biograficzny archiwistów polskich. Warszawa – Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988, T.I 1918 – 1984, S. 216.
6. Jankowski, R. Losy okupacyjne archiwum // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. URL: https://agad.gov.pl/?page_id=872#Losy (дата звароту 07.10.2020).
7. Латушкін А.М. Архіварыусы Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў у другой палове XVIII — першай палове XX ст. // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае: матэрыялы Др-й міжнар. навук.-прак. канф., прысв. памяці праф. У.У. Мелішкевіча, Брэст, 12 — 13 лістапада 2004 г. / Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна; рэд. А.М. Вабішэвіч [і інш.]. Брэст, 2006. С. 106–112.
8. Латушкін, А.М. Таўрагінскі (Туган-Таўрагінскі) Баляслаў // Архівісты Беларусі: Біябібліягр. давед. / Склад. С.У. Жумар, М.Ф. Шумейка; навук. рэд. У. І. Адамушка, В. У. Бірукова. Мінск, 2006. С. 213–215.

РАЗДРОБЛЕНИЕ ФОНДОВ РУССКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ, СЛЕДСТВИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И УРОКИ

В.Б. Прозорова

*Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе, компания «Abylsen–Gamma» Париж,
Groupe Abylsen 91, Avenue des Champs Elysées 75008 PARIS France Франция,
prozorovaviktoriya@gmail.com*

Проанализированы история создания, причины раздробления и особенности описания архивных фондов русских военных учреждений во Франции в Первую Мировую войну. Показана важность стандартизации описания для восстановления информационного единства фондов и проанализированы возможности применения для этого различных форм электронного описания EAD, EAC, RİC и опасность использования идентификаторов интернет-ресурсов URI и ARK

Ключевые слова: Первая мировая война; русская военная администрация во Франции; единство фонда; архивное описание

THE FRAGMENTATION OF RUSSIAN MILITARY INSTITUTION'S ARCHIVE RECORD GROUPS IN FRANCE AFTER THE FIRST WORLD WAR: CAUSES, CONSEQUENCES, CORRECTION TOOLS AND LESSONS

V. B. Prozorova

*Magazine “Herald of an Archivist » in Europe, Paris, France,
Groupe Abylsen 91, Avenue des Champs Elysées 75008 PARIS France Франция,
prozorovaviktoriya@gmail.com*

This article contains the history of creation, reasons for fragmentation, and the specifics of the inventory of Russian military institution's archive record groups in France during the First World War. It also shows the importance of setting inventory standards to restore the unity of information within record groups, an analysis of the possible usage of several forms of archival descriptions such as EAD, AEC, RİC-0, and the risks of using web addresses like URL and ARC.

Keywords: First World War; Russian military administration in France; unity of the record group; archival description

История фондов и причины их раздробления. «Русская военная администрация во Франции» (далее – РВАД) – совокупность русских военных учреждений и должностных лиц, не входивших в состав русских войск во Франции и работавших на ее территории в 1914–1918 гг. Фактически РВАД была рабочим органом Антанты, обеспечивавшим координацию франко–русского военного сотрудничества. Кроме русского военного агента во Франции, все ее учреждения и должности возникли явочным порядком, для решения задач военного времени, изменивших и

объем работ, и делопроизводство. Острая нехватка кадров, несколько языков составления документов (в основном русский и французский, реже английский и немецкий), создавали сложности, но чрезвычайные условия работы военного времени способствовали оптимальному их преодолению.

Делопроизводство в РВАД велось по «Положению о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» 1911 г., сократившему количество видов документов и упростившему переписку внутри ведомства. Отметим и ныне актуальное требование направлять запросы непосредственно туда, откуда «может последовать разъяснение по существу» (приказ № 433 военного министра от 19 сентября 1911 г.). Дела требовалось формировать по предметно-вопросному признаку, ответы хранить вместе с запросами и ежегодно составлять в двух экземплярах описи секретных и несекретных дел.

Новым в «Положении» 1911 г. были пересмотр правил об архиве и их выделение в особый отдел, подчеркивающий, что их соблюдение «весьма важно в целях военно-исторических». Приложения к «Положению» содержали около 40 форм документов, в том числе и форму описи, где нужно было указать № дела, его краткий заголовок («о смотрах...»), число листов, отметку об окончании с указанием даты, и цифрами и прописью должный срок хранения. Приложение № 2 содержало «Правила сдачи законченных дел и книг в архивы». Дела подлежали либо уничтожению по окончании переписки, либо «срочному», либо вечному хранению [1с. IX, С.93.].

«Положение о делопроизводстве» 1911 г. активно использовалось в РВАД, о чем говорит как состояние ее архивов, так и множество помет и подчеркиваний рукой А.А. Игнатьева и его сотрудников в тексте сохранившегося в фонде в РГВИА «Положения».

Работа с военно-дипломатическими документами требовала соблюдать и некриптографические меры защиты информации, предусмотренные «Положением» 1911 г., и «Инструкцией военным агентам...» от 5 сентября 1912г. Для хранения текущего архива военного агента, где были и агентурные документы, и секретные военно-статистические издания, и коллекция газетных вырезок, требовалось «достаточно надежное помещение» и «железный шкаф». Как следует из переписки военного агента с Особым делопроизводством Огенквар ГУГШ 1 ноября 1912 г., А. Игнатьев купил сейф на средства для «секретных расходов», и получил возмещение лишь предоставив в ГУГШ счета.

Затронула РВАД и механизация делопроизводства в военном ведомстве:

—использовались штампы для регистрации документов, для отметок об уровне секретности и для согласования (причем был выбран лаконичный французский штамп, «VU : Ignatieff», аналогичный более длинному русскому «Просмотрено: Игнатьев»);

—в 1914г. составлялись типовые заголовки для дел, содержащих руководящие материалы – машинописный текст двух цветов с пропусками;

—большинство документов были машинописными, составлялись на типографских двуязычных бланках, либо общих, либо должностных.

С началом войны документооборот РВАД резко вырос. Консервативные традиции делопроизводства МИД уступали место техническим (штампы, бланки) и организационным (краткие совещания) новшествам, внедрявшимся Военным министерством и французскими поставщиками РВАД. Хотя ежегодные описи не всегда составлялись, дела формировались верно. Особенно это поражает при сравнении с военным ведомством Франции, где дела по важнейшим вопросам формировались правильно, а по «рутинным» могли остаться не подшитыми, а сложенными без учета хронологии в папки, пакеты, связки или мешки.

Риск для архивов РВАД возник после отъезда 9 августа 1914 г. наделенного «архивным сознанием» А. Игнатьева на французскую Главную квартиру (GQG). Его заместитель Д. Ознобишин, опасаясь захвата Парижа немцами, просил телеграммой от 1 сентября 1914 г. разрешения сжечь «некоторые секретные издания статистического характера», по примеру сотрудников Посольства. Приказав Ознобишину «ничего не жечь», Игнатьев прибыл в Париж и лично указал, «куда отправить документы военного агента». Даже в мемуарах, он не пишет, как именно он спрятал архивы, лишь намекая на «надежные подвалы» и «верных французских друзей» [2, л.3; 3, с. 461–462].

Этот эпизод показал, что паника ответственных за архивы лиц не менее опасна для них, чем действия врага. Противопоставить панике можно как четкие инструкции, так и современные технические средства: сложнее запретить сотрудникам посольства топить камин бумагами в сентябре 1914 г., чем сегодня обесточить здание.

Затяжной характер Первой мировой войны испытал на прочность все системы РВАД, в том числе и работу с документами. Взгляд на архив, как на хранилище «военно-исторических материалов», в духе «Положения» 1911 г., сменился утилитарным подходом к нему, как к управленческому ресурсу, что выразилось в составлении внутренних описей и полных заголовков лишь для дел с руководящими материалами. Дела РВАД в архивах России и Франции позволяют сделать вывод о нормальном

состоянии ее текущего делопроизводства и промежуточного архива. Однако имели место случаи:

Однократной возможной утечки информации по причине передачи Начальником русской военной миссии при GQG полковником В.В. Кривенко материалов Союзнических конференций на хранение в личный сейф гражданского чина РВАД в гостинице в залог уплаты карточного долга;

Отсутствия помещения для архива Военно-осведомительного бюро печати, хранившего как текущие дела, так и коллекцию материалов по вопросам внешней и внутренней политики России в 1916–1918 гг.

В 1914–1917 гг., вплоть до развала русского фронта более серьезных проблем с архивами РВАД не возникало.

Перипетии архивов в 1917–1924 гг. Последовательность ликвидации учреждений РВАД сказалась на судьбе их архивов. Уже в конце декабря 1917 г. работа структур разведки стала сворачиваться и возник спор о судьбе ее архивов. Архивы всех учреждений, закрытых до марта 1918 г., когда был создан Общий архив РВАД, остались частично или полностью во Франции.

После сложения 30 января 1918 г. представителем Временного правительства генералом М.И. Занкевичем своих полномочий, к нему по поручению Ж. Клемансо, 9 февраля прибыли 2 офицера французского Генерального штаба, принявшие от него 8 пачек архивных документов и 11 пачек с известиями Военно-осведомительного бюро печати за 1917–1918 гг. Этих документов в серии N «Третья республика (1872–1940)» Венсенского военного архива пока не удалось обнаружить [4, с.256].

Затем было закрыто Русское отделение Межсоюзнического бюро, о чем маршал Ф.Фош известил А.А. Игнатьева еще письмом от 28 декабря 1917 г [5]. Реальной причиной закрытия Бюро было прекращение боевых действий на Восточном фронте, но Фош писал и об «отсутствии средств на содержание» отделения. Дело не в скупости, которую французы проявили к недавним союзникам. Напомним, что военное министерство выплачивало А.А. Игнатьеву и его нескольким сотрудникам, занятым ликвидацией русских военных заказов во Франции, жалованье по французским тарифам вплоть до 1924 г., надеясь вернуть себе военное имущество со складов во Франции и аванс для оплаты русских военных займов из Банка Франции. Слова об «отсутствии средств» на работу русского отделения Бюро напоминали, что правительство Франции финансировало его работу, предоставив помещение и часть персонала. А во французском праве существует норма о «публичных бумагах» – документах, созданных, «на государственные деньги и необходимых для

защиты интересов государства», и поэтому являющихся собственностью Франции. Эта мотивировка звучит в служебной записке 2-го Бюро Генерального штаба Франции от 7 февраля 1918 г., изданной В.А. Авдеевым: «в отсутствии любого законного российского правительства документы, полученные этими офицерами, являются разведывательными средствами, которые были им предоставлены союзниками и поэтому им не принадлежат. Они принадлежат союзникам» [4, с. 254]. В феврале 1918 г. П.А. Игнатьев согласился передать на хранение в Историческую секцию Штаба армии (ставшую основой Венсенского архива) «до окончания войны» несколько пакетов и мешков с документами. Из переписки, изданной Авдеевым, видно, что французы были готовы вернуть дела контрразведки после войны «русскому правительству», а братья Игнатьевы настаивали на их возврате лишь узкому кругу из 5 бывших сотрудников Русского отделения Бюро. Неизвестно, были ли эти дела возвращены П.А. Игнатьеву или указанным им лицам, но в серии N Венсенского военного архива, где не всегда соблюден принцип единства фонда, обнаружить их не удалось.

Лучше всего в Венсенском архиве сохранился фонд Русской базы в Лавале (GR 7N 632–652 Base russe de Laval), за 1917–1924 г. База работала с января 1918 по 1922 гг., а крайние даты фонда объясняются тем, что к ее фонду добавили «документы, касающиеся всех вопросов по поводу русских во Франции, в Африке и на Востоке», например, данные об исходе Белой армии из Крыма (шифр 648) и запросы о репатриации со стороны бывших российских подданных – армян, эстонцев, литовцев и латвийцев (шифр 652).

Расскажем о судьбе самого крупного комплекса архивов РВАД – комиссий и управлений, непосредственно подчиненных военному агенту во Франции.

13 (26) марта 1918 г военный агент издал приказ № 15 о составлении «общего отчета о деятельности Управления и состоявших при нем заготовительных органов» с начала войны и создании для этого Общего архива, куда должны быть сданы «в первую очередь и в трёхдневный срок ... по описи все законченные дела», а затем «все дела, периодические отчеты начальников отделов и комиссий, и заканчивающиеся ныне отчеты по заказам». Счетный отдел должен был «сдать в архив все дубликаты оправдательных документов». Проводился регулярный контроль подготовки структурными подразделениями документов к сдаче в архив. А. Игнатьеву удалось получить на хранение часть документов Русской секции Межсоюзнического бюро, которой руководил его брат.

Подход к организации архива отвечал духу «Положения» 1911 г. А. Игнатьев получил 3 года, с 1918 по 1920, на обработку архива РВАД. Союзники оплачивали русский персонал РВАД, приводивший в порядок «военно–исторические материалы», французские архивисты также составили несколько описей, потому что архив был нужен для переговоров с Ликвидационной комиссией, стремившейся использовать в интересах Антанты военные заказы России, еще не вывезенные из Франции.

Французы оценили значение архива РВАД и претендовали на него и как на часть имущества в счет оплаты русских военных займов, и как на оружие в информационной войне. Описанный архив попал в 1923 г. под французский судебный секвестр в ходе процесса по русскому военному имуществу во Франции. Когда генерал Ш. Нолле возглавлял военное министерство (с 14 июня 1924 г. по 10 апреля 1925 г.), он направил к А. Игнатьеву хранителя нового Военного архива в Венсенне с предложением передать на хранение или продать (в мемуарах А.А. Игнатьев назвал сумму 200 000 – 400 000 франков золотом) его служебный архив [З.С.709]. Отказавшись от продажи документов А.А. Игнатьев проявил не только принципиальность, но и юридическую грамотность. Если бы эти документы архива были проданы, то возникли бы две причины, по которым они навсегда остались бы во Франции:

- согласно «принципу территориальной принадлежности» архивы иностранных властей, созданные на территории Франции и являющиеся источниками по ее истории, могут считаться частью национального достояния Франции. На этом основании архивы за время авиньонского пленения пап не были возвращены Ватикану.

- для отмены сделки купли–продажи архивов, нужно доказать, что эти документы суть «публичные бумаги», созданные для выполнения военным агентом его служебных полномочий, и относящиеся к «государственному архивному фонду» СССР. Если служебный характер бумаг был бы доказан, Франция могла бы требовать компенсации уплаченных сумм и затрат на их хранение.

Из истории французских посягательств на архивы РВАД мы выносим еще два, крайне актуальных урока:

- и в наши дни иностранное финансирование деятельности юридического лица – серьезный аргумент для предъявления его прав на архивы. Статус архивов организации всегда нужно устанавливать до получения каких–либо средств от иностранных партнеров;

- важность фактора времени для обеспечения сохранности архива в экстремальной ситуации. Сегодня, если нет достаточных компетенции и времени для обработки электронного архива срочно свертываемой

структуры, лучше провести его аудит при помощи таких программ как Archifiltre, Octave или ReSip, а затем «заморозить» его для хранения на оптико–магнитных носителях (летны LTO) на время переговоров о его возможном разделе.

Последствия раздробления архивов РВАД для их описания. В 1937 г. служебный архив был «вырван» А.А. Игнатьевым из–под французского секвестра, привезен в СССР и передан на хранение в ЦВИА (РГВИА). Часть документов, в основном по мобилизационной работе РВАД и деятельности Военно–осведомительного бюро, вошла в фонд Посольства России в Париже в современном АВПРИ Историко–документального управления МИД.

ЦВИА закончил обработку фонда в 1942 г. Фонд называли «Управление военного агента во Франции», но ошибочно включили в него дела французских эскадрильи и авиационной комиссии (опись 12, всего из двух дел). Несмотря на определенный отпечаток «оперативно–чекистских» методов, описи 1942 г. были качественными, а справка на фонд, где Клемансо через раз называли «Клеменко» – информативной. Предисловия к описям 1966 г. были куда менее идеологизированы, чем справка 1942 г. и интересны попыткой периодизации истории РВАД на основании ее внутренних нормативных актов. При уточнении профилей архивов в ЦГВИА из АВПРИ в 1982г. передали более 1200 дел, в основном из Военно–осведомительного бюро. До 1988 г. фонд находился на секретном хранении.

Небольшая, но очень информативная часть служебного архива (например, отчет о деятельности военного агента в 1914–1918 гг.) осталась в личном архиве А.А. Игнатьева, хранилась у него дома, служила ему подспорьем в написании знаменитых мемуаров «50 лет в строю», и была передана его вдовой Н.В. Трухановой на хранение в РГАЛИ.

Несмотря на то, что фонд «Управления военного агента во Франции» оказался раздробленным на 3 неравные части – основная масса документов в РГВИА, значительная часть «содержательного ядра» фонда в РГАЛИ и документы по отдельным направлениям работы в АВПРИ, описи советских архивов имели фиксированный уровень описания – дело. Единый уровень описания – не только необходимая, но и достаточная основа для восстановления единства фонда на информационном уровне, при помощи описи в формате кодированного архивного описания (EAD) или через создание полнотекстовой базы данных по всем делам (документам) фонда.

К сожалению, в описях Венсенского военного архива серии «N» уровень описания варьировал от нескольких коробок до дела. Так, шифры

(коробки) 649–650 из фонда Русской базы в Лавале имеют общий заголовок и даты: «Демобилизация русских (1919–1921)». Тогда как для других коробок указаны заголовки не только дел, но и отдельных документов, например: «положение о персонале». Когда военные архивисты Франции заканчивали под руководством Жана Нико в Венсенском архиве описи серии «N», по праву гордясь завершением многолетнего труда, во Франции, после 1994 г. уже внедряли первую версию стандарта ISAD/G и практически одновременно в калифорнийском университете Беркли начали разрабатывать кодированное архивное описание (EAD), позволяющее выкладывать в Интернет и связывать между собой архивные описи, строго соблюдающие иерархию уровней описания. Быстрое внедрение этих новых стандартов сразу же сделало подробные, но не унифицированные описи серии N устаревшими. Поэтому и до сего дня на сайте Венсенского архива доступны только описи серии N в формате PDF, позволяющем поиск по тексту.

Работая с различными делами русских учреждений, хранящимися в этой серии, автор пытался описать некоторые из них по российским стандартам дифференцированного описания и по стандарту ISAD/G и убедился, что это невозможно без просмотра дел: стандартизованное описание, составленное по описи, отличалось от того, при котором просматривались и дела. Эта попытка, впервые предпринятая в 1998 г., получила ироничную оценку шартиста Т. Сармана: «как переписать по-советски французские описи». Автору было важно понять, можно ли, почти не обращаясь к делам, переработать опись серии N в формат ISAD/G или EAD, чтобы выложить в Интернет и связать с другими комплексами источников описания фондов по российской и советской тематике. Это оказалось невозможным, потому что почти в каждом разделе описи серии «N» встречались неправильно сформированные дела или произвольные группировки дел. Критиковать французов за это сложно: в РГВИА тоже переименовали фонд 15304 «Управление военного агента» в «Русскую военную миссию во Франции», оставив в нем документы французской авиационной миссии и французского авиаотряда в России.

Итак, архивные фонды должностных лиц и учреждений РВАД оказались в разных архивах Франции и России, как потому, что в ходе Гражданской войны разные люди сделали разный политический выбор, так и потому, что как минимум одно учреждение – Русская военная база в Лавале, – перешло под французскую юрисдикцию. В обработке каждого крупного фонда были сделаны ошибки в фондировании, а в Венсенском архиве регулярно нарушалось единство уровня описания внутри даже

небольших по объему частей фонда. Период Первой мировой войны многие историки архивного дела считают периодом первого документного бума, а Ш. Кечкемети обоснованно назвал его «Третьей архивной революцией» [6. Р.14]: во время этого конфликта были созданы огромные по объему фонды, последние из которых в России и во Франции были описаны только в 1990–е гг. Вероятно, что некоторые документы и группы дел РВАД не утеряны, а еще не выявлены в силу несовершенства НСА, и историков еще ждут открытия. Очевидно, архивисты будут совершенствовать НСА, готовя его перевод в электронную форму.

Инструменты и риски восстановление виртуального единства фонда. При работе с описями дел РВАД в архивах России и Франции у автора закономерно возник вопрос о возможности связать эти части фонда через описание фондообразователя, используя стандарты, созданные Международным советом архивов (МСА): – «Международный стандарт архивного описания фондообразователя (учреждений и организаций, частных лиц и семей)» (ISAAR–CPF) и его электронной версии «Кодированное описание архивного контекста» (EAC). Но в связи с переходом на «семантический» интернет, для улучшения прослеживаемости архивных источников и справочников в интернете, то есть их привязки к автору (фондообразователю) и к хранящему их архивному учреждению был начат пересмотр 4 стандартов МСА по описанию архивных документов, фондообразователей и их функций, а также архивных учреждений. В России эта проблема была успешно решена при помощи перевода в электронный формат Центрального фондового каталога (см сайт: <http://cfc.rusarchives.ru>), описательные статьи которого значительно проще, чем распространенные в библиотечном деле онтологии в форматах RDF и XML.

Стандарт архивного описания «Архивные документы в контексте» (RiC), призванный заменить 4 стандарта МСА, был задуман как средство преодоления раздробленности архивных фондов: внедрение этой онтологии позволит иметь для одного автора или фондообразователя всего одну учетную (авторитетную) запись. К такой учетной записи автора возможно привязать и его документы из рукописного отдела библиотеки, из фондов музея, и даже его опубликованные тексты. Но в реальности создание такой универсальной учетной записи на автора–фондообразователя в формате RDF представляет некоторые сложности:

Представленная на Международной высшей архивной конференции (CISA) 2014 г. Флоранс Клаво онтология RiC–O сразу же показалась российским архивистам П. Кюngu и В. Прозоровой избыточной для описания фондообразователя: увлекшись «имплицитными

характеристиками объектов», французские архивисты предлагали указывать, что фондообразователь – «человек», «мужчина», «женщина». По-прежнему полагаю, что это совершенно излишне, ведь даже в архивах тех муниципалитетов США, где мэрами являются животные, нет документов, не созданных человеком.

Смогут ли архивисты позволить себе, как рекомендовала Ф. Клаво, выбрать из пилотной модели описания PIAAF (*Pilote d'interopérabilité pour les Autorités Archivistiques françaises*), содержащей более 200 параметров, характеристики, которые они решат указать в описании фонда? Компетенция архивистов позволит им это сделать. Другое дело, что «финансовые ресурсы, которыми располагала наша профессия, постоянно росли вплоть до начала XXI в.», как справедливо заметил Ш. Кечкемети, а сейчас на структурный экономический кризис наложился тот фактор, что «государственное финансирование архивной отрасли не может увеличиваться так же быстро, как ...масса документов» [7, с.368–369]. Ведь если даже на первых этапах перевода текстовых описей в формат EAD архивы использовали не только ручной ввод данных, но и их экспорт с последующей проверкой архивистами, то более трудоемкий перевод описаний в форматах EAD и EAC в формат Ric–O потребовал разработки программ–конверторов. Фирма «SPARNA» разработала и опробовала такой конвертор для Национального архива Франции в 2019 г. Закономерно оказалось, что конвертор создает менее подробные описания фондообразователей, чем специалист, заполняющий модель PIAAF: конвертированные описания содержат 21–28 позиций. Так практика избавила архивистов Франции от сверхтеоретического подхода к описанию фондообразователя. Представляется, что советская традиция составления введения к описям дала множество образцов взвешенного, немногословного и информативного описания фондообразователя. Возможно, что эти описания могут быть достаточно просто переведены в форматы EAC и даже Ric–O.

Описания фондообразователей, созданные на формальном языке, предназначены для публикации в интернете и, в перспективе, для связи с описаниями фондов и документов, созданных этим же лицом, но хранящихся в других учреждениях, в том числе и зарубежных. Казалось бы, создав описание фондообразователя на формальном языке, и опубликовав его в Сети, мы преодолеваем на информационном уровне раздробленность фонда. Однако, чтобы установленные связи между описанием фондообразователя и частями фонда были стабильными, нужно, чтобы каждый объект описания имел свой унифицированный идентификатор ресурса (URI), причем, желательно – стабильный (ARK). И

в этом тоже кроется одна из причин необходимости сохранения именно общего, не раздробленного на десятки объектов и под-объектов описания фондообразователя. Действительно, недопустимо, чтобы при обновлении сайта архива все ссылки (URL) на опубликованные там документы и описи становились недоступными. Проблема здесь в том, что адреса URI и более стабильные адреса ARK суть североамериканские технологии. И если даже Национальный архив Франции сомневается, стоит ли ему использовать для публикации описей систему адресации, созданную в США, нашим архивам нужно тем более об этом задуматься, если согласиться, что в современном информационном пространстве ведется психо-историческая война. Было бы идеальным создать для каждого крупного макрорегиона отдельные стабильные идентификаторы, чтобы доступность нашего культурного наследия не зависела от доброй воли Электронной Калифорнийской библиотеки, создавшей идентификаторы ARK.

Сегодня, в свете риска распада единого мирового экономического и информационного пространства оптимальным является как продолжение публикации бумажных и электронных сборников архивных документов в лучших традициях советской археографии, так и получение от зарубежных партнеров электронных копий документов с размещением их на собственных сайтах.

Эти примеры показывают, что хотя архивисты России и Франции и проделали огромную работу по сохранению и описанию архивов Первой мировой войны, 100 лет спустя после ее окончания мы еще очень далеки от создания единого информационного и архивного пространства памяти о ней.

Библиографические ссылки

1. Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. СПб, 1911.132 с.
2. РГАЛИ Ф. 1403. Оп.1 Д.163 Л.3.
3. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М: Воениздат, 1988. 751с.
4. Игнатъев П. Моя миссия в Париже/ Игнатъев Павел Алексеевич; предисловие Э. Юнга; подборка документов «Французская разведка о деятельности графа П.А Игнатъева» подготовлена В.А. Авдеевым. М.: Гея итерум, 1999.335 с.
5. РГАЛИ Ф. 1403 оп. 1 ед. хр. 771.
6. Kecskeméti Ch. Suveregny disputed claims professional culture essays of archival policies[Texte]/ Charles Kecskeméti. Bruxelles, 2000.
7. Ш. Кечкемети. Взгляд на историю архивоведения // Всеобщая история архивов: История и организация архивного дела в странах Европы: Учеб. Ч. 1. / Ш. Кечкемети, К.А. Мазин, С. Петкова и др.; Отв. ред. Т.И. Хорхордина. М.: РГГУ, 2019.379 с.

СУИЦЫД НА БЕЛАРУСКИХ ЗЕМЛЯХ У XIX СТАГОДДЗІ

Н. І. Станкевіч

*Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Рэспубліка Беларусь, г. Гродна,
вул. Ажэшкі, 22, nata.wdfk@tut.by*

Мы ўжо звикліся з тым фактам, што ў беларускай гісторыі існуе вялікая колькасць спробаў самагубства сярод вядомых палітычных і культурных дзеячаў. Многім вядома, што Тадэвуш Рэйтан, палітычны дзеяч, які выступаў супраць першага падзелу Рэчы Паспалітай, спрабаваў скончыць жыццё самагубствам. Кацярына II, расійская імператрыца, таксама спрабавала прыбегнуць да суіцыду па прычыне таго, што “такая полная волнений жизнь и столько со всех сторон несправедливостей заставили думать, что смерть предпочтительнее такой жизни”. Але скончвалі жыццё не толькі вядомыя і багатыя людзі, але і бедныя – сяляне і мяшчане. І мы нячаста задумваемся, чаму людзі прыбегалі да суіцыду ў XIX ст.? Якімі спосабамі яны здзяйснялі самагубствы? Ці пераплятаюцца прычыны, спосабы і фактары ўплыву самазабойстваў XIX ст. з сучаснасцю?

Ключавыя словы: суіцыд; беларускія землі; самазабойствы; прычыны суіцыда.

СУИЦИД НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX ВЕКЕ

Н. И. Станкевич

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Республика
Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, nata.wdfk@tut.by*

Мы уже привыкли к тому факту, что в белорусской истории существует большое количество попыток самоубийства среди известных политических и культурных деятелей. Многим известно, что Тадеуш Рейтан, политический деятель, выступавший против первого раздела Речи Посполитой, пытался покончить жизнь самоубийством. Екатерина II, российская императрица, тоже пыталась прибегнуть к суициду по причине того, что “такая полная волнений жизнь и столько со всех сторон несправедливостей заставили думать, что смерть предпочтительнее такой жизни”. Но заканчивали жизнь не только известные и богатые люди, но и бедные – крестьяне и мещане. И мы нечасто задумываемся, почему люди прибегали к суициду в XIX в.? Какими способами они совершали самоубийства? Переплетаются ли причины, способы и факторы влияния самоубийств XIX в. с современностью?

Ключевые слова: суицид; белорусские земли; самоубийства; причины суицида.

SUICIDE ON BELARUSIAN LANDS IN THE XIX CENTURY

N. I. Stankevich

*Yanka Kupala Grodno state University, Republic of Belarus, Grodno, 22 Ozheshko str.,
nata.wdfk@tut.by*

We are already used to the fact that in Belarusian history there are a large number of suicide attempts among famous political and cultural figures. Many people know that Tadeusz Reitan, a politician who opposed the first partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth, tried to commit suicide. Catherine II, the Russian Empress, also tried to run to suicide because “such a life full of excitement and so many injustices on all sides made it seem that death is preferable to such a life.” But not only famous and rich people ended their lives, but also the

poor – peasants and burghers. And we don't often wonder why people resorted to suicide in the nineteenth century.? How did they commit suicide? Are the causes, methods and factors of influence of suicides of the XIX century intertwined with the present?

Keywords: suicide; Belarusian lands; suicides; causes of suicide.

XIX ст. – супярэчлівы і складаны перыяд. Менавіта ў гэты час на беларускіх землях змяніўся ўвесь уклад жыцця людзей, бо яны аказаліся пад уладай Расійскай імперыі. У грамадстве адбываліся сур’ёзныя змены: на беларускіх землях апынулася шмат расійскіх чыноўнікаў, улады пачалі прымушаць народ прымаць праваслаўную веру. Не раз з боку беларусаў падымаліся паўстанні, накіраваныя на захаванне Рэчы Паспалітай. Змены закранулі і эканоміку: адкрываліся фабрыкі, актыўна развівалася прамысловасць. Гэтыя працэсы, несумненна, уплывалі на жыццё людзей, і кожны ўспрымаў гэта па-свойму. Некаторыя змаглі прыспасобіцца да новага жыцця, а некаторыя – не. Дарэчы, беларускія землі, у большай частцы Менская, Магілёўская, Віцебская, Гарадзенская і Віленская губ., уваходзілі ў лік губерняў з высокім паказальнікам самагубстваў.

Самазабойствы як сацыяльная з’ява насілі ўсесаслоўны характар, але прычыны для сялян, мяшчан, шляхцічаў былі розныя: дрэнны маёмасны стан, цяжкая хвароба, нешчаслівае каханне, сваркі з адміністрацыяй, страх перад пакараннем за здзейсненае злачынства і інш. Яны залежалі ад гендэрнага фактару. Напрыклад, жанчыны больш уражлівыя, таму яны часцей скончвалі жыццё праз нешчаслівае каханне, а мужчыны часта здзяйснялі суіцыд таму, што гублялі рэпутацыю ў грамадстве (спушташэнне гаспадаркі, вялікія даўгі і інш.).

Дынаміка самазабойстваў была таксама рознай. У спакойныя часы самазабойстваў было менш, а падчас лёсаноных для дзяржавы падзей (вайна з Напалеонам Банапартам 1812 г., паўстанні 1830–1831 і 1863–1864 гг., накіраваныя на захаванне Рэчы Паспалітай у межах 1772 г.) колькасць самазабойстваў значна павялічвалася (прычыны апісваюцца ў артыкуле).

Самазабойстваў сярод жанчын было менш, чым сярод прадстаўнікоў мужчынскага полу, і адносіцца дадзены факт для прадстаўнікоў кожнага саслоўя, як для сялян, так і для шляхты. Напрыклад, у 1870–1894 гг. здзейснілі суіцыд 4.1 % мужчын, а жанчын – 1 % [1]. К. Весялоўскі, рускі эканаміст і географ XIX ст., тлумачыць гэта “пластычнасцю жанчын, накіраванасцю іх душ унутр сябе, мужчыны жа знаходзяцца ў барацьбе са светам, з самімі сабой, таму ім цяжка прыспасобіцца да умоў, якія з’яўляюцца для іх непрыемнымі” [3, с. 22].

Улада адносілася да спроб самагубства сярод грамадства варожа. Дзяржаўнае заканадаўства Расійскай імперыі, якое распаўсюджвалася і на беларускія землі, трактавала самазабойства як злачынства і карала за

замах. Ваенным і Марскім артыкуламі Пятра I пастанаўлялася, што “ежели, кто себя убьет, то мертвое его тело, привязав к лошади, волоча по улицам, за ноги повесить, дабы, смотря на то, другие такого беззакония над собою чинить не отваживались”. Па зводу крымінальных законаў, той, хто спрабаваў скончыць жыццё самагубствам, павінен быў быць адпраўлены на катаржныя працы і быць пазбаўленым хрысціянскага пахавання. Трэба зауважыць, што самазабойцы, якія спрабавалі зысці са свету жывых у стане страты розуму ці псіхічнага засмучэння, каральнымі не былі. Гэта спрыяла таму, што часта родзічы ці суседзі самазабойцы хлусілі аб тым, што ён быў у стане страты розум, і вялікую частку самазабойцаў улада не карала [17].

Верным саюзнікам улады ў барацьбе з самагубствамі з’яўлялася царква. Добраахвотнае пазбаўленне сябе жыцця, нават калі яно ўяўляе сабой уцёкі ад пакут, заўсёды ўспрымалася як цяжкі грэх, які Царква на зямлі ўжо не магла адпусціць. Па царкоўных канонах самагубцаў і нават падазраваных у самагубстве нельга было адпяваць у храме, памінаць у царкоўнай малітве.

На аснове ведамасці здзейсненых самагубстваў у Ваўкавыскім уездзе ў 1841 годзе прааналізуем асноўныя спосабы суіцыду. Першае месца займае самапавешанне (у Ваўкавыскім уездзе за 1841 год павесілася 5 чалавек), што тлумачыцца даступнасцю гэтага спосабу (вяроўка і мыла, неабходныя для самазабойства дадзенага тыпу, былі ў кожнай хаце). Далей з вялікім адрывам ідуць:

Прымяненне агнястрэльнай і халоднай зброі. Трэба адзначыць, што спроба скончыць жыццё дадзеным спосабам была характэрна ў асноўным для прадстаўнікоў шляхцянскага круга мужчынскага полу, бо сяляне і мяшчане зброі не мелі па прычыне дрэннага маёмаснага стану, а жанчыны–шляхцянку не ўмелі ёю карыстацца.

Утапленне, характэрнае ў асноўным для жанчын, мабыць, таму, што большая іх частка баялася крыві і жадала лёгкай смерці. Зафіксаваны выпадкі ўтаплення як у адкрытых вадаёмах, так і ў калодзежах. Мяшчане, у адрозненне ад сялян, дадзены спосаб суіцыду, асабліва ўтапленне ў адкрытае вадаёме, выкарыстоўвалі не так часта;

Атрुчэнне (жанчыны часта выкарыстоўвалі раствор фосфарных запалак, мужчыны жа – мыш’як);

Падзенне з вышыні [10].

Часцей усяго заканчвалі сваё жыццё самагубствам **сяляне**. Таму спачатку пагаворым пра прычыны самагубстваў сярод сялян. Асноўнымі прычынамі было іх цяжкае прававое і матэрыяльнае становішча, а таксама жорсткасць з боку памешчыкаў і арандатараў. Так, у с. Алексінцы у 1854 г.

селянін памешчыка Альшанскага вешаўся на дрэве, але быў выратаваны, а справу гэтую ўтаілі ад паліцыі. У архівах сказана, што “в прошлом 1854 г. помещик Ольшанский, имея к крестьянину своему Луке Дузяку злобу, наказывал его разновременно несколько раз” [4].

У XIX ст. часта можна было сустрэць незаконнанароджаных дзяцей сялянскіх, бацькамі якіх з’яўляліся простыя сяляне ці памешчыкі, якія дзяцей не прызнавалі, а ў маці не хапала грошай самастойна пракарміць дзіця і вытрымаць пазора ад таго, што яна нарадзіла “байструка”, таму ў выніку сялянка забівала спачатку немаўлятка, а потым сябе.

Зразумела, што часта ў сялянскіх сем’ях былі дрэнныя адносіны паміж яе членамі, што парой заходзіла так далёка, што прыводзіла маладых, яшчэ нявопытных людзей да самагубства. Так, сялянка Ігуменскага павет Вера Дзярках ўтапілася разам са сваім шасцімесячным дзіцём у прыпадку адчаю з–за прыгнёту з боку свёкра і свякрухі [17].

Паміма таго, у сялянскіх сем’ях рукапрыкладства мужыка ў адносінах да жонкі было звычайнай з’явай, таму часта жанчыны зыходзілі з свету таму, што не маглі выцягнуць жорсткіх пабоеў з боку мужыка. Як вядома, у тыя часы развод быў забаронены, у сувязі з чым жанчына, хацеўшы пазбавіцца ад здзекаў, здзяйсняла самагубства.

Таксама сялянін мог пакончыць з сабою ў сувязі з забойствам, парой не зусім абгрунтаваным і зробленым у прыпадку злосці і агрэсіі. Так, селянін Пінскага павета Пётр Леонавец павесіўся пасля забойства сваёй жонкі Наталлі, здзейсненага з рэўнасці і нежадання далей жыць [17].

Самагубства некаторых сялян было выклікана стратай дарагога чалавека. Так, селянін Навагрудскага павета 51–гадовы Пётр Дроздзь няўдала спрабаваў зарэзацца нажом. Пасля аказання яму медыцынскай дапамогі ён прызнаўся, што падставай да самагубства “паслужыла акалічнасць, звязаная са смерцю яго жонкі, пасля якой адбыўся поўны беспарадак ў сям’і і па гаспадарцы, чаму ён яшчэ ў мінулым годзе вырашыў пакончыць з сабой, так як з кожным днём жыццё для яго становілася невыносным” [17].

Для сялянскага мужчыны паказальнікам яго статусу з’яўлялася яго гаспадарка, таму ў выпадку спусташэння ці даўгоў часта мужчыны не вытрымлівалі і зыходзілі са свету.

Таксама прычынай самагубства, характэрнай менавіта для мужчын, з’яўляецца п’янства. Часта ў стане моцнага алкагольнага ап’янення мужчыны здзяйснялі суіцыд. Дадзеная праблема была характэрна для мужчын як сталага ўзросту, так і маладога. Праўда, у рэдкіх выпадках гэта адносілася і да жанчын, часцей да тых, хто займаўся прастытуцыяй [20].

Прычынамі суіцыду сялянскіх дзяцей з'яўляліся няўдачы ў вучобе, гвалт з боку равеснікаў і канфлікты з настаўнікамі. Праўда, на вёсцы было мала адукаваных людзей, таму дадзеная прычына не была распаўсюджана.

Незалежна ад гендэрнага фактару зыходзілі са свету тыя, хто пакутаваў ад цяжкой хваробы ці псіхічнага растройства. Сярод сялян, у параўнанні з іншымі саслоўямі, гэтыя прычыны былі больш распаўсюджаны, таму што сувязь з дактарамі практычна не было, а прычын для псіхічнага растройства таксама было значна больш, чым у шляхты (цяжкі маёмасны стан, нараджэнне “байструка” і г.д.).

Даследчык П. Сарокін у сваёй працы адзначаў, што “больш іх (г. зн. самагубстваў) летам, затым варта вясна, за вясной восень, а мінімум прыходзіцца на зіму [20, с. 45]. У аграрным календары менавіта лета з'яўлялася для сялян самым цяжкім перыядам, які патрабуе ад іх максімальнага напружання фізічных і душэўных сіл. Напэўна, некаторым з іх не хапіла моцы ў барацьбе з жыццёвымі выпрабаваннямі [16]. З гэтай жа прычынай можна звязаць і той факт, што колькасць самагубстваў узрастала ў неўражайныя гады.

Месца самагубства, як правіла, выбіралася побач з домам, часцей за ўсё гэта былі гаспадарчыя пабудовы: хлёў, гумно, лазня і т. п. Радзей павешаных знаходзілі ва ўласным доме або ў яго сенцах [16].

Трэба таксама адзначыць, што некаторыя сяляне здзяйснялі самагубства ў гарадах. Сарокін, выяўляючы прычыны гэтай з'явы, адзначаў: “Селянін прыходзіць у горад, трапляе ў шумны, мнагалюдны натоўп, становіцца “фішкай” і “нумарам”; глыбокае адзіноцтва і адсутнасць падтрымкі ў патрэбную хвіліну даводзіць адных да злачынства і запою, іншых – да адчаю і смерці” [20, с. 33].

Гарадскія жыхары (мяшчане) былі менш схілены да суіцыду, але выпадкаў таксама было шмат. Падставай да іх маглі быць сур'ёзныя прычыны, у першую чаргу звязаныя з маёмасным ці прафесійным станам, напрыклад, падлог ці выраб фальшывых грошай: “7-го числа в 7 часов вечера в Гродно мещанин еврей Лейба Кемпанский в ночной патруль, будучи пьян, лёг спать. Между тем, подозревая в покупке у еврея фальшивых денег, служитель полицейский Абрамъ, когда нашёл у него спящего 1 рубль, представил их в дом квартальному надзирателю Глотову, то по приходу сего еврей Лейба тотчас был заперт в тёмную каморку, в которой спустя несколько часов найден был мёртвым. На следующее утро было его тело осмотрено врачом, и был найден знак на шее, произведённый при удавлении. Медицинский чиновник свидетельствует, что смертельные последствия последовали от личного удара” [11].

Маладыя мяшчанкі часта падвяргаліся гвалту з боку мужчын, у выніку чаго сканчвалі сваё жыццё самагубствам. У 1820 годзе Варвара Жукоўская, мяшчанка, якая была на ўслужэнні ў сям’і адстаўнога унтэр-афіцэра, была ім жа згвалтавана: ”25 Іюня 1820 г. Юлія Васільковская вышла на базар за покупкаю говядзіны, а она, Варвара, по приказанію Васільковскай очищала для варения щавель, то прапорщик Шпарц, посадив её, как одни говорят, на колени, другие, что прижимая к себе и шевеля руками под пахи, что опрокинув на стол, намеревался насильничать. Из-за крика и стремления уйти была Шпарцем бита по голове и лицу. Она была перепугана каким-то страшилищем” [12].

Праз некаторы час малалетняя дзяўчына атруцілася. Была вялікая верагоднасць таго, што яна скончыла сваё жыццё самагубствам у сувязі з гвалтам мужа Васількоўскай, але “лекарь и старшая повивальная бабка в выдаче свидетельства прописали, что на умершей Варваре Жуковской снаружи никаких изъяснительных знаков, кроме сыпоти, которая произойти может от ужасных во время конвульсий бросаний. В нижней части всё в надлежащем образе, только невинное место или кожа разорвана, что окровавление причинилось отъ сильных конвульсий, во внутри неосмотрено по причине нездорового бетенного яда” [12].

Магчыма, дыягназ доктара быў сапраўдны, але магло быць і такое, што лекар і павівальная бабка сказалі гэта пад націскам унтэр-афіцэра, які жадаў пазбегнуць турэмнага заключэння.

Маладыя мяшчане маглі накласці на сябе рукі праз нешчаслівае каханне. У Пінску 18-гадовы Фаўст Малінін, які працаваў пісарам у інжынера Дзіміча, застрэліўся ў публічным доме. Прычына яго самагубства стала вядома паліцыі па пакінутых ім нататках і вершах на двух пустых каробках з-пад цукерак, у якіх ён просіць не вінаваціць нікога ў ягонай смерці, бо ён пазбаўляе сябе жыцця добраахвотна з-за кахання да прастытуткі Хенрыкі Гуткоўскай.

Так, мінскі мяшчанін Якаў Захараў атруціўся мыш’яком з-за адмовы каханай дзяўчыны выйсці за яго замуж [7].

Сярод мяшчанскіх дзяцей ва ўзросце ад 8 да 18 гадоў назіраўся рост самазабойстваў на экзаменацыйную пару. Прычыны гэтых самазабойстваў былі звязаны з немагчымасцю ўсталявання добрых кантактаў з равеснікамі, а ў большасці з няўдачамі ў вучобе і канфліктах з настаўнікамі. Вядома, што ў школах XIX ст. былі жорсткія спосабы навучання. Яны ўключалі і метады устрашэння, і фізічныя пакаранні, таму дзеці баяліся пакарання. Так, сын рэвізора Маскоўска-Брэсцкай чыгункі, вучань 3 класа мінскай гімназіі Аляксандр Пятроў застрэліўся, пакінуўшы

запіску бацькам з тлумачэннем прычыны тым, што ён не перайшоў у наступны клас [8].

Расчараванне ў жыцці, немагчымасць дасягнуць жаданага таксама станавіліся прычынай самагубстваў маладых людзей. Дачка пінскага мешчаніна Цяльпук Найдзіч атруцілася карболовой кіслатай таму, што не паступіла на акушэрскія курсы за адсутнасцю сродкаў [17].

Мяшчане маглі здзейсніць самагубства і праз бедны маёмасны стан. Напрыклад, Борах Зайдэнберг, былы рабочы тытунёвай фабрыкі, зайшоўшы ў малітоўную школу «Клойс» у г. Пінску, атруціўся карболавай кіслатай. Тым, хто прыбег на дапамогу, ён патлумачыў свой учынак тым, што яму няма чаго есці [9].

Таксама мяшчане прыбягалі да суіцыду, калі іх падазравалі ў забойстве.

У **шляхты** былі іншыя прычыны для таго, каб “налажыць на сябе рукі”. Важную ролю іграў узрост самазабойцы. Калі гаворка ідзе аб сталых палітычных дзеячах, то яны забівалі сябе ў асноўным праз тое, што не маглі адстаяць сваю пазіцыю, прыкладам чаму з’яўляецца жыццё Тадэвуша Рэйтана – адданага Бацькаўшчыне чалавека, які пад час першага падзела Рэчы Паспалітай у знак пратэсту лёг у парозе, загарадзіўшы дарогу паслам сейма. А потым, у 1795 г., дазнаўшыся аб тым, што яго Радзіму ўсе—такі разрабавалі, павесіўся.

Таксама прычынай суіцыду маглі з’яўляцца цяжкія адносіны падначаленага з кіраўніцтвам ці супрацоўнікамі, прыкладам чаму служыць жыццё шляхціча Ігнація Ігнатовіча Ваўкавыскага уезда, які застрэліўся з ружжа па прычыне таго, што адміністрацыя падазравала яго ў злоўжыванні абавязкаў: “В седьмой департамент по рассмотрению дела, поступившего на ревизию из Волковысского гродского суда о застрелившем себя из ружья шляхтича Игнатия Игнатовича решением 13 дня 1820 года заключено: как из произведенного по сему делу открывается, что служитель в имении графини Потоцкой писарем питейного дохода шляхтич Игнатий Игнатович марта в 14 день 1819 года выстрелил из ружья наедине и никто к смерти его непричиним. Поводом для совершения такового зла над собой было нечто иное, как собственная его страсть досады, увеличившаяся от подозрения администрации в злоупотреблении его, Игнатовича, своих обязанностей” [14].

У газеце “Наш край”, якая выдавалася ў Брэст–Літоўску, апісваецца самагубства станавага, верагодна, па гэтай жа прычыне: “На хуторе Фролово Саратовской губернии застрелился пристав—дворянин Сутулов. Причина загадочная. Самоубийство совпало с приездом на хутор окружного атамана и судебного пристава” [13].

Таксама асобным пунктам трэба выдзеліць **ваенных**. Пад час вайны 1812 года, якая адбылася на значнай частцы беларускіх зямель, назіраліся выпадкі, калі на фронце ваенныя самі забівалі сябе ці прасілі іх забіць, каб не пакутаваць. З успамінаў французскага афіцэра Комба аб бітве пры Барадзіно, калі адзін цяжкапаранены польскі афіцэр папрасіў забіць яго: “Узарваная граната адрэзала яму пазваночнік і бок, гэтая жудасная рана, здавалася, была нанесеная вострай касой” [25, с. 42]. Комб не змог выканаць просьбу параненага, аднак даў яму пісталет: “Я ўсё ж паспеў заўважыць, з якой дзікай радасцю схапіў ён пісталет, і я не быў ад яго далёка, як ён пусціў сабе кулю ў лоб” [25, с. 44].

У Вільні жа адбываліся выпадкі свядомага самаспалення сярод французай. З успамінаў графіні Шуазель–Гуффе: “Нягоды настолькі пагасілі ў няшчасных пленніках самасвядомасць жыцця, што, ахопленыя непераможнай апатыяй, яны падпальвалі пол сярод пакоя, садзіліся вакол і падвяргалі сябе павольнаму самаспаленню” [18].

У Мінскай губерні нараду з Санкт–Пецяrbургам і Масквою назіралася самая вялікая колькасць самазабойстваў у 1830–40–х гадах. Пасля паўстання 1830–1831 гг., накіраванага супраць уладарання Расійскай імперыі на беларускіх землях і скончанага паражэннем, шматлікія яго ўдзельнікі былі падвержаны высылкам, арэстам і г.д. Некаторыя паўстанцы, сэрцам адданыя справе, не змаглі перажыць разгрому і вырашылі скончыць жыццё самагубствам. У ліку такіх адзін з актыўных паўстанцаў Міхаіл Валовіч. Ён спрабаваў застрэліцца, але пісталет даў асечку.

Тое ж можна сказаць і аб паўстанні 1863–1864 гг., калі некаторыя яго ўдзельнікі, такія, як Бржэскі Леапольд, які “за намер пазбавіць сябе жыцця” быў асуджаны ваенным судом [19].

Асаблівае месца сярод самагубстваў займаюць тыя, якія здзяйсняліся пад **уздзеяннем уяўленняў аб гонару**. У дадзеную групу можна аднесці суіцыды, выкліканыя жаданнем захаваць дваранскі гонар. XIX ст. спарадзіла так званую амерыканскую дуэль. Сутнасць яе заключалася ў тым, што паядынак паміж яе ўдзельнікамі выключаўся. Наўзамен ім трэба было цягнуць жэрабя. Той, хто яго выцягнуў, абавязваўся ў абумоўлены тэрмін здзейсніць самагубства. Узнікненне такой формы было абумоўлена існавалым пакараннем за ўдзел у дуэлі, яна дазваляла пазбегнуць не толькі кары за паядынак, але і непажаданай агалоскі. Таксама яна магла быць прапанавана тады, калі не прыстала адкрытая дуэль, напрыклад, з–за высокай пасады аднаго з дуэлянтаў або вялікай розніцы ва ўзросце паміж імі.

Рапарт паліцмейсцера даносіць да нас звесткі пра самагубства сына тытулярнага дарадцы Рычарда Лунскага сямнаццаці гадоў, які застрэліўся з рэвальвера на Набярэжнай вуліцы г. Мінска. Паліцыі ён пакінуў запіску з просьбай нікога не вінаваціць у яго смерці. У іншай ж, загадзя адпраўленай гаспадару кватэры, дзе ён жыў, стацкаму дарадцы Язэпу Дулевічу малады чалавек выклаў сапраўдную прычыну – неабходнасць выканаць абавязак па ўмовах амерыканскай дуэлі. Верагодна, гэтым ён спрабаваў пазбегнуць непажаданай агалоскі і даверыў сваю таямніцу іншаму двараніну, які не палічыў патрэбным яе захаваць.

Такім чынам, асноўнымі прычынамі здзяйснення суіцыду з’яўляліся дрэнны маёмасны стан, безработніца, цяжкая хвароба, страта аўтарытэту ў грамадстве, нешчаслівае каханне, сваркі з адміністрацыяй, страх перад пакараннем за здзейсненае злачынства. Асноўныя спосабы здзяйснення самагубстваў – утапленне, прымяненне халоднай і агнястрэльнай зброі, павешанне. Трэба заўважыць, што прычыны самагубстваў цалкам залежалі ад гендарнага фактару. Але, кажучы пра суіцыд як пра сацыяльную з’яву, нельга забываць, што ўсё ж такі, у першую чаргу, ён з’яўляецца фактам асабістай біяграфіі, і пры ўсіх дапушчальных абагульненнях і параўнаннях застаецца ўнікальнай падзеяй у кожным асобным выпадку.

Трэба таксама заўважыць, што вынікі даследавання адносяцца менавіта да беларусаў, нягледзячы на тое, што на беларускіх землях пражывалі і яўрэі. Па ўспамінах бабулі – яўрэйкі Паліны Венгеравай, у той час суіцыд сярод яўрэяў быў вялікай рэдкасцю, таму што вера ў слова Бога і замагільнае жыццё прыносіла ім спакой ва ўсіх зямных праблемах [2, с. 125].

У выніку аналізу статыстычных матэрыялаў высокі ўзровень самагубстваў сярод жыхароў беларускіх зямель з’яўляўся адной з важнейшых праблем XIX ст. Дадзены фактар даказвае тое, што грамадства знаходзілася ў нездаровым стане. Але, калі правесці паралель паміж мінулым і сучасным, то вялікія змены заўважыць цяжка. На сённяшні дзень беларускае грамадства таксама знаходзіцца ў маральным упадку, і сярод беларусаў XXI ст. таксама назіраецца высокі ўзровень самазабойстваў. А. П. Гелда, беларускі псіхіятр, адзначаў, што на сённяшні дзень у асноўным скончваюць сваё жыццё самагубствам тыя, хто займаецца цяжкай фізічнай працай і атрымлівае нізкую зарплату. З гэтага зыходзіць, што асноўнымі прычынамі самагубстваў сярод сучаснага грамадства з’яўляюцца нізкі ўзровень жыцця – дрэнны маёмасны стан. Другаснымі прычынамі з’яўляюцца неўзаемнае каханне, немагчымасць зносіць хваробу і інш.

Прааналізаваўшы прычыны і спосабы здзяйснення самагубстваў у ХХІ ст. і параўнаўшы іх з сітуацыяй ХІХ ст., можна зрабіць вынік, што прычыны самагубстваў практычна аднолькавыя, і спосабы таксама не вельмі адрозніваюцца. Самае цікавае, што як у мінулым, так і ў сучасным людзям не хапае грошай, бо асноўнай прычынай самагубстваў у абодвух выпадках з’яўляецца цяжкі маёмасны стан. Але, як пісаў М. В. Шалгуноў, рускі публіцыст і літаратурны крытык, калі ліквідуюцца прычыны, якія ствараюць гэтыя праблемы, знікнуць эканамічныя бедствы, чаму вучаць нас эканамічныя і сацыяльныя веды, то ў такім выпадку знікне палова самазабойстваў. І сапраўды, калі мы не ліквідуем прычыны, якія ствараюць выпадкі самагубстваў, то не пойдзем далей.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Алкогольная смертность в Российской Империи в 1870-1894 годах // Институт демографии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0461/analit01.php#_FN_16. – Дата доступа: 07. 07. 2018
2. Венгерова П. Очерки культурной истории евреев России в XIX в. / П. Венгерова. – Москва, 2003. – с. 234 с.
3. Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики в России / К. С. Веселовский. – СПб., 1847. – с.39.
4. Дело о покушении на самоубийство крестьянина Дузяка из-за боязни наказания его помещиком Олышанским за плохо выполненную работу. 16.07.1855г. – 28.07.1855.
5. Екатерина II. Сочинения / Сост. и примеч. В. К. Былинина и М. П. Одесского. – М., "Современник", 1990. – 290 с.
6. Крупская Н. Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа / Н. Крупская. – Свободное воспитание, 1910-1911. № 10. С. 5.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 66.
8. НИАБ. – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 7407.
9. НИАБ. – Ф. – 295. – Оп. 1. – Д. 7830.
10. Национальный Гродненский архив Беларуси. – Ф.2. – Оп. 180. – Д. 79
11. НГАБ. – Ф. 2. – Оп. 20. – Д. 49
12. НГАБ. – Ф. 2. – Оп. 18. – Д. 15
13. НГАБ. – Ф. 3. – Оп. 23. – Д. 6
14. НГАБ. – Ф. 2. – Оп. 18. – Д. 47
15. Новосельский С.А. Статистика самоубийств. Отдельный оттиск из журнала «Гигиена и санитария» №№ 8,9,10. СПб. 1910. С. 5
16. Самоубийства крестьян в российской деревне конца XIX – начала XX века // Исторический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/079/73966.php>. – Дата доступа: 12. 07. 2018
17. Самоубийства на белорусских землях в начале XX века // Институт белорусской истории и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inbelhist.org/samoubijstva-na-belaruskix-zemlyax-v-nachale-xx-veka/>. – Дата доступа: 22. 06. 2018

18. Самоубийцы эпохи Наполеона // Все тайны эпохи человечества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://x-files.org.ua/articles.php?article_id=3587. – Дата доступа: 12. 07. 2018
19. Сводный список участников восстания 1863-1864 г. // Моё семейное дерево [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statuyam/восстания/восстание-1863-1864-г.г/сводный-список-участников-восстания-1863-1864-г.html>. – Дата доступа: 12. 07. 2018
20. Сорокин П.А Самоубийство как общественное явление / П. А. Сорокин. – Рига: Наука и жизнь, 1913. – с. 45.
21. Станіслаў Аўгуст Панятоўскі (1732-1798) // Бібліятэка гістарычных артыкулаў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <http://www.jivebelarus.net/history/faces/Stanslaw-August-Poniatowski.html>. – Дата доступа: 07.08.2018
22. Суицид в среде крестьянской молодежи (конец XIX — начало XX века) // Электронные журналы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_19039.html. – Дата доступа: 11. 04. 2018
23. Розов Н.И. О наружном осмотре мертвых тел, производимом врачами по требованию полиции. “Архив Судебной Медицины и общественной гигиены” 1869 (1): 81-83
24. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Глава II, раздел 10, стст. 1016, 1017, 1472.
25. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. – М., 1912. – с. 144 – 147.

БЕЛАРУСКІ СЛЕД ПЕРАМЕШЧАННЫХ Ё 1940–45 ГГ. ФРАНЦУЗСКІХ БІБЛІЯТЭК І АРХІВАЎ: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

А.М. Сцебурака

*Дзяржаўная ўстанова адукацыі "Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы"
Маскоўская 15, 200007, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь. Steburaka@tut.by*

Артыкул прысвечаны праблеме вывучэння французскіх бібліятэк, канфіскаваных нацыстамі ў гады Другой сусветнай вайны і якія былі перамешчаныя ў 1945 годзе ў Беларусь. Аўтар дае характарыстыку галоўных кніг і публікацый, якія фарміруюць французскую традыцыю вывучэння дадзенай праблемы. Аналізуюцца таксама асноўныя дакументальныя фонды ў французскіх архівах, якія з'яўляюцца гістарычнай крыніцай для распрацоўкі акрэсленага пытання.

Ключевые слова: гістарыяграфія; рэстытуцыя; гісторыя прыватных бібліятэк

THE BELARUSIAN TRACE OF FRENCH LIBRARIES AND ARCHIVES DISPLACED IN 1940–45: STATE OF THE ART

A. Stseburaka

*State institution of education "National Institute For Higher Education"
Moskovskaya 15, Minsk, 200007, Republic of Belarus Steburaka@tut.by*

The article examines the study of French libraries confiscated by the Nazis and moved to Belarus in 1945. The author focuses on the major books and other publications within the French tradition of studying of this problem. The article also deals with documentary funds in the French archives which can be used as primary sources for further study of the issue.

Key words: historiography, restitution, history of private libraries

Важная і балючая для беларускай гісторыі праблема страты культурных каштоўнасцяў цягам Другой сусветнай вайны мае шмат асобных аспектаў. Культурны скарб нашай нацыі быў сур'ёзна зменшаны праз знішчэнне і вываз архіўных фондаў ды бібліятэчных кнігазбораў, пошук якіх працягваецца да зараз высылкамі асобных навукоўцаў ды адмысловай камісіі “Вяртанне”¹ У 1945 г. ў БССР вярнулася пэўная частка кніг з беларускіх бібліятэк, папярэдне вывезеных акупантамі. Сярод гэтых выратаваных фондаў, прывезеных у Мінск, значаная частка дакументаў мела заходнееўрапейскае паходжанне, аб чым добра ведала савецкая ўлада. Такім чынам у сталіцы Беларусі з’явіліся сотні тысяч кніг з прыватных бібліятэк, канфіскаваных нацыстамі ў Заходняй Еўропе (пераважна

¹ “Камісія па выяўленні, вяртанні, сумесным выкарыстанні і ўвядзенні ў навуковы і культурны ўжытак культурных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь”. Выдадзеныя ёй зборнікі “Вяртанне: артыкулы, дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошукаў і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь” і адпаведныя раздзелы сайта “Культурныя каштоўнасці” (“Выданні”, “Рукапісы”, “Друкаваныя кнігі”) даюць агульнае ўяўленне аб памеры стратаў і адсотку выяўленых за межамі краіны фрагментах нашай архіўнай ды кніжнай спадчыны [19].

кнігазборы з Францыі, Бельгіі і Галандыі). [10] Адразу пасля вайны пачаліся пошукі гэтых бібліятэк краінамі–былымі ўласнікамі, што суправаджалася дзейнасцю спецыялізаваных інстытуцый, з’яўленнем адпаведных выданняў і фарміраваннем архіўных фондаў. У артыкуле мы паспрабуем даць беглы гістарыяграфічны агляд асноўных публікацый на гэтую тэму і акрэсліць месцы захоўвання архіваў, што праліваюць святло на працэс пошуку і выяўлення заходнееўрапейскіх кніг і архіваў, перамешчаных у БССР.

Улічваючы, што гэта тэма вельмі аб’ёмная, агаваруся, што будзе разглядацца пераважна французская гістарыяграфія праблемы. Тут варта вылучыць некалькі сюжэтаў, якія цікавілі даследчыкаў: прычыны і механізм рабаўніцтва бібліятэк акупацыйнай адміністрацыяй, вываз і перамяшчэнне кнігазбораў у межах Трэцяга Рэйху, пошук кніг і архіваў пасля завяршэння вайны ў Еўропе, спробы вяртання “двойчы скрадзеных” бібліятэк з СССР. Безумоўна, для беларускай гісторыі найбольш цікавыя апошнія два кірункі, бо яны сутнасна звязаныя з гісторыяй з’яўлення ў нас еўрапейскіх кніжных калекцый.

Адной з ключавых постацей у пошуку скрадзеных культурных каштоўнасцей у музеяў, прыватных асоб (пераважна яўрэяў), масонскіх ложаў у паваенны час была Роза Валан (Rose Valland). Яна працавала ў Камісіі па вяртанні культурных каштоўнасцяў, якая дзейнічала ў зоне кантролю хаўруснікаў. Велізарны масіў дакументаў, звязаны з яе пашуковай працай сёння прадстаўлены ў Дыпламатычным архіве Францыі (Centre des Archives diplomatiques) ў выглядзе асобнай калекцыі. [2, с. 168–176] Праведзеная мною знаёмства з дакументамі гэтага фонду ў 2015, 2017 і 2019 гг. паказала, што матэрыялы архіва надзвычай цікавыя для беларускага даследчыка пытання лёсу французскіх дакументаў у Мінску. Ведаючы імёны гаспадароў фрагментаў прыватных бібліятэк¹ наяўных у беларускіх калекцыях, дакументы гэтага архіва дазваляюць прасачыць дэталі канфіскацыі, пошукаў і, часам, частковага вяртання гаспадарам. Адпаведна, калекцыя “209 SUP”, якая налічвае 1093 справаў за 1944–1974 гг., з’яўляецца каштоўнай крыніцай інфармацыі аб спробах пошуку зніклых часам вайны французскіх бібліятэк іх уласнікамі ці спадкаемцамі праз вышэйназваную камісію. У кантэксце кніжнай справы нам важныя дакументы, што сфарміраваліся цягам працы “Службы па зборы кніг, архіваў, рукапісаў і аўтографаў”, якую з 1945 г. да 1949 г. ўзначальваў

¹ Крыніцай ведаў аб найбольш знакавых інтэлектуалах Францыі, чые бібліятэкі апынуліся ў Беларусі, можа быць шэраг адпаведных публікацый, але найперш электронны каталог НББ. [10] У ім вылучаная калекцыя “Французскія аўтографы”, дзе ўлічаныя сотні адрасатаў дарчых надпісаў, экслібрысаў, суперэкслібрысаў.

гісторык Каміль Блох (1865–1949). А надалей галоўнай фігурай у ёй з’яўлялася бібліятэкарка Джэні Дельсо (1896–1977). Дакументы па выніках працы гэтай камісіі згрупаваныя ў справах №921–927, 1061–1065, 1100–1145 “Commission de récupération artistique / Sous-commission des livres (1944–1950)”.

Другі значна меншы масіў дакументаў аналагічнага зместу адклаўся ў Нацыянальным архіве Францыі: Архіў падкамісіі па кнігах (F/17 (фонд Камісіі па вяртанні культурных каштоўнасцяў; справы – з F/17/17974 да F/17/17996)). Сярод гэтых дакументаў ёсць запоўненыя самімі гаспадарамі страчаных бібліятэк запыты з апісаннем кніг і рукапісаў. Працаваць з імі дастаткова цяжка, бо яны часцей за ўсё напісаныя ад рукі, радзей машынапісныя, на паперы розных памераў і якасці, з рознай ступенню дэталізацыі інфармацыі і разборлівасцю.

Дзейнасць Камісіі па вяртанні культурных каштоўнасцяў асвятлялася ў прэсе, суправаджалася значнай колькасцю публікацый, правядзеннем тэматычных выставаў, дзе адшуканыя кнігі займалі не апошняе месца. Так, у 1949 г. у Парыжы прайшла выстава вернутых каштоўных рукапісаў, старадрукаў, кніг з мастацкімі вокладкамі. У прадмове да адмысловага каталога выдання аптымістычна адзначалася: “За гэтымі першымі вагонамі было шмат іншых і вяртання кніг пакуль не завершана: у той час, калі гэты каталог знаходзіўся ў друку, з Чэхаславакіі паведамлілі аб знаходцы складу з 13000 тамоў. Калі–небудзь будзе напісана аб вяртанні–адысеі гэтых кніг, якія былі складзеныя ў кубічныя метры, дзіка перамяшаныя, скрадзеныя па ўсёй Францыі ў шкаляроў, настаўнікаў, бібліяфілаў. Шэдэўры, самыя вытанчаныя асобнікі, рарытэты былі пераблытаныя з дэтэктаўнымі раманамі і падручнікамі.” [11, с. 7]. Але, як нам сёння вядома, большасць кніг з Чэхаславакіі і Польшчы накіраваліся ў той час ва ўсходнім кірунку і аселі ў Маскве і Мінску. 1 Не было гэта сакрэтам і для Камісіі па вяртанні культурных каштоўнасцяў, аднак пры Сталіне ў СССР не было размовы аб дыялогу на гэтую тэму. Толькі ў час адлігі былі ініцыяваныя перамовы аб магчымасці вяртання французскіх бібліятэк і архіваў на радзіму, але на практыцы гэта займела літаральна некалькі сімвалічных актаў перадачы другарадных прыватных архіваў [3, с. 172].

У пасляваенны час актыўна працаваў “Цэнтр сучаснай яўрэйскай дакументацыі” (“Centre de documentation juive contemporaine”), які быў заснаваны яшчэ ў ваенны перыяд, а ў 2005 г. ўліўся ў Музей памяці халакосту (“Mémorial de la Shoah”). Ужо ў 1947 г. ён падрыхтаваў зборнік

¹ Знойдзеныя ўвесну 1945 г. ў горадзе Чэска Ліпа архівы міністэрства ўнутраных спраў Францыі былі ўвосень таго ж года адпраўленыя ў Маскву ў ліку 38 вагонаў з дакументамі [3, с.110].

дакументаў і сведчанняў аб рабаўніцтве нацыстамі яўрэйскіх бібліятэк у Францыі [20].

Сёння «*Mémorial de la Shoah*» прапаноўвае адну з буйнейшых тэматычных бібліятэк па праблематыцы халакосту, дзе шэраг кніг і артыкулаў тычацца тэмы лёсу канфіскаваных бібліятэк. Знаёмства з фондамі ў прарыскай сядзібе музея і ў яго філіяле ў прыгарадзе французскай сталіцы – Дрансі, дазваляюць характарызаваць «*Mémorial de la Shoah*» як найбольш змястоўны і зручны для працы па акрэсленай тэме навуковы асяродак [6]. Да рэчы, сайт Музея памяці халакосту размясціў на сваёй старонцы базу дадзеных аб канфіскаваных бібліятэках, падрыхтаваную пад кіраўніцтвам Марцін Пулэн. То–бок, у нашым распараджэнні ў зручнай форме табліц ёсць спісы арганізацый і прыватных уласнікаў, чые бібліятэкі былі скрадзеныя, а ў пасляваенны час сталі аб’ектам пошуку. Паводле прыблізных падлікаў з Францыі было вывезена каля 10 млн. кніг, адабраных у тысяч прыватных асоб і арганізацый. База дадзеных адлюстроўвае ў дробных дэталях месца і час рабавання, статус скрадзенага. Абсалютная большасць выяўленых у нашай краіне фрагментаў французскіх бібліятэк можна стасаваць са звесткамі з дадзенага спісу, што дазваляе лепш зразумець акалічнасці рабаўніцтва ў 1940–1945 гг. і каштоўнасць менскіх «трафейў».

Кананічнай працай апошніх дзесяцігоддзяў стала манаграфія М. Пулэн «Кнігі скрадзены, чытачы пад наглядам. Французскія бібліятэкі пад акупацыяй». Паводле падлікаў аўтара, заснаваных на працы з архіўнымі фондамі, па меншай меры 2248 асобы страцілі свае бібліятэкі ў вайну. Ім было вернута, або толькі атрыбутавана, толькі каля 350 тысяч кніг. Аналагічны спіс арганізацый налічвае трохі больш 400 пазіцый. У іх карысць было вернута блізу 200 тысяч кніг. У працяг вывучэння пытання, у 2019 г. М. Пулэн падрыхтавала калектыўную манаграфію па выніках аднайменнай міжнароднай канферэнцыі «Дзе зараз знаходзяцца скрадзеныя нацыстамі бібліятэкі?» (сакавік 2017, Парыж). Некалькі глаў гэтай кнігі наўпрост прысвечаныя лёсу трафейных бібліятэк у Беларусі і былым СССР. Першая аб’ёмная глава належыць легендарнай амерыканскай даследчыцы П. Грымстэд Кэнадзі, якая вылучыла асобны параграф беларускаму пытання – «Кнігі канфіскаваныя ERR з Сілезіі ў Мінску і яшчэ далей». Аўтар дае сціслы нарыс вывучэння лёсу трафейных фондаў ад моманту першага візіту ў НББ у 2003 г., калі яе адкрыццё не займела вялікага рэзанансу і да досыць шырокага яго розгаласу ў 2010–ых гг. [13, с. 40–43] У падсумаванні да главы яна выказалася на конт бліжэйшых перспектываў даследавання наступным чынам: «... найбольш карысны для Францыі аддалены фонд канфіскаваных кніг знаходзіцца ў

сталіцы постсавецкай рэспублікі Беларусі, зараз ужо незалежнай. ... Даследаванні, якія тут вядуцца, верагодна, дапамогуць праясніць абставіны з гэтым пытаннем у іншых акупаваных краінах» [13, с. 46]. У пятай главе «Французскія канфіскаваныя кнігі ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі» падсумоўваюцца вядомыя на зараз факты аб акалічнасцях з’яўлення ў 1945 г. вагонаў з фрагментамі французскіх бібліятэк у Мінск, іх дакладнага паходжання, перспектывах дэталёвага вывучэння пры актуальным стане дасяжных крыніц [13, с. 81–98].

Спецыфіка перамяшчэння архіўных фондаў значна менш тычыцца Беларусі, бо ў адрозненні ад кніг, што масава аселі ў БССР, абсалютная большасць архіўных матэрыялаў была сабраная ў Маскве. Тым не менш, Мінск як кропка транзіту дастаткова часта фігуруе ў адпаведнай навуковай літаратуры. З вялікай энергіяй і акадэмічнай дакладнасцю гэты сюжэт вывучае Сафі Кёрэ. [0] Яе манаграфія «Скрадзеная памяць: французскія архівы, спачатку нямецкія трафеі, а затым савецкія» абагуліла гісторыю пытання ад акалічнасцяў рабавання ў Францыі, да вывазу савецкай уладай дакументаў з Рэйху ў СССР і частковай рэстытуцыі ў апошнія дзесяцігоддзі. С. Кёрэ, уважлівая да дэталей, шматкроць піша пра месца Мінска ў гэтых сумных падзеях перахоўвання чужых архіваў. У калектыўнай працы 2019 г. ««Маскоўскія фонды» погляд на рэпатрыяваныя архівы з Расіі і канфіскацыі часоў Другой сусветнай вайны», С. Кёрэ дае агляд пытанню французскіх бібліятэк у беларускіх кнігазбораў у параграфі «Ідэнтыфікацыя, апрацоўка, ацэнка» і выказвае спадзяванне, што раскіданыя па бібліятэках былога СССР і яго сатэлітаў дакументы будуць пакрысе выяўляцца. Найбольшыя спадзяванні яна ўскладае на ідэнтыфікацыю у сховішчах Польшчы, Чэхіі, Расіі і Беларусі. «З пачатку 2000–ых мы ведалі дзякуючы П. Кэнадзі Грымстэд, што частка выкрадзеных бібліятэк прыбыла ў 1945 г. ў Мінск. Упартасць нашага маладога калегі Анатоля Сцебуракі дазволіла ідэнтыфікаваць скрадзеныя фонды і зрабіць іх вядомымі наноў пачынаючы з 2013 году. Ён выцягнуў на святло наяўнасць у Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі і Прэзідэнцкай бібліятэцы Беларусі маленькіх архіўных фондаў, якія паходзяць менавіта з сям’і Рэйнакаў, Леві, Монда, графа Парыжа, а таксама ложаў Бардо...» [8, с. 220].

Відавочна, што гэтым вывучэнне пытання не вычэрпваецца, бо застаецца недаследаваным безліч прыватных выпадкаў лёсу бібліятэк, размеркаваных па бяскрайніх абсягах краіны саветаў. Добрым прыкладам можа быць лёс «Рускай Тургенеўскай бібліятэкі», якая стала ахвярай нацысцкіх рабаванняў у Парыжы і трапіла часткова ў БССР [4]. Беларускі напрамак у пошуку бібліятэкі сям’і ўплывовых французскіх

прадпрымальных, навуковых і мецэнатаў Рэйнакаў, мінскі след буйной бібліятэкі па ваеннай гісторыі Жана Арлеанскага (1874 – 1940), сталі нядаўна прадметам асобных публікацый ў французскім друку [14, 16, 17]. Відавочна, што дадзеная тэма перажывае ў апошняе дзесяцігоддзе чарговы ўздым цікавасці з-за з’яўлення новых магчымасцяў па вывучэнні і абмену дакументаў шляхам іх алічбоўкі, актывізацыі міжнародных навуковых кантактаў, правядзення канферэнцый, узрастання публікацыйнай актыўнасці.¹

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Archives de l’ombre à la lumière. Les archives françaises de retour de Moscou (1940–2002) / S. Cœuré, F. Monier // Archives «secrètes», secrets d’archives? Historiens et archivistes face aux archives sensibles. – Paris : CNRS Éditions 2003. P. 133–148.
2. Archives diplomatiques françaises. Conservation, mémoires, découvertes. / Direction des archives. – Paris : Éditions de la Martinière, 2019. – 256 p.
3. Cœuré, S. La mémoire spoliée : Les archives des Français, butin de guerre nazi puis soviétique. / S., Cœuré. – Paris : Payot, 2007. 370 p.
4. Kennedy Grimsted, P. Livres et archives pillés en France par l'Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (ERR) // Bulletin des bibliothèques de France. – № 10 – novembre 2016. P.90 – 110.
5. Labracherie, J. C. La sous-commission des livres et les spoliations allemandes pendant l’occupation de 1940–1944 / J. C., Labracherie // La Gazette des Archives. –1973. – № 82. P. 159–162.
6. Les bibliothèques spoliées / Mémorial de la Shoah // – Рэжым доступу – <http://www.memorialdelashoah.org/archives-et-documentation/le-centre-de-documentation/les-archives-du-memorial/les-bibliotheques-spoliees.html>
7. Les chefs-d’œuvre des collections privées françaises retrouvés en Allemagne par la Commission de récupération artistique et les services alliés. Orangerie des Tuileries, juin–novembre 1946. – Paris : ministère de l’Éducation nationale, 1946. 91 p.
8. Les fonds de Moscou : regards sur les archives rapatriées de Russie et les saisies de la Seconde guerre mondiale / B. Fonck, H. Servant, S.Cœuré. –Rennes : Presses universitaires de Rennes ; Vincennes : Service historique de la défense, DL 2019. 235 p.
9. Liechtenhan, F.D. Le grand pillage : du butin des nazis aux trophées des Soviétiques / F.D., Liechtenhan. – Caen : Mémorial Caen Normandie ; Rennes : Éd. “Ouest-France”, 1998. 216 p.
10. Makarov, V. Involuntary Journey of Books from Paris to Minsk // Spoils of War : International Newsletter. – №6. –février 1999. P. 25–27.
11. Manuscrits et livres précieux retrouvés en Allemagne : exposition organisée par la Commission de récupération artistique. – Paris : Bibliothèque nationale, 1949. 27 p.
12. Poulain, M. Livres pillés, lectures surveillées. Les bibliothèques françaises sous l’Occupation / M., Poulain. – Gallimard, NRF Essais, 2008. – 587 p.
13. Poulain, M. Où sont les bibliothèques françaises spoliées par les nazis / M.Poulain – Villeurbanne : ENSSIB, 2019. 231 p.
14. Sept ans d'absence (1807–1814). Témoignage d'un soldat de Napoléon ... / A. Stébouraka, P. Florentin. – Paris : Vitrine d'archives, 2020. 150 p.

¹ Даследаванне выкананае пры падтрымцы БРФФД і РФФД у рамках навуковага праекта Г20Р–011 “Сучаснае замежнае гістарычнае беларусазнаўства: эвалюцыя метадалагічных падыходаў і ацэнак”.

15. Stebouraka, A. Chapitre 5. Livres français spoliés dans les collections de la Bibliothèque nationale du Bélarus. // Où sont les bibliothèques françaises spoliées par les nazis ? – Villeurbanne : Presses de l'enssib, 2019. – P. 81–98.
16. Stébouraka, A. Les fonds français de Minsk – Les archives confisquées par les nazis durant la Seconde Guerre mondiale et conservées en Biélorussie / A., Stébouraka // Bulletin des bibliothèques de France – novembre 2016 – N° 10. P. 82–88.
17. Stébouraka, A. Livres et archives des Reinach spoliés sous l'occupation et retrouvés à Minsk (Belarus) / A., Stébouraka // Comptesrendus des séances de l'Académie des Inscriptions et BellesLettres Paris, 2016. P.1089–1115.
18. Датада доступу 15.11.2020.
19. Камісія па выяўленні, вяртанні, сумесным выкарыстанні і ўвядзенні ў навуковы і культурны ўжытак культурных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь // – Рэжым доступу – <http://http://viartanne.by/> Дата да доступу 15.11.2020.
20. Cassou, J. Le pillage par les Allemands des œuvres d'art et des bibliothèques appartenant à des Juifs de France. / J., Cassou. – Paris : Éditions du Centre, 1947. 267 p.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ–АРХИВИСТОВ 1943 г. И ОБЩЕНАРОДНОЕ СОБИРАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Т. И. Хорхордина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., д. 6, 125993 Москва, Россия,
ioad@yandex.ru*

На основе архивных источников ГАРФ и РГАЭ анализируется работа Всесоюзной конференции историков –архивистов (1943), доклады и выступления делегатов Конференции, где был поставлен вопрос о собирании всех типов и видов документальных свидетельств Великой Отечественной войны, включая документы личного происхождения. Способы и методы комплектования государственных архивов привели к необходимости внести серьезные изменения в работе по инициативному комплектованию Государственного архивного фонда в условиях военного времени.

Выдвинуто предложение о создании Центрального государственного архива Великой Отечественной войны, что, однако, реализовано не было. Идею образования Архива возродил писатель Константин Симонов в 1970–е гг. На основе архивных источников рассматривается деятельность государственных архивов и музеев, общественных организаций, Московского историко–архивного института и др. по собиранию и сохранению историко–документального наследия Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, инициативное комплектование государственных архивов, собирание документов военного времени, Всесоюзная конференция историков–архивистов.

ALL–UNION CONFERENCE OF HISTORIANS–ARCHIVISTS IN 1943 AND NATIONAL COLLECTION OF DOCUMENTARY LEGACY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

T. I. Khorkhordina

*Russian State University for the Humanities, bld. 6, Miusskaya Square
Moscow, Russia 125993, ioad@yandex.ru*

Based on archival sources of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the Russian State Archive of the Economy (RGAE) the work of the 1943 All–Union Conference of Historians–Archivists was analyzed. Speeches of the participants who raised the issue of collecting all types of documentary evidence of the Great Patriotic War, including documents of personal origin, were under analysis as well. The methods and techniques of developing the collection for state archives have led to the need to make great changes in developing of the state archives facility in wartime conditions.

An initiative to establish a Central State Archive of the Great Patriotic War was introduced but it was not implemented. The idea of opening the Archive was revived by writer Konstantin Simonov in the 1970s.

On the basis of archival sources, the author examines the activities involving the collection and preservation of historical and documentary legacy of the Great Patriotic War by state

archives and museums, public organizations, the Moscow Institute for History and Archives, etc.

Keywords: Great Patriotic War, proactive development of state archives, collection of wartime documents, All-Union Conference of Historians–Archivists

О необходимости сохранять документальное наследие военного времени заговорили уже с начала Великой Отечественной войны.

Так, уже в июле 1941 г. чл.–корр. АН СССР И.И. Минц в письме в ЦК ВКП(б) предложил создать Комиссию по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР. С декабря 1941 г. Комиссия начала систематический сбор материала о событиях на фронте и в тылу, прежде всего документов личного происхождения, остававшихся вне внимания государственных архивов.

Комиссия стала методическим центром по собиранию документов в масштабе всей страны, куда начали стекаться записи бесед и рассказов, осуществленные сотрудниками Комиссии, дневники, письма с фронта и на фронт.

Особое значение в сборе материалов по истории воинских частей придавалось записи рассказов фронтовиков – «живых свидетельств» участников боевых действий. С фронта и из тыла пошли бесценные по искренности свидетельства очевидцев драматических событий.

Архивные документы широко использовались уже в начале войны. Осенью 1941 г. по распоряжению начальника Управления государственными архивами НКВД И.И. Никитинского готовятся к изданию документальные материалы о боевом прошлом русской армии и полководцах.

Особенно большую роль играла военная кинолетопись. Двести пятьдесят советских кинооператоров снимали на фронтах: не было сражения, вошедшего в историю Великой Отечественной, которое не запечатлялось бы на пленку.

В мае 1942 г. на совещании руководителей ведомственных архивов иницировалось немедленное проведение мероприятий по сохранению и учету документов учреждений в военное время: запрещалось уничтожение дел, также начата концентрация материалов, утративших оперативное значение (ГАРФ. Ф.Р–5325. Оп.10. Д.1231. Л. 1–14).

В мае 1942 г. проф. Историко–архивного института А.Н. Сперанский возродил научный студенческий кружок, прекративший деятельность с уходом на фронт его основателя Н.В. Устюгова. Устюгов предложил А.Н. Сперанскому идею сбора документального материала, который вместе со студентами начал собирание фронтовых писем и свидетельств участия в войне преподавателей и их учеников.

Инициатива профессоров ИАИ была поддержана участниками Всесоюзной конференции историков–архивистов, открытие которой состоялось 1 июня 1943 г. В числе делегатов Конференции были известные деятели исторической науки и культуры, представители 32 общесоюзных научно–исследовательских организаций, архивов, музеев, библиотек, редакций журналов и газет и др.

Идея необходимости собирания документального наследия Великой Отечественной войны явилась главным лейтмотивом Конференции.

В РГАЭ сосредоточены документы Конференции, собранные В.В. Цаплиным в рамках его личного фонда. В ГАРФ же хранятся протоколы заседания комиссии по проведению Конференции, а также отредактированные авторами стенограммы их докладов и выступлений, где были выявлены некоторые подробности о ходе ее подготовки. На заседании Научного совета при УГА НКВД СССР (23 октября 1942 г.) обсуждался вопрос о перечне типовых документальных материалов, образующихся в ведомствах и учреждениях, с указанием сроков хранения. Начальник Центрального архива Наркомфина Е.А. Тарханова предложила внести изменения, касающиеся группы материалов, которые с полным основанием можно назвать массовыми – о зверствах германской армии, партизанском движении, эвакуации учреждений и предприятий, материалы оккупированной части страны: «Мы должны добиться, чтобы они были сохранены» (ГАРФ. Ф. Р–5325. Оп.10. Д.1231. Л.5–8). Перечень был доработан и опубликован в 1943 г.

Открывая Конференцию, И.И. Никитинский призвал продолжить собирание документального наследия: «За каждый сохраненный документ по истории этого величайшего события мужества, историки будущего поколения будут благодарить архивистов, занимающихся их собиранием, учетом и хранением». Все документы, начиная от рапорта на фронте о выполнении боевой задачи и кончая докладом или сводкой по разгрому врага, должны быть сохранены в Государственном архивном фонде, – отметил он (РГАЭ. Ф.777. Оп.1. Д.204. Л.16–17, 35).

А.М. Панкратова призвала не допустить распыления, а «тем более дробления фондов».

Именно профессором ИАИ В.В. Максаковым были наиболее отчетливо выражены принципы собирания документальных материалов.

Максаков и его единомышленники предложили переориентировать работу по комплектованию ГАФ СССР на общенародный сбор документов, отражающих события военных лет. Появление в связи с войной новых учреждений, расширение функций существовавших до

войны учреждений во много раз по сравнению с мирным временем увеличило объем материалов, подлежащих приему в госархивы.

Поэтому Максаков подчеркнул, что надо ясно представлять всю трудность выполнения этой задачи, сложность ее заключалась в том, что количество материалов исключительно велико: «Вы даже себе не представляете всей той массы документальных материалов, которую мы в короткие сроки должны принять в свои государственные архивы». Он указал на колоссальный объем образующихся документов в деятельности штабов, армии, войсковых соединений и учреждений, которые «непосредственно обслуживают требования фронта». Освоение архивного наследия, вливающегося в ГАФ, – неотложная задача, – подчеркнул Максаков. Необходимо не только немедленно собирать и систематизировать: «Было бы действительно позорно, если бы мы, участники и современники Великой Отечественной войны, не приняли сейчас основные документы войны», но и после систематизации очень быстро создавать научно-справочный аппарат. «Выход один – создание единого временного хранилища материалов», – заключил Максаков.

Он призвал провести досрочную передачу материалов учреждений, возникших во время войны, не имеющих оперативного значения. Например, во Всесоюзном радиокомитете, – сообщил Максаков, – имеется Отдел писем: «Это ценнейшие материалы эпохи» (РГАЭ. Ф.777. Оп.1. Д.204. Л.158).

В годы войны радиовещание играло важную роль. По предложению слушателей, ищущих своих родных, которых разбросала война, оказавшихся в эвакуации и т.д., радиопередача «Письма на фронт» впервые появилась в эфире уже 9 июля 1941 г. Передача же «Письма с фронтов» – чуть позже: в августе 1941 г. Благодаря переданным в эфир письмам за время войны 30 216 семей нашли своих близких [1].

Ныне в ГАРФ хранится более двух миллионов писем – подлинных свидетельств эпохи Великой Отечественной.

Максаков предложил путь досрочной передачи в госархивы документов ведомственного и официального происхождения, а также «неотложную разработку предметно-тематических указателей, каталогов», поскольку в условиях ведомственного хранения и «до наступления нормального срока их передачи в госархивы они могут быть уничтожены». Он пояснил, что в связи с проблемой восполнения, утраченных в период войны документов, возникла потребность в охране материалов типового характера. В связи с тем, что отраженные, поглощенные, дублетные материалы ведомственными перечнями предусматривались к

уничтожению в первую очередь, их необходимо сохранить и отразить в Перечне: «Рассматривать перечень в отрыве от сегодняшнего дня нельзя».

Он привел, правда, единичный случай, когда были уничтожены дела, срок хранения которых согласно действующего перечня меньше 5 лет, «тем самым дано указание об уничтожении материалов Великой Отечественной войны». Но этот срок, указанный в перечне, – уточнил он, – был определен ведь в условиях мирного времени: «Сейчас у нас иной подход к вопросу о сроке хранения».

По его мнению, архивные органы не должны ограничиваться тем, что дают на месте воинские части и т.д., и поставил специальную задачу учета и планомерного собирания всех материалов – воспоминаний, писем, газет, отчетов о митингах, собраниях, резолюций, фотографий и т.д.: «... архивисты не могут ограничиться пассивной ролью, они активно должны собирать все, что поможет исследователю восстановить исторические факты во всей полноте».

Максаков остановился также на проблеме собирания материалов, освещающих партизанское движение, которые целесообразнее всего, по его мнению, концентрировать с материалами действующей армии в центральном хранилище, так как значительный материал "расходится по рукам», по редакциям газет, по выставкам музеев».

Новаторским является утверждение Максакова о необходимости собирания всех типов и видов документальных свидетельств, включая те, что «не оставили рукописного или печатного следа» методом их последующего восполнения: в условиях современной войны исключительную роль на фронте играют радио и телефон, устные приказы и распоряжения и вообще все «не оставляющие рукописного следа» материалы.

Он также обратил внимание на выявление личных документов, воспоминаний, автобиографий и др., остающихся «вне архивных учреждений».

Максаков с болью говорил, что материалы фотокиносъемок распыляются, многое уничтожается, многое теряется, «как это было 20–25 лет тому назад и многое из этих материалов уходит из пределов Советского Союза», и призвал принять все меры к превращению ЦГАКФФД в основное Всесоюзное хранилище для иллюстративных материалов войны.

В прениях по докладу В.В. Максакова «О задачах архивных учреждений Советского Союза по собиранию документальных материалов Великой Отечественной войны» делегаты выступили с инициативой создания Архива Великой Отечественной войны, куда должны войти все

документальные материалы, относящиеся к повседневной жизни на войне, записи живых бесед с участниками событий на фронте и в тылу, их писем, дневников и других видов личных документов, включая документы рядовых людей. Такой подход дает возможность проанализировать личностное восприятие происходящих событий, мироощущение, повседневную жизнь простых людей, информация о которых не откладывалась в госархивах. То есть речь шла, по сути, о создании Архива повседневности войны [2, с.280–281].

Военный историк А.Н. Таленский наметил пути и методы сбора документов, назвав новой исторической формой опрос участников событий и фиксацию их свидетельств: «Совершенно очевидно, что для такой работы нужно побольше людей с огнем, нежели людей, работающих без огонька».

На проблеме собирания материалов остановился, и писатель А.Н. Толстой: «Сейчас архивное дело – это дело нашей жизни буквально. Мы – участники и свидетели такой эпохи, которая никогда, конечно, не повторится. И вот сейчас в особенности важно сосредоточие на собирании тех материалов, которые послужат историкам и художникам «для написания новой «Войны и мира» – «Войны и победы» в огромных масштабах». Он также подчеркнул необходимость собирания писем, идущих с фронта дневников, записи рассказов очевидцев и передачи их в архив: «Время такое, и формы войны такие, что дневники сейчас мало пишут, а если и пишут, то какие-то отдельные строчки, очень сухо, очень коротко, потому что некогда этим делом заниматься в эпоху войны, моторов. Тем ценнее этот человеческий материал, который будет превращен в документы, сдан в архив, систематизирован и предъявлен будущим нашим историкам и литераторам» (РГАЭ. Ф. 777. Оп. 1. Д. 204. Л. 159–167).

Таким образом, впервые с конца 1920-х гг. с трибуны широкомасштабного форума прозвучали призывы к собиранию и хранению документов личного происхождения. Это собрание должно было явиться ЦГА Великой Отечественной войны в системе госархивов СССР.

Участники конференции приняли Резолюцию, пункт 9 которой предписывал поставить перед правительственными органами вопрос о создании ЦГА Великой Отечественной войны.

Однако решение о его создании осталось нереализованным. В госархивы же начали поступать комплексы документов из армейских формирований и учреждений, в связи с чем в ЦГАКА был создан отдел фондов Великой Отечественной войны, чуть позже – в ЦГАОР, ЦГЛА и др.

Благородную идею, выдвинутую Конференцией, возродил во второй половине 1970–х гг. писатель К. Симонов, выступивший с инициативой создания при ЦАМО в г. Подольске отдела воспоминаний ветеранов боев и тружеников тыла с тем, чтобы они направляли туда личные воспоминания – «солдатские мемуары» на госхранение. Он подчеркивал, что невозможно исследовать повседневную историю войны только по официальным документам или даже по воспоминаниям/мемуарам военачальников, публиковавшимся в то время с большими купюрами: из них многое изымалось Генштабом и ГлавПуром, контролировавшим процесс публикации военных мемуаров. К. Симонов справедливо говорил, что существует и «другая правда» – «окопная правда», о которой общество должно знать. Симонов с болью писал о том, что люди болеют, стареют, уходят из жизни, в результате мы можем потерять целый пласт свидетельств «рядовых» участников событий...И пока еще живы участники и свидетели военных событий, мы обязаны собрать их свидетельства о великой войне [3, с. 66].

В то же время сотрудники архивов, школьных музеев не прекращали собирание выявляемых ими свидетельств и писем фронтовиков и тружеников военного тыла, считая своим долгом сберечь документальную память о войне. С начала 1960 – х гг., особенно к 25–летию Великой Победы, по всей стране создаются школьные музеи, собиравшие и хранившие письма и дневники военных лет, в которых оживали картины сознательного героизма. [4, с.185–197].

В начале 1960–х гг. научные сотрудники музеев, госархивов, преподаватели МГИАИ проделали колоссальную работу по подготовке к изданию книги «Говорят погибшие герои», где опубликованы предсмертные письма, записки, завещания, выдержки из дневников советских патриотов, погибших в дни Великой Отечественной. Составители отмечали, что письма, прошедшие сложный путь, прежде чем попасть на страницы издания, имеют свою историю, «их сохранность часто была сопряжена со смертельной опасностью для тех, кто в тылу врага берег их...» [5, с.15]. Книга, выдержавшая семь изданий, стала летописью мужества погибших героев.

В 1970–е–1980–е гг. вышел в свет сборник публицистических статей военных лет И. Эренбурга в двух изданиях. Писатель, публицист Илья Эренбург, будучи сотрудником газеты «Красная звезда», каждую неделю выезжал в действующую армию. Он буквально мешками получал письма с фронта, и все четыре года войны готовил на их основе и на основе своих личных встреч репортажи – своеобразную летопись войны.

Напомним, еще в годы войны И. Эренбург неоднократно писал, что военные усилия союзников не соответствуют их возможностям и «не идут ни в какое сравнение с теми жертвами, которые приносят на алтарь победы над общим врагом советский народ». Л. Лазарев, составитель 2-го издания, в 1983 г. отмечал: «Фальсификация истории Второй мировой войны стала в наше время оружием милитаристской и антисоветской пропаганды» [6, с. 344]. В актуальности этих слов, опубликованных, повторим, в 1983 г., не приходится сомневаться и сегодня. Читая эти строки, не покидает ощущение, что написаны они в наше время, когда некоторые западные политики кощунственно хотят отнять Великую победу, завоеванную ценой жизни многих миллионов советских людей.

В конце 1980-х гг. В.В. Цаплин выдвигает концепцию «очеловечивания» комплектования, получившую наиболее полное воплощение в деятельности основанного в 1988 г. по инициативе проф. МГИАИ Б.С. Илизарова Центра документации «Народный архив», создание которого было продиктовано желанием сохранить живые голоса эпохи. Ныне материалы, собранные «Народным архивом», хранятся в РГАНИ.

Таким образом, история собирания и комплектования архивов и музеев показывает кропотливую работу по концентрации документального наследия и формирования источниковой базы для изучения драматических и трагических событий Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

1. Лукина К.А. Голоса войны: фронтовые письма в фонде Радиокomiteта. URL: <http://statearchive.ru/1188> (дата обращения 01.01.2020)
2. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. М.:РГГУ, 1994. 360 с.
3. О попытке К.Симонова создать архив военных мемуаров / Публ. подгот. А.А.Курносов, Е.Д. Орехова // Отечественные архивы. 1993. №1. С.63–73.
4. Альтман М.М. Массовые исторические источники личного происхождения о Великой Отечественной войне // Поколение победителей в текстах, голосах, зрительных образах: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2016. С.185–197.
5. Говорят погибшие герои: Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1945–1945 гг.). М.: Госиздат, 1962. 280 с.
6. Эренбург И.. Летопись мужества. Публицистические статьи военных лет. 1941–1945. Изд. 1-е. М.: Советский писатель, 1974; Изд. 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1983. 370 с.

БЕЛОРУССКИЕ АРХИВЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.Ф. Шумейко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; jesti@inbox.ru

После 22 июня 1941 г. белорусские архивы оказались в сложной ситуации; было эвакуировано на Восток около одного процента от всего объема Государственного архивного фонда республики. Единственным полностью эвакуированным и потому уцелевшим архивом оказался не входивший в состав ГАФ БССР Партийный архив при ЦК КП(б)Б. Вывезенный в Уфу и реэвакуированный осенью 1944 г. в Могилев, он позволяет восполнить образовавшиеся в Государственном архивном фонде республики документальные лакуны. С началом освобождения Беларуси осенью 1943 г. восстанавливается сеть архивных учреждений республики, разворачивается работа по выявлению и возвращению в республику вывезенных из нее оккупантами архивных фондов, организуется комплектование архивов созданными в военные годы документами и материалами партизанских формирований и подпольных организаций, действовавших на временно оккупированной территории Беларуси. Благодаря самоотверженной работе белорусских архивистов удалось хотя бы частично восстановить значительно пострадавший в годы войны архивный фонд республики.

Ключевые слова: архивы; Государственный архивный фонд; Великая Отечественная война; Партийный архив при ЦК КП(б)Б; Могилев; Уфа; Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б; П. К. Пономаренко; Т. С. Горбунов; П. П. Старовойтов; Ф. О. Попов; А. И. Азаров.

BELARUSIAN ARCHIVES IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

M.F. Shumeiko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus. Corresponding author: jesti@inbox.ru

After June 22, 1941, the Belarusian archives found themselves in a difficult situation; about one percent of the total volume of the State Archives Fund of the republic was evacuated to the East. The only archive that was completely evacuated and therefore survived was the Party Archive under the Central Committee of the CP (b) B, which was not part of the GAF of the BSSR. Exported to Ufa and re-evacuated in the fall of 1944 to Mogilev, it makes it possible to fill the documentary gaps formed in the State Archive Fund of the republic. With the beginning of the liberation of Belarus in the fall of 1943, the network of archival institutions of the republic is being restored, work is underway to identify and return to the republic the archival funds removed from it by the occupiers, the archives are being completed with documents and materials created during the war years from partisan formations and underground organizations operating in the temporarily occupied territory. Belarus. Thanks to the selfless work of the Belarusian archivists, it was possible to at least partially restore the archival fund of the republic, which was significantly damaged during the war.

Keywords: archives; State Archive Fund; Great Patriotic War; Party Archives under the Central Committee of the Communist Party (b) B; Mogilev; Ufa; Commission on the History

of the Patriotic War under the Central Committee of the Communist Party (b) B; P.K. Ponomarenko; T.S. Gorbunov; P.P. Starovoitov; F.O. Popov; A.I. Azarov.

Война нанесла колоссальные потери белорусским архивам. По документально подтвержденным данным общий ущерб центральным и областным архивам республики составил не менее 58% их довоенного объема. Наибольший урон понесли центральные государственные архивы. Он составил около 64 %. Преднамеренному уничтожению подверглось не менее 770 тыс. дел, что составляет (если исключить архивы в Могилеве, пострадавшие в ходе военных действий) около половины от уничтоженного архивного фонда Беларуси [18, с. 17]. Единственным архивом, полностью эвакуированным из Беларуси на Восток, а потому уцелевшим, стал Партийный архив ЦК КП(б)Б, располагавшийся накануне войны в Могилеве. Об обстоятельствах его эвакуации поведал в своих воспоминаниях, написанных незадолго до смерти, его заведующий, довоенный выпускник Московского историко-архивного института Ф.О. Попов (1907–1970) [16]. Вывезенный в Уфу, архив до осени 1944 г. пребывал в столице Башкирской АССР, приютившей у себя и другие, эвакуированные из Москвы, Вильнюса, Кишинева, других городов Союза ССР государственные и партийные архивы. Коллектив сотрудников архива выполнил свой профессиональный долг, сохранив для белорусского общества и государства важный информационный потенциал, в значительной степени восполнивший тот пробел, который был нанесен государственным архивам республики в годы войны.

Но в начале статьи сформулируем несколько тезисов, проистекающих из ее содержания.

Во-первых, судьба белорусских архивов в годы Великой Отечественной войны напрочь выбивает почву из-под ног некоторых маргиналов, до сих пор пытающихся оправдать совершившуюся в 1938 году реорганизацию системы управления архивами (передача их в ведение НКВД), и указывающих на то, что, дескать, «военизация» архивов способствовала проведению с началом войны организованной их эвакуации.

Во-вторых, ограбление и уничтожение белорусских архивов в годы войны специально созданными службами нацистской Германии (имеется в виду пресловутый оперативный штаб Розенберга с его рабочими группами и командами) подтверждает колоссальные масштабы ограбления и уничтожения культурных ценностей, производившихся нацистами на оккупированных территориях, что не могло не вызвать со стороны демократического мирового сообщества уже в ходе войны принятия мер, направленных на их минимизацию. Мы имеем в виду подписанную 5

января 1943 г. правительствами СССР, США, Великобритании и 15 других стран антигитлеровской коалиции Декларацию об оставлении за собой права объявлять недействительной любую передачу или любую сделку в отношении награбленной собственности [3, с. 337–338].

И, наконец, в–третьих, подавляющее большинство белорусских архивистов, как тех, что эвакуировались в советский тыл, так и вынужденно оказавшихся на оккупированной территории, с честью выполняли свой профессиональный долг по сохранению вверенного им обществом и государством документального наследия.

Первые сведения о судьбе белорусских архивов, достаточно противоречивые, и не всегда достоверные, встречаются в официальных документах осени 1941—весны 1942 гг. Так, в докладной записке первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР», направленной не ранее августа 1941 г. на имя И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, читаем: «Центральный партийный архив КП(б)Б вывезен полностью и находится в Уфе. Секретный архив, учетные дела парткадров также полностью вывезены.

Архивы НКВД и НКГБ эвакуированы полностью. Многие наркоматы секретные архивы уничтожили... Архив СНК БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из–за растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мной был послан отряд 27 июня 41 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог.» [5, с. 249–250].

С другой стороны, мы располагаем свидетельствами о состоянии оставшихся на оккупированной территории Беларуси архивов, исходившими из другой стороны, а именно – из архивного отдела при Генеральном комиссариате Беларуси (составлены в августе–октябре 1941 г.). Они также носят достаточно общий, неопределенный характер. В частности, исполнявшая должность «уполномоченного по охране имущества Госархива Минской обл.» в городской управе, довоенная сотрудница этого архива Ядвига Менжинская информировала 25 октября 1941 г. руководство архивного отдела, что по городу разбросано много архивных материалов. 15 августа 1941 г., обследовав архив Академии наук (в нем, как известно, находился и перемещенный по инициативе Временного управления Вильно и Виленским краем в октябре 1939 г. из Вильно Исторический архив) она сообщала, что четверть его свалена в беспорядке в одном из помещений Академии [5, с. 250].

Объясняя перед вышестоящим архивным руководством в Москве причины, по которым не могли быть эвакуированы архивы из недавно

интегрированных в состав Государственного архивного фонда БССР западных областей, заместитель начальника Отдела госархивов НКВД БССР П.П. Старовойтов (1894—1959) значительную долю ответственности за оставление архивов на произвол судьбы возлагал на руководство республиканского НКВД, которое, по его словам, спешно покинуло Минск, даже не поставив об этом в известность его, как одного из руководителей архивной службы Беларуси[13, л.1–2].

Заметим, что подобная критика в адрес органов власти и управления Беларуси звучала не только со стороны руководства архивной службы республики. Так, в составленной весной 1944 г. писателем Г. Мурашко, бывшим в годы войны агентом спецгруппы НКГБ БССР, своеобразной «аналитической справке» об уничтожении культурных ценностей, исторических памятников в Минске, читаем: «Немало горьких слов было сказано по адресу руководителей некоторых культурных советских учреждений со стороны подавленных и разочарованных людей из кругов интеллигенции. Часто эти высказывания приобретали форму резкой критики. В большинстве это была критика людей, болевших душой за те разрушения, свидетелями которых им пришлось быть, за все разрушения культурных и материальных ценностей. Они критиковали нераспорядительность некоторых органов Советской власти и отсутствие организаторских способностей некоторых руководителей, по их мысли допустивших все это» [9, л.19].

Выбравшись вместе с рядом сотрудников Отдела госархивов и Минского областного архива из пылавшего Минска и перебравшись в Могилев, П.П. Старовойтов оказался вскоре в Марийской АССР, где в течение непродолжительного времени работал инспектором культурно–воспитательной части одной из многочисленных исправительно–трудовых колоний, существовавших на территории этой автономной республики. Затем он был возвращен к своей прежней должности заместителя начальника Отдела госархивов НКВД БССР, занявшись в первую очередь выяснением судьбы вверенного ему архивного наследия и восстановлением кадрового потенциала архивных органов и учреждений республики.

Разумеется, в условиях начального периода войны, когда первоочередной задачей, вставшей перед партийными и советскими органами республики, была организация отпора врагу, судьба архивов на некоторое время оказалась отодвинутой на второй план. Но лишь на некоторое время...

Находившееся в Москве партийное и советское руководство Беларуси не только координировало и направляло разворачивавшееся на

оккупированной территории республики партизанское движение и антифашистское подполье (как известно, первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко возглавил созданный в мае 1942 г. ЦШПД, а секретарь ЦК КП(б)Б П.З. Калинин—БШПД, возникший в сентябре этого же года), но и предпринимало все, возможные в условиях войны меры, направленные на соби́рание и сохранение вывезенного в советский тыл научного потенциала Беларуси, включая архивы. Оно не могло не понимать, что нацистские органы пропаганды развернут на оккупированной территории республики информационную войну, в которой будут использовать любые средства, включая разжигание национализма, антисемитизма, ксенофобии и др.

Показательна в этом отношении докладная записка академика—секретаря Отделения общественных наук АН БССР, известного белорусского историка, академика В. Н. Перцева, направленная им 1 ноября 1943 г. в Президиум Академии наук республики и Отдел пропаганды ЦК КП(б)Б. В ней ученый писал: «Немцы развивают в пределах Белоруссии бешеную агитацию, целью которой является выставить Советскую власть в качестве угнетателя белорусского народа...Из лицемерных «забот» немцев о развитии в Белоруссии будто бы национальной белорусской культуры ничего не вышло и не могло выйти. В насильниках и разбойниках белорусы ничего не могли видеть, кроме своих явных врагов. Немецкая «заботливость» о белорусской культуре не заслуживает даже полемики с ней—она может вызвать к себе только насмешку, соединенную с презрением. *Но на представителей гуманитарных наук, тем не менее, падает обязанность подчеркнуть в своих работах самостоятельность общественной мысли и общественной жизни в прошлом и настоящем белорусской земли и тесную связь белорусского народа—также в прошлом и настоящем—с родственными ему народами—русским и украинским*» [выдел. мною—М. Ш.] [10, л. 187–188].

Немаловажную роль в информационной войне призваны были играть исторические документы, оставшиеся на оккупированной территории.

И, действительно, анализ документов оккупантов и их приспешников свидетельствует, что оставшиеся не эвакуированными архивы были использованы как спецслужбами противника, так и его пропагандистским аппаратом [4; 6; 7]. В ряде случаев оккупанты и коллаборационисты, опираясь на попавшие в их руки документы, в которых содержались действительно имевшие место факты негативного характера по отношению к архивам со стороны официальных лиц советской Беларуси, придавали этим фактам русофобскую, антисемитскую направленность. В

качестве примера можно сослаться на опубликованную в «Беларускай газэце» статью «архіварыуса» под характерным заголовком “Як бальшавікі знішчалі беларускія архівы”, в которой автор (предполагаем, что им был заведующий Минским историческим архивом Вацлав Карлович Новаковский, работавший до войны рядовым сотрудником в этом же архиве), повествуя о действительно имевшей место плохой организации перемещения в октябре 1939 г. из Вильно в Минск Исторического архива, делал в заключении следующий вывод: “Невядома, ці ў зьнішчэньні і псаваньні ладнае часткі вельмі каштоўных актаў для гісторыі і быту Беларусі была вінаватая дрэнная арганізацыя й неахайнасць, прышчэпленая жыхарству расейскім (царскім і савецкім) урадам, ці, магчыма, жыды і маскалі мелі патаемны намер зьнішчыць дакументы, якія сьведчылі аб тым, што Беларусь паводле свае культуры і гісторыі была звязаная з Эўропай, а не з Маскоўшчынай”[1, с. 2].

С учетом проводившихся или намечавшихся к проведению оккупантами и их приспешниками подобного рода пропагандистских акций с использованием имевшихся в их руках архивных документов уже 21 августа 1942 г. Правительство республики на своем заседании рассмотрело вопрос «О мерах улучшения хранения архивных документов, эвакуированных из БССР»[2, с. 148–152]. Несмотря на тематику заседания правительства, выступивший с докладом П. П. Старовойтов основное внимание сосредоточил не на судьбе эвакуированных из Беларуси архивов, которых было вывезено около 75 тыс. ед. хр., что составляло всего лишь 1% ГАФ республики (докладчик к тому же не всегда владел информацией о их местонахождении), а на задачах белорусских архивистов в ближайшей перспективе. Таковыми он считал работу по концентрации документальных материалов, возникающих в ходе Великой Отечественной войны. Данное обстоятельство, на наш взгляд, было во многом обусловлено деятельностью созданной в июне 1942 г. под руководством секретаря ЦК КП(б)Б по пропаганде Т.С. Горбунова Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б, одним из основных направлений работы которой было собирание документов и материалов по истории Беларуси в годы войны [20]. Белорусская комиссия имела предшественника в лице возникшей еще в декабре 1941 г., правда, при Президиуме АН СССР, Комиссии по истории Великой Отечественной войны, не только внесшей значительный вклад в формирование документальной базы по изучению истории Великой Отечественной войны, но и оказывавшей большое методическое и практическое содействие в формирование подобной базы в Беларуси [8].

Отложившиеся в фондах ЦК КП(б)Б, а также собственно самой Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б документы делопроизводственного характера свидетельствуют, что сотрудники московской комиссии неоднократно выезжали в освобожденные районы Беларуси, где записывали воспоминания участников партизанского движения, подполья, бывших военнопленных, узников нацистских концлагерей, гражданского населения, передавая затем копии созданных документов в распоряжение белорусской комиссии[14]. Так, во время пребывания в августе 1944 г. в недавно освобожденном Минске Б. Л. Лихтер и Ф. Л. Еловцан встретились с П. П. Старовойтовым и только что назначенным на должность начальника Отдела госархивов НКВД БССР А. И. Азаровым (1907—1990), записав их воспоминания. Переданные затем в белорусскую комиссию и ныне хранящиеся в ее фонде, они представляют несомненный интерес для историков, занимающихся изучением истории архивного дела в Беларуси накануне и в годы войны. Они свидетельствуют не только об утратах, понесенных белорусскими архивами в военное лихолетье, но и о предпринимаемых архивистами республики усилиях по собиранию и концентрации в государственных архивах Беларуси документов военного периода [15].

Очень важным представлялось участие сотрудников белорусской комиссии в лице И. К. Купреева в работе юбилейной конференции историков–архивистов СССР, проходившей 1—3 июня 1943 г. в Москве [17]. Сохранившиеся заметки Купреева с конференции свидетельствуют, что белорусский историк–архивист считал целесообразным руководствоваться решениями этого форума в работе архивных учреждений республики после изгнания с ее территории оккупантов.

С началом освобождения Беларуси возобновил свою деятельность в Гомеле Отдел государственных архивов НКВД БССР. Постановлением Правительства республики от 16 ноября 1943 г. были утверждены его структура и штаты, равно как и штаты областных отделов и архивных учреждений (в количестве 454 чел.) [11, л. 103–124]. Информирова об этом 24 ноября 1943 г. центральное архивное руководство, П. П. Старовойтов одновременно сообщал, что за годы войны архивами Беларуси проведена значительная работа по собиранию в основном печатной продукции, выходившей как на оккупированной территории республики, так и в советском тылу (листовки, газеты «За свободную Белоруссию», «Раздавим фашистскую гадину!», «Партизанская дубинка» и др.).

Главная задача, которая в это время встала перед архивистами Беларуси, это – выявление и возвращение в республику вывезенных оккупантами архивов с одновременным собиранием документов,

созданных в ходе войны. Она решалась путем создания специальных оперативных групп, которые продвигались вместе с передовыми частями Красной Армии на Запад, выявляя там вывезенные оккупантами архивные собрания белорусского происхождения.

Взросший объем работы потребовал реорганизации Отдела госархивов. В принятом в начале декабря 1944 г. постановлении Совнаркома Беларуси о реорганизации Отдела в Управление госархивами НКВД БССР особое внимание обращалось на необходимость выявления и концентрации «всех безнадзорных документальных материалов», а также «обнаруженных делопроизводственных и печатных материалов немецкого командования и органов «самоуправления» [12, л. 9–10].

С освобождением столицы Беларуси активизировала свою деятельность и Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б. В конце июля 1944 г. ее рабочий аппарат переехал в Минск; в октябре этого же года в Могилев был реэвакуирован Партийный архив. Здесь они продолжили начатую в Уфе работу по собиранию и концентрации документов и материалов периода войны и даже попытались приступить к их опубликованию, положив таким образом начало процессу введения в научный оборот документальных источников о партизанском движении и подполье в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, который позже приобретет системный характер.

Однако, главной проблемой для белорусских архивистов в условиях продолжавшейся войны оставалась проблема выявления с целью последующего возвращения в республику вывезенных оккупантами архивов. Этому в значительной мере было посвящено совещание начальников архивных отделов УНКВД, начальников центральных государственных, областных архивов и начальников отделов секретных фондов, состоявшееся 21 ноября 1944 г. в Минске. Подводя его итоги, начальник еще АО НКВД БССР лейтенант госбезопасности А. И. Азаров констатировал: «Первая задача—продолжить розыск документальных материалов...Мы еще не знаем точно, какие документальные материалы и где хранятся, поэтому не может быть правильного научного комплектования» [цит. по: 21, с. 149].

Поиски перемещенных государственных архивов шли по разным направлениям: путем опроса свидетелей, направлений запросов в адрес Советской военной администрации в Германии, выездов архивистов в предполагаемые места вывоза белорусских архивов и др. Было установлено, что документы Филиала ЦГИА БССР в г. Гродно вывозились в Данциг, Госархива Минской обл.—в Троппау (Судетская обл.). В Риге были обнаружены вывезенные немцами фонды минских дворянского

депутатского собрания, губернского и уездного предводителей дворянства, казенной палаты, виленского губернатора, Несвижский архив кн. Радзивиллов и др. Командированный в Ригу в апреле 1945 г. начальник Архивного отдела Минской обл. Г. А. Гинзбург отгрузил эти материалы, которые 3 мая 1945 г. вернулись в Минск. Там же, в Риге начальником Архивного отдела УНКВД по Витебской обл. П. Я. Кудряшевым, разыскивавшим следы Витебского областного архива, был обнаружен вывезенный оккупантами ЦАОР БССР; разумеется, уцелевшая его часть. В июле 1945 г. реэвакуированные материалы прибыли в Минск и были помещены в здании бывшей синагоги по ул. Немига, 1 б. На обложке программы нашей конференции как раз—таки и помещено фото возвращенного архива; крайний слева стоит его начальник, закончивший до войны аспирантуру МГИАИ, участник Великой Отечественной войны, А. М. Карпачев, ставший впоследствии известным ученым, доктором исторических наук.

Процесс восстановления архивного хозяйства Беларуси продолжался и в послевоенный период; продолжается он и сегодня.

Подводя итоги, отметим, что белорусские архивисты в союзе прежде всего с историками внесли свой весомый вклад в достижение Победы над нацизмом в годы Великой Отечественной войны. Оказавшись в сложных условиях военного времени, они, как и большинство белорусского народа, честно исполняли свой профессиональный долг, сохраняя то, что было создано ранее, собирая создававшееся и вводя, насколько это было возможно в условиях войны, в научный оборот документы и материалы, представлявшие важную источниковую базу для последующего осмысления событий Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

1. Беларуская газета. 1943. 7 жн. № 59 (177).
2. Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г.—1944 г. Сб. док. и мат. Вып. 1. Июль 1941—1942 г. Минск: НАРБ, 2010. (с. 148—152, стенограмма заседания СНК БССР 21 августа 1942 г.)
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946.
4. Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на материалах белорусскоязычных изданий). Мн., 1996.
5. Из истории архивов в Беларуси 1860—е гг.—1960 г.): док. и мат. Минск: БелНИИДАД, 2015. 438 с.
6. Каваленя А. А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941—1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Мн., 1999.
7. Літвін А. М. Акупацыя Беларусі (1941—1944): пытанні супраціву і калабарацыі Мн., 2000.
8. Лотарева Д. Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 123—166.

9. НАРБ. Ф. 4–п. Оп.33а. Д. 611.
10. НАРБ. Ф. 4–п. Оп.47. Д.5.
11. НАРБ. Ф. 7. Оп.3. Д. 11.
12. НАРБ. Ф. 7. Оп.3. Д. 25.
13. НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 3.
14. НАРБ. Ф. 750 (Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б). Оп. 1. Д. 118. Л.259—281 (Стенограмма воспоминаний А.И.Азарова)
15. НАРБ. Ф. 750. Оп.1. Д. 125. Л. 37—39 (Из стенограммы беседы сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР Б.Л.Лихтер с зам. нач. АО НКВД БССР П. П. Старовойтовым 30 августа 1944 г.)
16. «Неизвестная дорога» партийного архива (Из воспоминаний заведующего партархивом ЦК КП(б)Б Ф. О. Попова об эвакуации партархива в г. Уфу в начале Великой Отечественной войны) (публикация В. А. Сверчкова) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн., 2001. Вып. 2. С. 293–301.
17. Цаплин В.В. Конференция историков–архивистов СССР 1—3 июня 1943 г. // Отечественные архивы 1993. № 5. С. 42—55.
18. Цаплин В.В. Об ущербе, нанесенном государственным архива Белоруссии в годы войны // Отечественные архивы. 2000. № 2.
19. Шумейко М.Ф. Воссоединение Единого государственного архивного фонда БССР (к 75–летию создания государственных архивов в западных областях Беларуси) // Архивы и делопроизводство. 2015. № 1. С. 91—102;
20. Шумейко М.Ф. Деятельность Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б. 1942—1946 гг. // Советские архивы. 1985. №2. С.36 — 42.
21. Шумейко М.Ф. Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов. Мн.: БелНИИДАД, 2013. 270 с.
22. Шумейко М.Ф. История архивного дела в Беларуси в документах российских архивов // Архивы и делопроизводство. 2010. № 4. С. 110—121.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БАЗ ДАННЫХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1941–1944 гг.)

И. В. Чернявский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, cherny-95@mail.ru*

Рассмотрено, каким образом можно использовать компьютерные технологии при изучении партизанского движения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Отдельно изучены примеры зарубежных стран и сделаны выводы об их возможном применении в отношении исследуемой темы. Определены основные направления развития в описываемой сфере на территории Беларуси. Проанализированы уже сделанные шаги, а также те трудности, которые возникают или могут возникнуть в обозримом будущем.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; ЭБД; партизанское движение; Западная Беларусь; базы данных; ОБД.

THE USE OF ELECTRONIC DATABASES IN THE STUDY OF THE PARTISAN MOVEMENT ON THE TERRITORY OF WESTERN BELARUS (1941–1944)

I. V. Charniauski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus. Corresponding author: cherny-95@mail.ru*

It is considered how computer technologies can be used in the study of the partisan movement on the territory of the BSSR during the Great Patriotic war. Examples of foreign countries are studied separately and conclusions are drawn about their possible application in relation to the topic under study. The main directions of development in the described sphere in the territory of Belarus are defined. The steps already taken are analyzed, as well as the difficulties that arise or may arise in the foreseeable future.

Keywords: Great Patriotic war; EDB; partisan movement; Western Belarus; databases; UDB.

В современном мире тяжело представить сферу деятельности человека, которая может обойтись без применения компьютерных технологий. Научные исследования не являются исключением. Особое место в этом отношении занимают электронные базы (банки) данных (ЭБД; ЭБД). В многочисленных источниках можно встретить различные их определения. Самым лаконичным и простым является следующее: ЭБД – это упорядоченное хранение материалов в таком систематизированном виде, чтобы они могли быть легко найдены с помощью компьютера. В настоящее время существует большое количество электронных баз данных, которые отличаются по ряду критериев. Исходя из них, они объединены в целые классификации. Что касается исторических ЭБД, то

их количество со временем растёт, что обусловлено интересом среди многих категорий общества. В отношении изучения периода Великой Отечественной войны в целом, и касательно партизанского движения в частности, наиболее известны и востребованы пользователями следующие ЭБД: «Мемориал» и «Подвиг народа», созданные в Российской Федерации, а также «Партизаны Беларуси» – в нашей стране. Все они имеют, как положительные моменты, так и некоторые недоработки, учитывая которые при должном подходе исследователь может удачно использовать данные электронные ресурсы в своей работе. Об этом и пойдёт речь в данной статье [1; 2].

Первым по времени создания является ОБД «Мемориал» – электронный банк данных, в котором содержится информация о солдатах и офицерах Рабоче–крестьянской Красной Армии (РККА) погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и после неё, а также о местах централизованных воинских захоронений. Старт проекта был дан в 2006 г. Министерством обороны Российской Федерации (МО РФ). В течение последующих 2 лет Военно–мемориальным центром Вооружённых сил была проведена огромная по своему размаху и трудоёмкости работа по сканированию, обработке и занесению в поисковую интернет–систему массива документов. Источником информации на первом этапе были в основном дела, находящиеся на хранении в Центральном архиве МО (ЦАМО) РФ и в Военно–мемориальном центре ВС РФ [3].

Уже к 2008 г. в рамках реализации проекта «Мемориал» было отсканировано и размещено в открытом доступе в интернете около 10 000 000 листов документов и свыше 30 000 паспортов воинских захоронений. Содержащаяся в них персональная информация составила более 20 000 000 записей. В том же году была начата реализация второго этапа: уточнение информации по конкретным персоналиям и объединение записей из разных источников, относящихся к одному человеку. Благодаря системе обратной связи пользователи ОБД «Мемориал» могут также сообщать о замеченных неточностях в базе или присылать свои дополнения. К 2015 г. в базу внесли 37 000 000 записей из архивных документов. Из них более 16 000 000 копий документов о безвозвратных потерях в годы Великой Отечественной войны и около 50 000 архивных дел. К этому времени были использованы материалы не только из ЦАМО, но и из Центрального военно–морского архива (ЦВМА), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива РФ (ГАРФ), целого ряда региональных архивов и более 1 000 томов российской «Книги Память». В

перспективе планируется расширить её и на другие военные конфликты XX в. [3].

Если говорить о пользе данной базы данных при изучении партизанского движения на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.), то она велика. Во-первых, с её помощью можно уточнять данные о службе личного состава в конкретных частях РККА до попадания в отряды и бригады в тылу врага. Там же можно почерпнуть информацию и об обстоятельствах их выбытия из своих подразделений. В партизанских документах эта информация указывалось не всегда. К примеру, сохранившиеся на многих военнослужащих карточки военнопленных дают понимание об обстоятельствах попадания во вражескую неволю, об их перемещениях по лагерям и времени побегов. Зачастую такие документы содержат и фотографии людей. Вторым важным направлением, которое можно раскрыть благодаря данной ЭБД, это призыв партизаны в ряды РККА после освобождения территории БССР и их дальнейший боевой путь в рядах регулярной армии. Ну и, в-третьих, используя загруженные паспорта захоронений, можно уточнять даты смерти, а также конкретные места захоронений партизан. Особенно это полезно в отношении небольших захоронений, которые в послевоенный период часто переносили в более крупные.

Из положительных моментов надо также отметить, что архивные документы сопровождаются полными выходными данными: архив, фонд, опись, дело и лист в нём. Это позволяет исследователю спокойно, не выходя из дома, использовать эти материалы в своей работе. Найдя одну персону, к примеру, в отчёте о погибших за определённый временной промежуток, есть возможность просмотреть всех, кто погиб тогда же. Таким образом, информация идёт в комплексе, не оторвана от общего контекста. Пополнение ОБД «Мемориал» продолжается и поныне: последнее обновление было в январе 2020 г. Из недоработок можно назвать разве что присутствие небольшого числа ошибок в персональных данных и названиях населённых пунктов. Однако учитывая объём обработанной информации, это допустимая погрешность, которая практически не влияет на качество работы с ОБД «Мемориал».

ОБД «Подвиг народа» был запущен в 2010 г. также по инициативе Министерства обороны РФ. Изначально в данной базе размещалась информация о боевых награждениях в годы Великой Отечественной войны. Для оцифровки документов из архивов даже были разработаны специальные сканеры, а для исправления ошибок были привлечены более чем 5.000 работавших на дому человек. Причём важно отметить, что каждый документ прорабатывался двумя операторами, и только если их

результат совпадал, данные заносились в базу. К 2015 г. было оцифровано свыше 20 000 000 записей, в том числе поднят целый пласт временных удостоверений, благодаря чему было выявлено около 500 000 невручённых наград [4].

При изучении партизанского движения на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.) полезными являются наградные листы и указы по РККА. По ним чётко прослеживается боевая судьба партизан как до вступления в отряды и бригады, так и после их расформирования. Т.к. данные документы заполнялись достаточно подробно, то они несут большую информацию о личном составе и его перемещениях. Помимо наградных документов по действующей Красной Армии, в ОБД «Подвиг народа» можно обнаружить и некоторые материалы по награждению участников партизанского движения. К ним относится и пласт документов по группам, действовавшим на оккупированной территории БССР по линии НКВД, НКГБ, ГРУ Генштаба РККА и от фронтов. В последние годы в ОБД «Подвиг народа» было внесено около 22 000 000 записей наградной картотеки по орденам Отечественной войны I и II степени, вручённым к 40-летию победы в 1985 и последующих годах. Благодаря ей есть возможность отследить послевоенную судьбу партизан: понять, кто умер до 1985 г., а кто на тот момент ещё был жив и где проживал [4].

Из положительных моментов надо также отметить, что в ОБД «Подвиг народа», как и в ОБД «Мемориал» информация сопровождается полными выходными данными: архив, фонд, опись, дело и лист в нём. Это значительно экономит время и затраты по самостоятельному поиску в архивах другой страны. Зацепившись за одного человека, к примеру, по наградному листу, есть возможность выйти и просмотреть весь наградной указ, и других кавалеров, отмеченных вместе с ним. Там, где имело место представление, чётко отслежено, дошло ли дело непосредственно к получению медали или ордена, или же осталось неутверждённым. Это позволяет избежать путаницы и ложного следа для исследователя. Таким образом, информация идёт в ОБД «Подвиг народа» также идёт в комплексе, не оторвана от общего контекста. Пополнение продолжается и поныне: постепенно вносится информация не только о боевых наградах, но и, к примеру, медалях за оборону, освобождение и взятие городов, массово выручавшимся участникам боевых действий. Из недоработок можно так же, как и в случае с предыдущим рассмотренным проектом МО РФ «Мемориал», назвать разве что присутствие небольшого допустимого числа ошибок в персональных данных и названиях населённых пунктов. Также стоит отметить, что в 2015 г. был запущен портал «Память народа»,

который объединил информацию ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа» на одной платформе [5].

В 2018 г. в рамках мероприятий и проектов, направленных на изучение и увековечение памяти об участниках партизанской и подпольной борьбы на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, между Национальным архивом Республики Беларусь (НАРБ) и «Издательским домом «Беларусь Сегодня» было подписано соглашение о создании общедоступной базы данных «Партизаны Беларуси». Для этого в НАРБ, где хранится основной массив документов, была создана рабочая группа из представителей основных структурных подразделений, которая определила основные направления работы. В соответствии с договоренностью Национальный архив Республики Беларусь взял на себя научно–методическое сопровождение проекта, а также работы по выявлению, анализу, отбору, подготовке и оцифровке документов. «Издательский дом «Беларусь Сегодня» в рамках работы над совместным проектом взял на себя разработку и техническое сопровождение программной оболочки базы данных и портала, а также организацию работы по вводу информации в электронные формы (к данной работе активно привлекаются и студенты ВУЗов) [6].

Презентация и запуск в общий доступ портала «Партизаны Беларуси» состоялись летом 2019 г. На тот момент в базе данных насчитывалось более 36 000 персональных электронных карточек участников партизанского движения и подпольной борьбы. По состоянию на март 2020 г. – уже более 80 000 записей. Дальнейшее наполнение БД и размещение документальных материалов на информационном портале продолжается в плановом режиме [6].

Сам по себе портал «Партизаны Беларуси» является уникальным по задумке и значимости проектом на просторах бывшего Советского Союза. Впервые именно в Республике Беларусь начали создавать ЭБД, посвящённую борьбе на оккупированных территориях, тем самым затронув сотни тысяч имён и судеб. Для исследователей партизанского движения, особенно занимающихся личным составом, это настоящее сокровище. Информация, содержащаяся в наградных листах, учётных листках и т.д. отлично дополняет другие массивы документов народных мстителей, а зачастую является и вовсе единственной дошедшей до наших дней по некоторым формированиям. Там можно обнаружить данные и о национальной принадлежности, возрасте, поле, родственниках и т.д. Работа с данной базой данных также позволяет проследить весь процесс от представления к награде до непосредственно её получения или же нет. Интересным аспектом является послевоенная переписка бывших партизан

с различными инстанциями по розыску своих орденов и медалей. Вместе с тем, значительно усложняет работу исследователей отсутствие каких-либо ссылок на отсканированный архивный документ: фонд, опись, дело, листы. Кроме того, нет возможности просмотреть комплекс в целом: к примеру, есть наградной лист, а из какого он конкретно приказа, сколько ещё человек было им награждено и т.д. Обращает на себя внимание и не достаточная работа по сверке награждений: на одного и того же человека может быть заведено несколько карточек, хотя отличия, к примеру, в фамилии всего в букву или две. Значительно осложняет работу и сильно запутывает как профессионального исследователя, так и простого интересующегося человека, отсутствие разграничения в представлении и самом награждении. Если партизана представили к ордену Ленина, например, то это не значит, что его он в конечном итоге и получил. Представления могли по несколько раз меняться, как в сторону повышения, так и в сторону понижения, а могли и вовсе не утверждаться вышестоящими инстанциями. Работа по установлению реального награждения человека трудна, но без неё интерпретация архивных документов не является полной и точной.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование электронных баз данных при изучении партизанского движения на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.) открывает широкие перспективы перед исследователями. Эти источники информации при должных знаниях и подготовке, а также критичном анализе, могут дать много полезного. XXI в. в этом отношении является показательным и переломным: ведь создание таких объёмных ЭБД, как «Мемориал», «Подвиг народа» и «Партизаны Беларуси», рассмотренных в данной статье, ещё 20–30 лет назад тяжело было предоставить. А в современном мире это стало возможно: не выходя из дома найти столь исчерпывающую информацию. Радует, что работа над их обновлением и пополнением не останавливается, а ведётся постоянно. Такой положительный опыт постепенно перенимают и начинают применять и относительно других направлений исторических исследований.

Библиографические ссылки

1. Дейт К. Дж. Введение в системы баз данных. 8-е изд. / Пер. с англ. М. : Издат. дом “Вильямс”, 2005. 1328 с.
2. Когаловский М. Р. Энциклопедия технологий баз данных. М.: Финансы и статистика, 2002. 800 с.
3. О проекте [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://obd-memorial.ru/html/about.htm>. – Дата доступа : 22.10.2020.

4. О проекте [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://podvignaroda.ru/?#tab=navAbout>. – Дата доступа : 24.10.2020.
5. О проекте [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pamyat-naroda.ru/about/>. – Дата доступа : 24.10.2020.
6. О проекте [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://partizany.by/about/>. – Дата доступа : 25.10.2020.

NOT ONLY THE CENTRAL ARCHIVES – WAR AND LOCAL GOVERNMENT ARCHIVES ON THE EXAMPLE OF CIVIL STATUS REGISTERS

H. Ciechanowski

*Nicolaus Copernicus University in Toruń,
Jurija Gagarina 11 Street, Toruń 87–100, Poland*

Funding: National Science Center, Poland, grant number 2019/32/C/HS3/00121

The historical discourse about archives war losses is mostly concentrated on the central archives or archives with a significant meaning for some territories. Nevertheless, the war did not also spare the small local archives, which were sometimes very important for both sides of the conflict. The article aims to show the fate of small archives on the example of archives of Civil Status Offices functioning at the former Prussian partition in Poland from World War I to the 1950s as well as operations taken on them by German occupant and the Polish government.

Keywords: civil status registers; local archives; historical sources

НЕ ТОЛЬКО АРХИВЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ: ЗНАЧЕНИЕ АРХИВОВ ВОЕННЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

А. Цехановски

*Торуньский университет имени Н.Коперника Польша, Торунь
ул. Ю. Гагарина, 11, Торунь 87–100, Польша*

*Источник финансирования: Национальный научный центр, Польша, грант номер
2019/32 / C / HS3 / 00121*

Исторический дискурс об архивах военных потерь в основном сосредоточен на центральных архивах или архивах, имеющих важное значение для некоторых территорий. Тем не менее война не обошла стороной и небольшие местные архивы, которые иногда были очень важны для обеих сторон конфликта. Целью статьи является показать судьбу небольших архивов на примере архивов ведомств гражданского состояния, функционирующих на территории бывшего прусского раздела Польши с Первой мировой войны до 1950–х годов, а также операций, предпринятых в них немецкими оккупантами и польским правительством.

Ключевые слова: регистры гражданского состояния; местные архивы; исторические источники

The archival discourse on the war losses of archives and their subsequent revindication focused, understandably, on the archives of central authorities or archival institutions of outstanding value [1; 2; 3; 4]. These archives, as well as the archives of individual provinces or voivodeships, were also of particular interest to the legitimate administration and occupying authorities. However, it was not only these most important archives that became victims of war. Also, the archives of local authorities or offices often became the object of interest of

the occupier and the state authorities. On the one hand, this was of course, due to their current usefulness for administering the area. On the other hand, in these small, unnoticed archives were often stored, the memory and identity of the local population.

The archives of civil status offices are an excellent example illustrating this problem. Being the archives of the lowest, communal level, they are at the same time archives of extraordinary importance. They contain information about the civil status of the population, and thus about the most significant events in the life of each person as well as the consequences resulting from them. The article will present how the period of the two wars influenced the mentioned archives. In Polish conditions, the discussed problem occurred with particular force in the lands of the former Prussian partition and the so-called Recovered Territories, which were incorporated into Poland after World War II.

In the Prussian state, secular civil status offices were established by the Act of 9 March 1874 [5]. The offices began to function on 1 October of the same year. Initially, they were introduced only in West Prussia. It was supposed to be an experiment, the aim of which was to examine whether the new solution would work in practice. In connection with the positive result of the test, the network of civil status offices was extended to the entire German Empire by the law of 6 February 1875 [6].

It should be emphasized that it was the only utterly secular network of civil registries in Poland. The registers were organized on the commune level. Their jurisdiction covered the entire population of the state, regardless of their religion. The civil status offices kept the main registers, side registers, indexes and civil-status records. All these materials, except for the side registers, were held in the civil status offices archives. The side registers, as duplicates of the main registers, were transferred to the courts of the first instance for safekeeping. The archive of each civil status office, therefore, contained as complete information as possible on the births, marriages and deaths of the population living in its territory.

The first changes affected the archives of the civil status offices as a result of World War I. This war, which was generally less destructive for the archives, did not significantly affect its state of preservation. A problem arose after the war in connection with the incorporation of West Prussia and the Grand Duchy of Posen into Poland, which was reborn after the partition. This problem was all the greater because the state maintained the district character of the law. In the matter of interest, it meant that there were initially as many as five different systems of marriage law in one country [7]. What is essential, there has never been any unification of regulations in this area [8].

The rebirth of Poland after World War I did not bring about any mass movements to emphasize the belonging of these lands to Poland or to expel people of German origin from them. On the contrary, the young state sought to keep German officials working on its territory for as long as needed. Polish aim was in line with the German side, which was unable in a short time to accommodate all those who had decided to leave for Germany, not to mention the jobs provided. On 9 November 1919, Poland and the Weimar Republic reached an agreement that the existing German staff was to detain their positions temporarily [9].

The only recorded change in the period immediately after the First World War was their translation into Polish. The state did not distance itself from the German registers, but used them and continued the registers it had started [10]. Generally, it should be emphasized that the Polish state in the inter-war period had no problem with accepting the multiculturalism of the areas of the former Prussian partition and did not take extraordinary actions to administer the lowest-level archives. Its activity was a continuation of previous actions taken by the Germans.

The treatment of the registry of civil status after World War I contrasts with what happened to him during World War II and until the mid-1950s. As a result of warfare, in September 1939, the territory of the Second Polish Republic was occupied entirely. Under the decree of Adolf Hitler of 8 October 1939 on the organization of the administration of the eastern territories incorporated into the Reich, part of the occupied territory was directly integrated into the Third Reich (including the territories of the former Prussian partition). On these territories, the occupying authorities took action to Germanize them. To this end, among others, Polish citizens were forced to sign the Volksliste under the penalty of deportation to the General Government [11].

The actions of the occupation authorities were not without influence on the archives of the civil status offices that are of interest to us. The law on registering civil status changed with the entry into force of the Führer mentioned above Decree of 8 October 1939 [12]. The regulation assumed that the existing law would only apply if it did not prevent Germany from taking over the administration. The law on the Civil Status of the Population of 3 November 1937 and the Decree of 8 October provided the legal basis for the Decree of 4 November 1939 on the Implementation of the Law on the Civil Status of the Population [13]. In the result of the law change in the annexed territories was introduced the regulations connected to civil status registers in force in the rest of the Reich.

Apart from the changes in the functioning of the offices, the Germans also started to interfere in the existing archives by translating the Polish registers kept

since 1920 into German. The fact that the Germans took steps to Germanize civil status records as evidenced by the fact that many registers were translated into German during the war and according to German patterns. This practice would not have been particularly strange if it had been a matter of making duplicate registers that had been destroyed. At the example of the fonds kept in the State Archives in Toruń, it can be concluded that the German translations are often the third copy, alongside the main and side registers. Rarely do they constitute the only copies [14; 15; 16; 17].

The local population counteracted against the invader's interference in the local archives. It was almost common, or in any case very common, to hide civil-status registers from the German administration. This was particularly evident in rural areas. Although no direct transmissions were preserved in the documentary sources, there were clear traces of these activities in the archives. Many of the surviving records are still muddy today, or even have pieces of straw between cards. The archives of the civil status offices have survived the turmoil of the war, hidden at various farm buildings such as hens and barns. The protection of the archives of civil status offices in rural areas was facilitated for several reasons. The village registers were generally thinner and had fewer volumes than the city registers, so it was easier to move them. Moreover, the officials were not obliged to live and work in the villages that were formally the seat of offices. Therefore, they could store the registers in their own homes or to reach them relatively easily before a hostile state seized them.

Both of these phenomena are an expression of contradictory tendencies. On the one hand, they lead to the Germanization of the annexed territories by falsifying the testimonies of origin and family relations of the local population. On the other hand, to the preservation of the memory of their Polish roots.

Similar tendencies were also visible after the end of World War II. As a result of the peace provisions, the borders of Poland were shifted to the west by incorporating the so-called "regained territories" into it [18]. The problem faced by the Polish authorities, however, was to make the local population Polish and to prove the eternal Polishness of the occupied territories. One of the elements of the struggle for Polishness in the western part of the country was to locate Poles who were displaced from the eastern borders of the former Second Polish Republic or the Soviet Union [19]. Although these people, to a large extent, replaced the people living in these areas earlier, the point of honour of the Polish authorities was to prove the rights to the areas. To this end, the state also decided to interfere with historical testimonies. These efforts were particularly intense in the 1950s.

To prove the Polishness of mentioned territories, the government carried out the action of translating civil status registers and removing German

originals. In the first phase, the administration recruited employees to collect the civil-status registers corresponding to the new division of the network of offices. Then, these registers were translated and entered into common books. The translation also involved changing the variants of German names into Polish names. It should be emphasized that mistakes often occurred during the translations. Not only were such information as the names of professions misinterpreted, but it also happened that the names of people who had already used Polish names were changed. The second stage was the destruction of old German registers [20]. The effects of these actions are evident. Many fonds in the state archives are deprived of original registers, whose main books were replaced by Polish copies. Luckily, the side registers have been preserved in better condition and have not been destroyed.

To summarize, it should be stated that the archives of civil status offices, which store peculiar material such as civil status registers, underwent in the period of the first half of the twentieth-century changes resulting from the policy of successive state authorities. While they survived the First World War and the inter-war period without much problems, the Second World War already brought considerable direct losses in terms of records as well as destruction resulting from poor conditions of their storage. These actions were motivated by the desire to defend the testimonies of Polishness against the German authorities' efforts to forcefully assimilate the population living in the territories annexed to the Third Reich. However, the most active intervention in the USC archives was made by the communist Polish authorities, which directly sought to destroy the testimonies of history in the name of proving the eternal Polishness of the western territories annexed to Poland as a result of World War II.

Bibliographic references

1. Kaczmarczyk K. Straty archiwalne na terenie Poznania w latach 1939–1945 // *Archeion*. 1957. Vol. 27. P. 65–93.
2. Wróbel-Lipowa K. Zniszczenia i straty polskich archiwów państwowych podczas II wojny światowej i okupacji niemieckiej w Polsce // *Annales Universitatis Marie Curie-Skłodowska Lublin – Polonia*. 1991/1992. Vol. XLVI/XLVII. P. 485–497.
3. Stępiak W. Problem rewindykacji archiwaliów przynależnych Polsce // *Rocznik Politologiczny Kielce*. 2007. Vol. 4. P. 75–84,
4. Stępiak W. Misja Adama Stebelskiego: rewindykacja archiwaliów polskich z Niemiec w latach 1945–1949. Warszawa, 1989.
5. Hinschius P. Das preussische Gesetz über die Beurkundung des Personenstandes und die Form der Eheschließung vom 9. März 1874 : mit Kommentar in Anmerkungen. Berlin, 1874.
6. Gesetz über die Beurkundung des Personenstandes und die Eheschließung // *Deutsches Reichsgesetzblatt*. 1975. Vol. 4. P. 23 – 40.
7. Sójka-Zielińska K. Historia prawa. Warszawa, 2003. P. 263.

8. Krzysztof Krasowski, Prawo o aktach stanu cywilnego w II Rzeczypospolitej, *Kwartalnik Prawa Prywatnego*, Vol. IV/2 (1995), P. 248–249
9. Pacanowska R. Przeobrażenia administracji powiatowej w Wielkopolsce w okresie II Rzeczypospolitej // *Rocznik Samorządowy*. 2014, vol. 3. s. 67–92.
10. Ciechanowski H. Problemy zespołowości materiałów archiwalnych wytworzonych przez urzędy stanu cywilnego w latach 1874–1945 // *Zasada zespołowości w praktyce archiwów państwowych. Studia i materiały*. Warszawa, 2017. P. 146.
11. Kallas M. Historia ustroju Polski X–XX w. Warszawa, 1999. P. 359–361.
12. Erlaß des Führers und Reichskanzlers über Gliederung und Verwaltung der Ostgebiete Vom 8. Oktober 1939 // *Reichsgesetzblatt*. 1939. Vol. I. P. 2042.
13. Dritte Verordnung zur Ausführung des Personenstandsgesetzes (Personenstandsverordnung der Wehrmacht) Vom 4. November 1939 // *Reichsgesetzblatt*. 1939. Vol. I. No. 22. P. 2163.
14. State Archive in Toruń: Urząd Stanu Cywilnego Lulkowo, sygn. 3112.
15. State Archive in Toruń: Urząd Stanu Cywilnego Lubicz, sygn. 3114–3116.
16. State Archive in Toruń: Urząd Stanu Cywilnego Górsk, sygn. 1091.
17. State Archive in Toruń: Urząd Stanu Cywilnego Lipniczki, sygn. 3106–3108.
18. Friszke A. Polska. Losy państwa i narodu 1939–1989. Warszawa, 2003. P. 116.
19. Piasecki A., Michalak R. Polska 1945–2015. Historia polityczna. Warszawa, 2016. P. 35–36.
20. Ciechanowski H. Rejestry publiczne w archiwach. Problemy gromadzenia i opracowania zespołów wytworzonych przez Urzędy Stanu Cywilnego // *Archiwa Polski i Europy – wspólne dziedzictwo różne doświadczenia*. Warszawa, 2017. P. 296.